НЕСНО-СНЫЙ ХАРАК-ТЕР

НИКОЛАЙ КОРСУНОВ

НИКОЛАЙ КОРСУНОВ

НЕСНО-
СНЫЙ
ХАРАК-
ТЕР

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖАЗУШЫ“
АЛМА-АТА, 1969

Р2
К69

Казахстанский писатель Николай Корсунов — автор романов «Подснежники», «Где вязель сплелась», ряда повестей и рассказов. Его книги всегда остросюжётны, злободневны.

Героиня новой повести Н. Корсунова «Несносный характер» Инна Кудрявцева уходит от мужа-деспота. С ребенком на руках она приезжает в большой город и попадает в полные драматизма ситуации. Видя, что она одинока и беспомощна, жулики пытаются прибрать ее к рукам, помогают устроиться ей на работу.

Много сил и мужества потребовалось честной молодой женщине, чтобы, рискуя жизнью, разоблачить шайку. В этом ей помогли старшие товарищи, отзывчивые советские люди.

7-3-2
243-69

ГЛАВА I

От мужа Инка уехала рано утром и уже после полудня была в городе.

Брат ее жил на окраине, в длинном барачного типа доме. Инка еще издали узнала свое бывшее жилище, и шофер попутного грузовика, везший ее, заметил, как она вдруг оживилась, заволновалась. «Вон к тому, к тому дому!» — повторила несколько раз, будто он мог спутать этот неприглядный дом с другим. Усмехнулся: стало быть, к желанному порогу поспешала красивая бабенка, угрюмо молчавшая весь неблизкий путь. Вишь, в радостях спящую на коленях дочку чмокнула! И снова усмехнулся он, когда остановился возле приземистого саманного барака и подал Инке ее легкий чемодан — она даже поблагодарить забыла, скорехонько посеменила к распахнутой двери с оторванной пружиной. В эту минуту, видно, нетяжело было ей нести и сонную дочь, и неуклюжий, бьющий по ногам чемодан...

В полутемном, казалось, бесконечном коридоре с множеством дверей пахнуло на Инку барачным жильем: копотью керосинок, кислятиной помойных ведер, мышами и кошками. Здесь давно, похоже, не радели о чистоте и порядке, как писал брат, сидели здесь на чемоданах, со дня на день ожидая переселения в благоустроенные новые дома.

Хотя и сумрачно было в коридоре, Инка безошибочно остановилась перед дверью, обшитой клеенкой. Поставив чемодан, взялась было за дверную скобу и тут же опусти-

ла руку. Она узнала клеенку на двери: та самая, та... Напоминание как-то разом лишило сил и той безоглядной решимости, которая утром помогла ей пошвырять вещички в чемодан, вскинуть на руку плачущую дочку и уйти из постылой мазанки. Прислонилась к стенке и крепче прижала к себе укачанную дорогой Леночку, боясь, что от внезапной слабости уронит ее.

Инка прикрыла глаза — и ярко, почти осязаемо, увидела на столе новенькую, чуть липнущую к рукам клеенку, почувствовала ее острый клеевой запах... Духота и шум застолья... Подвыпившая невестка тянется с рюмкой, плещет через край: «Горька-а, золовушка! Горька-а!..» А у брата лицо постное, трезвое. Он смотрит, как сомлевший от водки и нетерпения жених притягивает за талию Инку, как ищет ее губы. И было это четыре года назад. Нынче той клеенкой обита дверь...

Что сейчас за дверью? Обманчивая тишина там, не горячие объятия и накрытый стол ждут за дверью ее, беглую... Зря давала телеграмму, зря тряслась целый день в попутной машине. Но куда же ей, к кому? Ближе, роднее Николая никого у нее не было...

С той стороны мяукнула, стала царапаться в дверь кошка, просясь на волю. Послышались тяжеловатые, медленные шаги — брат шел к двери. Отворил он ее, и Инка сразу же увидела глаза Николая, устремленные на нее. Были они синими и холодными — как тень на снегу.

— Явилась?

— Приехала. — Она подняла чемодан, перешагнула порог. — Здравствуйте, что ли?..

Николай хмуровато кивнул, а невестка и головы не повернула. Возле швейной машины она продолжала штопать детские штанишки, над ее переносицей взбугрилась кожа от сдвинутых бровей, игла в руке часто, нервически тыкала в материю.

У Инки обсохли губы, в голове нарастал шум, словно от приближающегося поезда. Опустилась на чемодан. Что ж, этого следовало ожидать. Здесь, видно, еще не остыл сыр-бор, разгоревшийся после ее телеграммы... Уйти! Но куда уйти? В городе — ни одного близкого человека... На рассвете она уже ушла, уехала из одного дома...

— Ну, что ты, как сирота, у порога жмешься?..

Сказал Николай и даже крякнул с досады: кто она, если не сирота?.. Он подошел и, хмурясь от собственной неловкости, взял из ее рук девочку.

— Значит, это твоя дочура? Племянница, значит?.. Маня, взглянь — копия Инки!

Мария пожала губами: дескать, подумаешь — радость! Эдакая ж непутевая будет, как и мать. Николай побагровел, но сдержался, виновато глянул на Инку: ты же, мол, знаешь ее, шалую! Бережно положил девочку на диван, расстегнул на ней пальтишко, ослабил завязки пуховой шапочки.

— Это ж ей сколько? Три? Летит, скажи, время! — Оглянулся на Инку, устало сидящую на чемодане. — Да ты раздевайся! Маня, поставь чайник...

Мария отложила шитье и, пышная, налитая, прошла в кухонку, шурша длинным штапельным халатом. От этого колышущегося халата на Инку будто декабрем дохнуло: она зябко повела узкими плечами. Поднялась с чемодана.

Николай помог ей раздеться, провел к столу. Сидя напротив, смотрел на нее с неподдельным участием: «Ох и отощала ты, сеструха! Глаза провалились — багром не достанешь. Что же у вас там произошло? Кто прав, кто виноват?..»

Он пытался представить себе, как сестра жила все эти годы, и не мог. Из ее редких писем узнавал только, что жи-

ва, здорова. Иногда приезжал в город Григорий, но и он говорил, что живут хорошо. И вот! Сидела она перед ним измученная, загнанная, с недоверчивым, звероватым взглядом. Как получили телеграмму, Мария тут же со злостью вывела: «Выпряглась! Городской развеселой жизни захотела. Сызнова кобели за ней табуном будут...» Николай покрыл жену непотребными словами, хотя доводов в пользу Инки не смог привести. Он согласен был, что сестра действительно «выпряглась», но понимал: не потому, что «развеселой жизни» захотела. Видно, горькая удавка сперла Инке дыхание, коли она вдруг взбунтовалась. Он-то знал сестренкин характер! Однажды — Инке было лет семь — ее несправедливо наказали, и она в знак протеста ушла из дому. Через день нашли в лесу голодную, оборванную и неуломную: «Скажите, что меня неправильно наказали, тогда пойду домой!..» А в двенадцать лет переплыла Урал, злой, бурливый, еще неуспокоившийся после весеннего паводка, и ширина ему в ту пору была никак не меньше трехсот метров. Заело ее, видите ли, что кто-то из мальчишек сказал, будто плавает она, как курица. С противоположного берега, выдохшуюся, полуживую, привез ее бакенщик в лодке...

Нет, Николай знал характер сестренки! Уж, конечно, не ради «развеселой жизни» она «выпряглась»... А ради чего? Что у них там произошло? Спросить напрямик не решался.

Спросил о другом:

— Измучалась? Дорога — дрянь, поди?

— Развезло...

— До вас, пожалуй, — он, прикидывая, наморщил лоб, — километров сотни полторы?

— Сто шестьдесят семь...

Быстро можно исчерпать общий, ни к чему не ведущий разговор! Оба молча следили за Марией. Она ставила на стол посуду, масло, сахар. Делала все быстро, ловко, но

с таким брезгливым видом, что думалось: вот-вот фыркнет, словно кошка, ступившая в мокрое. Инку по-прежнему обходила взглядом.

Николай усердно, без нужды дул на чай в блюдце, как бы между прочим поинтересовался:

— Прогнал?

Натянутая, настороженная Инка ждала этого вопроса. И все же он показался и неожиданным и злорадным, словно его не родной брат задал, а надменная невестка. Инка осторожно поставила чашку на блюдце и, глядя почему-то на Марию, отрезала:

— Сама ушла! Вас это устраивает?

Николай поперхнулся чаем. А Марии того и надо! Воткнула кулаки в бока и понесла, понесла, будто удила закусила:

— Устраивает?! Очень, оч-ень устраивает, золовушка-колотовушка! Очень! Хоромы царские, неохватные! Тебя только и недостает нам, тебя да щенка твоего...

Николай, лиловея, трахнул кулаком по столу:

— Цыц!

Звякнула посуда. Проснулась на диване Леночка. У Марии обрезало голос. Она оскорбленно свела губы в скобку и скрылась в кухонке. А Николай растерянно и смущенно смотрел на свой огромный в ссадинах кулак, лежащий на столе. Чуток сильнее — и проломил бы столешницу. Сроду такого не бывало!

Слыша в комнате тишину, Мария опять сыпанула скороговоркой:

— Думала, отмаялась, избавилась, так ее сызна... С такой сам черт не уживется...

Николай повел бровью на дверь кухоньки и, ободряюще, — на Инку. Холодные синие глаза потеплели, в них словно бы голубые проталины появились.

— Ты... не обращай, сестренка... Я тебя никому в обиду...

Подперев ладонью лоб, Инка уставилась на скатерть, застланную тонкой прозрачной клеенкой. Редко взмахивали ресницы. «Лучше бы и не заходила сюда... Родные же, брат... А она! За что? Как бы она на моем месте?.. Как? Она знала, как: Коля у нее по одной дощечке... Разве им понять... У них — гнездышко, у них — тишина и покой...»

— Наплюй, сестра... Перебесится и... Пропишем тебя, скоро в новую квартиру...

В кухне неистово загремела кастрюлями Мария. Николай опять повел в ту сторону бровью, но уже не так решительно, как в первый раз. После телеграммы у них с Марией был разговор насчет новой квартиры. Николай сказал, что если они пропишут у себя Инку с дочкой, то получат не двухкомнатную, а трехкомнатную квартиру. Мария уперлась в свое: «Буду в сарае с детьми жить, но только без нее!..»

Он терзался. И потихоньку проклинал и Марию и Инку — всех баб на свете! «Десять мужиков уживутся под одной крышей, а две бабы — ни за что!..» Он преувеличивал тягостность положения и потому еще больше терялся. Выдавливал из себя улыбку, неуверенно утешал:

— Мы еще заживем, сеструха... Все образуется...

Инка подняла голову. Влажные от слез глаза были нестерпимо сини. Николаю было больно смотреть в них. Он суетливо налил ей свежего чаю, пододвинул сахарницу.

— Не обращай внимания. Пей, ешь, как дома... Будешь у нас жить...

— Спасибо! — Она встала и подошла к дивану. Нагнувшись, застегнула на дочке пальтишко.—Ты не спишь, доча? Ты ножками пойдешь?

Леночка сползла с дивана, большими, как у Инки, глазами нерешительно обвела незнакомую комнату.

— Мамочка, это мы к дяде Коле приехали, да, мамочка?

— Нет, доча, это чужой дядя...

Николай вскочил, загородил дорогу:

— Никуда ты не пойдешь! Не пущу! В тесноте, да не в обиде. Скоро новую квартиру получим... Пропишем вас, в долю войдете, трехкомнатную дадут...

— Отойди! — мотнула она головой, почти не разжимая губ.

И Николай посторонился.

— Тебе помочь?

— Помоги жене полы вымыть после нас...

Вот и опять знакомая улица, знакомая окраина. После вчерашней оттепели снова выпал снег. Мягкий, пушистый, он прощально белел на крышах, на талых черных ветвях кленов, податливо хрустел под ногами. Леночка, лопоча, бежала впереди, брала воздушный снег на рукавичку, украдкой слизывала языком... Инка не слышала ее лопотания. Другое в голове, другие мысли! Почему стала чужой родная, милая улица, чужой и враждебной? Почему? Почему?!

Каждый дом, каждый клен — воспоминание, грустное, как хороший, несбывшийся сон... Под этим вот кленом Григорий, сжимая ей плечи, спросил: «Ты... девчонка?» — «Конечно, не мальчишка!» Он злился: «Нет, ты... честная?» Она хохотала: «В воровстве никто не уличал!»

Григорий снял руки с ее плеч и самолюбиво замолчал. Смотрел в сторону. Закурил, угрюмо проговорил: «Не прикидывайся наивной... Про тебя всякое болтают...» Да, про нее в то время всякое болтали. Ухажеров Инка меняла с легкостью. Парни грозились: проучим, Инка, век помнить будешь! Она смеялась: рученьки коротки! Самым неотвязчивым оказался Григорий, этот демобилизованный симпатичный сержант. Казалось, его ничем нельзя было пронять, он не умел долго обижаться на ее бедовые

выходки. Зато подход к женитьбе у него был хозяйственный, крестьянский: он хотел все знать о своей будущей жене — ведь о ней «всякое болтали». «Девчонка?... «Честная?...» Будто лошадь покупал. Поначалу Инку оскорбила эта его практичность и дотошность, но потом она по-другому взглянула на него: значит, парень серьезный и жену хочет иметь серьезную, верную. Тогда Инка не особенно вдавалась в анализ своих чувств к нему. Достаточно было того, что он ей нравился. Однако вряд ли она вышла бы за него замуж, если б не косые взгляды Марии, если б не ее вечное ворчание и укоры.

Николай нахмурился, когда сказала о своем решении. Не одобрял поспешности. А Мария — наоборот: «И чего ты девчонке поперек дороги?! Чай, не маленькая, скоро девятнадцать. И парень вон какой, любо-мило поглядеть! Из семьи справной...» Да ведь Марию можно было понять.

Через две недели отыграли свадьбу и уехали в колхоз, к его родителям... Давно это было, почти четыре года назад...

А теперь — снова она, знакомая вечереющая улица. Из-под лохматой тучи — озябший, красный подбородок солнца. Ветрено и холодно будет завтра...Этот четырехэтажный дом, видно, недавно построен. Старый деревянный квартал с пыльными палисадниками уступил ему свое место. В нижнем этаже — сверкающий неоновыми огнями универмаг.

Инка остановилась перед огромной витриной. Остановилась бесцельно. На дворе март, а за толстым зеркальным стеклом — новогодняя елка в игрушках. Колышутся снежинки на невидимых нитях, с ватных горок катаются зверята, застыла в углу снежная баба с морковным носом...

Леночка нетерпеливо дергала за рукав:

— Мама, эта тетя смотрит, чтоб детки снег не ели, да?.. А ты мне купишь вон того мишку, мамочка?..

А когда мы к дяде Коле придем, мама? У меня уже пальчики замерзли, вот столечко, немножко совсем...

Инка выпустила из рук чемодан, подхватила дочку и обцеловала розовое холодное личико. Отвернулась, чтобы Леночка ничего не заметила. Никогда они не придут к дяде Коле, никогда! И вообще она не знает, когда и куда они придут...

◆

ГЛАВА II

Эдик неслышно ходил по мягкому большому ковру. Длинные тонкие ноги почти не гнулись в коленках, он переставлял их, как циркуль. Кулаки были глубоко засунуты в карманы узких брюк. Эдик шагал взад-вперед и жестко чеканил слова:

— Дядя Егор горит. Это факт. Нет сбыта. Люди измельчали, как килька. Трудно найти настоящего человека. Ты приведи Инку. Обязательно! Она подойдет. Место обеспечим ей...

— На скамье подсудимых?

Эдик круто остановился перед Игорем, сидевшим в старом кресле. Поборол вспыхнувшее раздражение, снова стал ходить. Сказал вполголоса:

— На скамью подсудимых садятся только слюнтяи. И дураки.

Из-за плеча глянул на Игоря. Тот не ответил. Он напоминал заморенную ночную птицу на восходе солнца. Сквозь толстые стекла очков смотрел на Эдика так, словно дремал с открытыми глазами. Не верилось, что он хорошо слышал и осмысливал слова приятеля. Эдик усмехнулся:

— Ты о маме думаешь? Или об Инке?

— Об обеих.

Игорь с трудом перекинул ногу на ногу. Он действительно думал о них. Ночью у матери был сердечный приступ, и пришлось вызывать скорую помощь. Всю ночь просидел возле ее кровати. С наступлением мартовской неустойчивой погоды у матери учащались приступы... Днем несколько раз звонил домой, справлялся, как она себя чувствует. Спешил к ней и после работы. Кажется, состояние ее улучшилось, по крайней мере, она его успокоила: пока был на работе, матушка даже ужин сготовила. Накормила и, кротко улыбаясь, сказала: «Иди, иди гуляй, сынок, нечего тебе со старухой киснуть... Я уж вовсе здорова...»

Эдик знал о его, как он говорил, «телячьей» привязанности к матери и поэтому с такой неприкрытой иронией спросил, о ней ли Игорь думает. Да, о ней! И пускай не кощунствует долговязый дылда! Игорь не столь богат на родственников, как Эдик, у которого и мать есть, и отец, и дядя-профессор, и ... Много у Эдика близкой и дальней родни, а у Игоря — только мать, и больше никого в целом свете... Да еще была Инка, которая вдруг разворошила, разбередила старое, будто к незажившей ране неосторожно прикоснулась.

Игорь снова и снова ругал себя за то, что проговорился о случайной встрече с Инкой.

Брел он по центральному проспекту к Эдику и машинально остановил взгляд на молоденькой женщине, выходившей из кафе национальных блюд. В руке у нее был чемодан, рядом семенила девчушка-кроха... «Неужели Инка?!» — у Игоря от внезапного волнения руки в перчатках вспотели. Он быстро снял и снова надел свои тяжелые большие очки. Это была Инка. Только у нее такой поворот головы: чуточку снизу и вбок, с быстрым, исподлобья, взглядом. Так она взглядывала, если была чем-то раздосадована... Почему она в городе, с чемода-

ном, с ребенком? Игорю будто бес-искуситель шепнул на ухо: лови удачу за обмякшие крылья, ушла от мужа твоя зазнобушка! Отчего-то именно так подумалось, словно он неустанно ждал того дня, когда Инка оставит своего рассудительного сержанта. Игорю всегда казалось, что с ней мог бы ужиться только он, Игорь. В ее руках он был бы пластилином, из которого она лепила бы мужа по собственному желанию и разумению. И это было бы замечательно, тогда он не связался бы с проклятым «полиглотом» Эдиком, который, точно циркулем, все еще мерил комнату длинными негнущимися ногами.

Игорь догнал Инку, поздоровался — и услышал, что фальшивит, срывается у него голос... Она же как будто и не удивилась, сдержанно ответила «здравствуй» и нагнулась, чтобы поправить у дочки пуховую шапку. Понял: сколько не виделись, а как была чужая, так и осталась чужой. Вероятно, никогда она не принимала Игоря всерьез, хотя он в те годы имел самые серьезные намерения. Когда узнал, что выходит Инка замуж, то был близок к самоубийству. Сентиментально, смешно, но факт! Будь у него посильнее характер — наверняка покончил бы с собой. Бесхарактерность, слабоволие и тут подставили ему ногу. И так — всю жизнь...

А Эдик все ходил и ходил по мягкому ковру, и тень от его фигуры то ложилась на оклеенные зелеными обоями стены и картины в золоченом багете, то темной дорожкой ускользала в приоткрытую дверь смежной комнаты — «апартаменты предков».

Когда Эдик оказывался под трехрожковой люстрой, тень пряталась под его домашние туфли, а сквозь жидкие волосы видна была черная родинка на темени. Эдик продолжал строить планы, что-то говорил о туристической поездке за границу, о дяде Егоре, о своей матери, которая обязательно устроит Инку на работу...

Игорь следил за его тенью, но не следил за речью. Продолжал думать об Инке. Узнав, что остановиться беглянке не у кого, предложил поехать к нему: «Секция, две комнаты. Отец умер. Мамаша глуховата, хорошее, знаешь, качество для свекровки...»

Инка поежилась: всегда он неудачно острил при ней.

— К тебе я не поеду, нет....

Наверное, у нее было очень мало денег или не было совсем — она отказывалась и от гостиницы. Он-таки устроил ее в лучшем номере, сказав, что стоит это сущие пустяки. Сам заплатил за несколько суток вперед, с ужасом прикидывая, что если Эдик или дядя Егор не одолжат ему хотя бы небольшой суммы, то завтра не на что будет купить матери лекарства... Следя за тенью Эдика, Игорь приходил к выводу, что у Эдика лучше не спрашивать денег. Иначе поневоле придется согласиться с ним насчет Инки. Зацепился он за нее, как штаны за гвоздь: приведи да приведи! Хотя, конечно же, для дела Инка — сущий клад. Эдик прав. Но подставить ее под удар?..

Видимо, Эдика все-таки озарило, что Игорь внимает его словам, как глухонемой — молитве. Он резко остановился — как раз под люстрой.

— Ты меня слышишь? Понимаешь?!

Под его длинными редкими волосами очень заметной стала родинка на темени, Эдик вспылил, и она налилась, увеличилась. А глаз почти не видно стало, они утонули в тени от выпуклых надбровных дуг. Игорь боялся приятеля, когда тот вдруг вспыхивал, тогда от него можно было ожидать чего угодно. Сегодня, измученный бессонной ночью, он смотрел на Эдика равнодушно, словно наблюдал за незнакомым человеком на экране телевизора. Мысль механически сравнивала: внешностью Эдик совершенно не походил на свою мать — чистую брюнетку, а вот характером — да.

Час назад, когда Игорь пришел сюда, Эдик был совер-

шенно иным: хохотал, сыпал анекдотами. «Лектор читает лекцию: «Есть ли жизнь на Марсе?» Вопрос из зала: «А когда будет на земле жизнь?» Но рассказал ему об Инке — молниеносно переменился. И теперь вот строил планы, наседая на измученного полусонного Игоря.

— Инку я не хочу впутывать, Эдуард, — хрипло, с кашлем сказал Игорь. — Достаточно, что сам впутался...

Эдик пропустил его слова мимо ушей, опять стал ходить, то наступая на свою узкую тень, то уходя от нее. И голос его то приближался, то удалялся. Но Игорь отлично слышал и отлично понимал ход мыслей Эдика.

— Поможешь ей деньгами. Дядя Егор ссудит. И подарочек к восьмому марта...

В коридоре особняка заходили-застонали половицы, крепко хлопнула дверь в прихожей, загремел веселый сильный голос:

— А кто у нас дома? А кому я должна сказать «вечер добрый»?

Шумно раздевалась, шла в комнаты хозяйка дома, мать Эдика Белла Ивановна, большая, грузная, с черными огромными глазами. Следом за ней в комнаты входил запах свежести, ядреного вечернего морозца. Она с радостью приветствовала парней, словно не виделась с ними вечность. Тут же, одним дыханием, доложила, что день был черт-те какой суматошный, отчетный, что февральский план ее магазином «успешно перевыполнен», что на март заданьице подвалили «по блату» — чуть ли не в полтора раза выше февральского, сама, видимо, забывая, что в истекшем месяце было только двадцать восемь дней... Потом будто спохватилась:

— Сынок, как у тебя в институте дела? Надеюсь, ты ничем не огорчишь свою старую мамочку? — Села во второе кресло, напротив Игоря, закурила сигарету, ткнула горящую спичку в пепельницу, которую поставила на широкое колено, обтянутое бордовым шерстяным плать-

ем. — А как твоя мама, Игорь? Привет, привет ей передай, милый! Нельзя хандрить в наше доброе славное время, нельзя! Ох, завидую я вам, милые юноши, я просто не знаю, как выразить вам свою великолепную зависть. Учитесь, работаете, ездите по заграницам, все вам непостижимо открыто и доступно...

Она выдохнула большое облако дыма, помахала рукой перед лицом. Хотелось Игорю сказать ей: «Если б вы знали, Белла Ивановна, что для нас открыто! Дверь тюремной камеры перед нами открыта. Зовет, кличет...» Но, наверное, и под пыткой Игорь не сказал бы этого вслух. Сам не понимая почему, но Эдика и, особенно, дяди Егора он боялся больше тюрьмы. Какой-то это был животный, необъяснимый страх.

Докурив, Белла Ивановна пошла на кухню. Казалось, она была создана для того, чтобы везде и всегда производить шум. На кухне сейчас же хлопнула дверца холодильника, зазвенела посуда в буфете. Белла Ивановна ходила, что-то жевала, отхлебывала из стакана и говорила, говорила, хотя в зале никто толком не слышал и не слушал...

Эдик открыл форточку — он не переносил табачного дыма. Игорь поднялся, сказав, что ему еще надо зайти в аптеку за лекарствами. Эдик тоже стал одеваться, вызвавшись проводить приятеля. Белла Ивановна не задерживала ребят, очевидно, она и в одиночестве не умела скучать. Только заметила, вспомнив о муже:

— Долго наш папа не приезжает... Боюсь, задержит его эта ужасная распутица...

Если б отец был дома, то Эдик наверняка не пошел бы провожать Игоря — у него болела голова. При отце он был бы свободен от докучливого внимания матери. Сейчас он надеялся возвратиться к тому времени, когда мать уснет. Если не уснет, то обязательно попросит прочесть ей что-либо на английском. Белла Ивановна ни сло-

ва не понимала по-английски, но, лежа в постели, с наслаждением, казалось, вслушивалась, как ее сын, чуточку в нос, произносит незнакомые картавые звуки. Эдик предполагал, что ее не английская речь услаждала, а сама мысль, что вот он, ее сын, сын рядовой горожанки, свободно владеет чужеземным языком. Зная, что Эдик понемногу занимается и французским, просила иногда и французские книжки читать, но тут у него пока неважно получалось, не навострился... Вроде бы набегается мать за день по филиалам своего магазина, по торговым базам, нанервничается, нашумится, должна бы моментально уснуть, а она — нет, слушает чтение, изводит его, Эдика, и час и два! А он не мог отказать ей в этой блажи, потому что был воспитанным сыном. И поэтому лучше найти уважительную причину, чтобы на время уйти из дому...

Уже от порога, подталкиваемый торопящимся Эдиком, Игорь спросил:

— Белла Ивановна, у вас в аптекоуправлении есть знакомые?

Она появилась в дверях кухни с куском хлеба, намазанным маслом, — в одной руке и стаканом чаю — в другой. Прожевала, кивнула:

— Найдутся! А что, Игорек?

— Дефицитное сердечное лекарство... Нитропентон. Таблетки...

— Погоди, запишу... Ни-тро-пен-тон... Ты уже можешь не беспокоиться, я поищу этот дефицитный нитропентон...

Парни вышли на улицу. Эдик подал руку:

— Надеюсь, дорогу сам знаешь? Будь здоров. Я тут... забегу в одно место... Инку когда приведешь?..

— Как-нибудь приведу... А может быть, не приведу...

— Не шали, Игорь. Это противопоказано для твоего сердца. Цель оправдывает средства....

Они расстались.

Уличные фонари слабо освещали улицу, и редкие прохожие словно бы вплывали в круг света. Под их ногами сочно хрустел молодой, только что выпавший снег. Игорь зашел в дежурную аптеку, рассовал по карманам полученные пузырьки и пакетики, снова побрел домой, косолапя больше обычного. Его угнетала болезнь матери, угнетала затянувшаяся нечистая связь с Эдиком, угнетала предстоящая встреча с Инкой. Если бы эта встреча была на прежних, дружеских правах, без заднего умысла, подсказанного Эдиком!..

Стоит человеку только раз покачнуться, не устоять, а потом его любые ветры будут гнуть и качать, потом уж трудно найти равновесие. Бухгалтер бакалейторга Игорь Силаев один раз не устоял: подписал фальшивый наряд на винно-водочные изделия. Уговорили: все будет шито-крыто, комар носа не подточит. Обещали устроить поездку матери в хороший санаторий. Знали его наибольшую слабость — постоянное беспокойство о матери. Знали, что Игорь страшно боялся потерять ее вслед за отцом. И кощунственно сыграли на его чувстве к ней. Но слово сдержали: помогли добыть путевку в Кисловодск, дали денег не то в долг, не то — без отдачи, уклончиво ухмыльнулись: свои люди — сочтемся! После курорта мать мало жаловалась на боли в сердце, на одышку, вчерашний приступ — первый после поездки в Кисловодск. Врачи говорят, надо бы несколько лет подряд поездить... Надо. Конечно, надо! Будут и путевки, будут и деньги, но надо и другое — скреплять своей подписью и печатью бакалейторга липовые документы. На совести и без того уже дюжина таких бумажек. А теперь вот... Требуют Инку, человека, которого любил со школьной скамьи. И заставят, еще как заставят привести ее к ним, устроят на работу и опутают, оплетут, пальчиком не успеет шевельнуть. Умеют! Опытные!

Жениться на Инке? Но тогда нужно вообще все кончать, напропалую кончать с Эдиком и дядей Егором. А как? Не выпустят они его целым, крепко за жабры взяли...

Что, если правда жениться на Инке? Если б у нее не было ребенка... Впрочем, не это главное. Главное — согласится ли она стать женой Игоря Силаева? Уж она-то не хуже кого другого знает его неприспособленность и трусоватость, не раз и не два говорила еще в девушках, что возле такого мямли-очкарика она бы с тоски удавилась.

Как всякий слабохарактерный человек, Игорь не видел выхода из создавшегося положения. Еще до приезда Инки он очень часто размышлял над тем, как вырваться из лап Эдика и дяди Егора, но всегда приходил к выводу: ему не уйти от них. В случае чего, сами выплывут, а его утопят. Приходя к такому заключению, он начинал в своих бедах винить всех и вся. Это облегчало душу, даже вызывало жалость и сострадание к самому себе. После этого приходило успокоение на несколько дней.

Бредя сегодня домой, к больной матери, Игорь в конце концов тоже уперся в спасительное решение: виноваты другие, а не он, с негодяями его нужда свела! Не пощадил даже памяти отца. Если б отец чаще думал о сыне, о матери, то более здраво относился бы к своему здоровью, берег бы его... Если бы он не умер от инфаркта, то Игорь учился бы в институте и мать не была бы на его иждивении... Если бы она не сдала столь сильно после смерти отца, то не пришлось бы знаться с Эдиком и дядей Егором...

Снова вспомнился отец: как бы он поступил на его месте? Отец всегда, всю жизнь был поглощен работой. Иногда казалось, что он забывал о семье, о том, что надо сорочку сменить, за столом бывал рассеян и горчицей намазывал печенье, а в чай вместо сахара клал соль.

Он постоянно жил заводом, планом, графиком... Как бы он поступил сейчас? Он никак не поступил бы, потому что он просто-напросто не впутывался бы в подобные махинации, а Эдика поволок за шиворот куда следует... Видимо, в нем, Игоре, ничего от отца не было. Мягкость, слабохарактерность — это от матери.

Но как быть с Эдиком, как быть с Инкой?

Уже у самого дома Игорь вдруг повеселел. Он скажет Эдику, что женится на Инке, а жену он не намерен под суд подводить. В случае чего, мол, на кого оставить больную мать, жену, дочку?

А если Инка не согласится выходить за него? Это без своего-то угла, без работы, с девчонкой на шее?! Ох, Инка, Инка! Сам бог не решится предсказать, как она поведет себя в таком деликатном разговоре...

◆

ГЛАВА III

Был канун восьмого марта, и Игорь уговаривал Инку пойти с ним на праздничную вечеринку: «Будет кое-кто из старых знакомых и вообще... Чего тебе сидеть в номере? Ленку к матушке моей. Она рада будет...»

Часов в шесть вечера он зашел за Инкой, с удовольствием оглядел ее.

— Чудесно! Талия у тебя, Инк, как у песочных часов.

— Ты очень любезен...

— Нет, правда! — поспешил он заверить. Вынул из карманов остроносые туфельки на тонких каблучках. — Извини, небольшой подарок в честь женского праздника.

Инка облилась румянцем: она уж забыла, когда ей в последний раз что-либо дарили. Даже вот это черное

бархатное платье осталось от девичьих лет, оно, конечно, к лицу ей, но из моды вышло. Игорь похвалил, наверное, чтобы сделать приятное...

— Ты так много получаешь? Прибереги для законной...

— Инк, для тебя я... Ты же знаешь!..

Он с таким жаром начал уговаривать ее, что она в конце концов согласилась: очень уж красивые были туфельки. Игорь усадил ее в кресло и, встав на колено, начал примерять их. Маленькая, с высоким подъемом нога стала в туфле еще красивее. Держа ее в ладонях, Игорь порывисто прижался щекой к светлому теплому капрону и так застыл. Если б он поднял лицо, то увидел бы, как остро сузились и похолодели Инкины глаза. Выпрямившись в кресле, она молча смотрела в густую черную шевелюру. Сколько ему? Лет двадцать шесть? Столько седины! Отца схоронил. Видать, тоже несладко жилось... И что это? Старое чувство? Скука по женщине? Игра?..

— Это что? Аванс за туфли?

Он вскочил. То и дело поправляя на переносице тяжелые очки, стал нервно шагать по номеру. Инка следила за ним из-под длинных подрагивающих ресниц.

— Тебе счетчик не подключить?

Игорь упал в другое кресло.

— Ты несносный человек! Ты ничуть не изменилась!

— И ты тоже. — Она сняла с ноги туфель, кинула. — Забирай и... Видала я таких хахалей!

Игорь машинально протирал платком стекла очков и близорукими младенческими глазами смотрел в зачерненное сумерками окно. Лицо не выражало ни обиды, ни гнева, оно было просто печальным, печальным и покорным. Таким Инка знала его еще по тем временам, когда Игорь пытался безуспешно ухаживать за ней. Тогда она издевалась над ним, а сейчас почему-то стало жалко парня.

— Что ж, так и будем сидеть?.. Подай мне пальто и одень Леночку... А за туфли не обижайся — не возьму...

Они вышли на улицу. Игорь нес девочку и ступал очень осторожно, чтобы не поскользнуться на оледеневшем к вечеру тротуаре.

Силаевы жили недалеко от гостиницы, в новом многоквартирном доме. Игорь открыл дверь своим ключом: мамаша, мол, не услышит, сколько ни звони.

Она встретила их в зале, неярко освещенном одноламповым торшером. Строгие черные глаза изучающе остановились на овальном, чуть побледневшем лице Инки. Инка подумала о том, что с Игорем знакома давным-давно, а матери его ни разу почему-то не видела. Раньше Инка с каким-то благоговением относилась к каждой немолодой женщине, которую люди называли мамой. И ей всегда хотелось подойти к такой женщине, прильнуть к ней, кончиками пальцев разгладить морщинки у ее глаз и тихо-тихо прошептать: «Мама... мамочка...» Инка не помнила своей рано умершей матери, не помнила, называла ли когда-нибудь ту единственную, родную мамой, и потому страстно завидовала тем, кто вырос подле матери, кто ежедневно, по поводу и без повода, будничным голосом произносил слово «мама», непроизвольно обесценивая его. Инке казалось, что необыкновенное слово надо произносить только тогда, когда тебе или очень-очень больно или очень радостно, чтобы слово не теряло своей первородной значимости и святости. С каким борением чувств и трепетом она впервые собиралась назвать мамой свою свекровь! Думалось ей, что после этого должно произойти нечто необычное, что и сама свекровь и все, кто был бы в ту минуту рядом, должны были просветлеть душой, похорошеть, стать для окружающих чище, ближе. Но ничего этого не произошло, сама свекровь приняла ее дочернее обращение как должное, тут же попросила вынести пойло свинье, остальные даже как будто

и не слышали ее «мама», сказанное срывающимся голосом. А через год Инка перестала называть свекровь мамой, она ее вообще никак не называла потом, и были на то причины. И потому Инка почерствела к заветному слову. И на Игореву мать она смотрела сейчас холодновато, с придирчивой пытливостью. Этим Инка смутила ее, старушка не знала, куда деть руки, что говорить. Нашелся Игорь.

— Это, мама, то, что я говорил тебе! — прокричал он ей на ухо, покоробив Инку своим «то»: словно о каком-нибудь дефицитном товаре...

Мать покивала седой маленькой головой:

— Проходите, милости прошу, милости прошу...

Она взяла из рук сына настороженно притихшую Леночку, чмокнула ее в щечку, что-то ласковое шепнула, и девочка доверчиво улыбнулась. Как о давно решенном, пропищала:

— Мамочка, я останусь с бабушкой! Бабуля совсем хорошая...

Игорь суетился возле газовой плиты и через стеклянную дверь кухни следил за Инкой. Он видел, что и полированная мебель, и расстеленный у дивана-кровати толстый ковер, и большой телевизор произвели на Инку впечатление. После деревенской избы, забитой неуклюжими сундуками и комодами свекрови, после чистоты бедненькой квартиры брата это была, конечно, роскошь, о которой Инка могла только мечтать.

Он вошел в зал с горячим кофейником, взялся помогать матери расставлять чашки. Искоса кольнул гостью черным зрачком:

— Вот так и живу, Инк. Живу, как сыр: весь в дырках и слезах. — Последнюю фразу Игорь покрыл добродушным смешком: дескать, мои слова ты, знаю, понимаешь правильно.

Беседа за столом не клеилась. И когда на стене про-

звонили часы, Игорь с облегчением повернулся к ним. На белом циферблате остро, как усы, топорщились стрелки: короткая на семерке, длинная — на тройке. Шутливо заметив, что эти часы, как закон, врут, Игорь все же поднялся: опаздываем, пора!

Когда Игорь приглашал ее в гости к Эдику, Инка долго не соглашалась, но не потому, что не хотела. Когда-то она не раз и не два бывала на импровизированных домашних вечеринках, где говорят о чем угодно (от новой расцветки заграничных чулок до мировой политики), где поют интимные офранцуженные песенки и до обморока танцуют рок-н-рол, буги-вуги и твист, где всяк ведет себя так, как ему нравится, где не надо стесняться косого взгляда старших и соблюдать салонный этикет перед подругами с заштрихованными синькой глазами.

Инке нравились такие вечеринки. Но за четыре года замужней жизни она совершенно отвыкла от них и боялась показаться гостям неотесанной золушкой из деревни. Молча шагая с Игорем, Инка настраивала себя на то, чтобы держаться независимо, даже высокомерно. Лучше держать всех чуточку на расстоянии, чем заискивать и хихикать, как последняя простушка.

И все же, когда они вошли в узкую прихожую и высокий элегантный парень в нейлоновой белой рубашке стал помогать им раздеваться, Инке сделалось жутковато, как в незнакомом лесу. Особенно сковывали мимолетные, но цепкие, понимающие взгляды Эдика.

— Прошу! — протянул Эдик длинную руку в сторону зала, на манжете блеснула позолоченная запонка. — Стол ждет гостей!..

Стол в зале был накрыт по-холостяцки: холодные закуски и вина. На диване, под картиной Брюллова «Последний день Помпеи», сидела белокурая девушка, Инка дала бы ей лет двадцать шесть. Закинув ногу на ногу, она покачивала остроносой туфлей, которая держалась толь-

ко на кончиках пальцев, обнажая узкую стопу и пятку. Левая рука с дымящейся сигаретой лежала на коленке, обтянутой тонким чулком. На Инку белокурая смотрела с откровенным любопытством, и та с досадой подумала о том, что Игоревы приятели знают о ней, наверно, больше, чем ей хотелось бы. В то же время Инка понимала оценивающее любопытство курящей, попробовав как бы ее глазами взглянуть на себя со стороны — скованную, в немодном платье, в стареньких лакированных туфлях...

Больше в зале никого не было. Эдик попросил дам знакомиться и чувствовать себя как дома, а сам ринулся в прихожую на очередной звонок: там послышались голоса и смех. Белокурая слегка приподнялась с дивана, ища ногой оброненную туфлю, подала Инке длинные влажноватые пальцы:

— Зуева-Сперантова.

Сделав губы трубочкой, выпустила изо рта дым и сквозь эту голубоватую вуаль снова очень пристально посмотрела на Инку, словно хотела прочитать на ее лице впечатление, произведенное фамилией. Игорь заметил, как холодно сузились Инкины глаза, и, опасаясь какой-либо резкости с ее стороны, торопливо произнес:

— Альбина — звезда нашего драматического театра! — И в неуклюжем поклоне чмокнул руку Зуевой-Сперантовой, перекосив на переносице свои тяжелые очки. Поправляя их, оправдывал Инку: — Инка не знает вас, Альбина, она приезжая...

— Это видно!

Инка смолчала на эту реплику артистки, но запомнила ее.

Они с Игорем сели у противоположной стены на стулья, и Инка не опускала дерзких глаз, когда Альбина смотрела на нее, так что та, затягиваясь дымом, с усмешкой отводила свой взгляд в сторону двустворчатой застекленной двери. Видно, здесь не любили опозданий: в

дверях появлялись и парами и в одиночку. Пришло человек десять. И все друг друга знали, Игорь шепотом представлял Инке молодежь:

— Этот, с магнитофоном, Славка Демьянов, у его отца «Волга» собственная... Славка и свою скоро заимеет: в противочумной станции работает, а там двойные оклады. Они оба там с женой... А это преподаватель музыкального училища со своей подругой. Она с Эдиком на факультете иностранных языков учится. Матвей, наверно, будет музицировать — скрипку прихватил... Одним словом, элита. Эдуард говорит, в сей дом вхожа только элита...

Инка чуть не спросила: «А как же ты, как мы сюда попали?» Она почувствовала себя еще неуютнее среди «элиты».

Эдик пригласил к столу и начал откупоривать бутылки, с ловкостью официанта обтирая горлышки чистой салфеткой. Игорь, щурясь за толстыми стеклами очков, рассматривал этикетки на бутылках, легонько пробовал их ногтем — крепко ли приклеены. Эдик, снимая серебряную фольгу с головки шампанского, засмеялся:

— У вашего рыцаря, Инка, свое хобби: он собирает бутылочные наклейки. Не правда ли, оригинал? Ничего не попишешь: продукт времени! У каждого сегодня свое хобби... В прошлом году, когда я был на Солнечном бреге в Болгарии, так там один американец собирал бутылочные пробки... Прошу придвинуть посуду, дамы и господа! — Отсалютовала в потолок пробка, и Эдик наполнил фужеры. — Тост за праздник наших милых девушек!..

Сдвинулся в руках хрусталь с вином, зазвенел мелодично, играя гранями под люстрой. Игорь встретился с веселым взглядом Эдика, и тот подмигнул ему. Игорь понял его и вспомнил совсем недавний разговор с ним об Инке. Выпил вино, чтобы оглушить себя и забыть, зачем,

собственно, пришел сюда сам и привел Инку, которая сидела рядом настороженная и замкнутая. Ведь она еще ни одного слова не произнесла, как перешагнула порог этого дома.

После первого, самого шумного и многословного, тоста наступило сосредоточенное молчание, лишь позвякивали ножи о тарелки да шуршали бумажные ажурные салфетки. Инка выпила все из фужера, и ей хотелось есть, но она еще чувствовала себя стесненно: осторожно накалывала на вилку пластики сыра, откусывала маленькие кусочки и исподлобья посматривала на гостей. Она готова была в любую минуту постоять за себя, ринуться на всякого, кто посмел бы уколоть ее взглядом или словом. Но на нее никто не обращал внимания, в эти минуты всяк отдавал предпочтение собственной тарелке с наложенной в нее ветчиной или розовой семгой.

Наконец Владислав, из противочумной, отодвинул прибор и с сытым вздохом откинулся на спинку стула:

— От нашего усердия перегрелись ножи и вилки! — Окинул затуманенным взором пустеющий стол: — После нас — как после саранчи. Даже лавровый лист не остается. Охладим наш аппетит! — И Владислав взялся за бутылку с коньяком.

Второй тост был за дружбу, третий — за вечную любовь... И ожили люди, загулял смех! Каждый стремился щегольнуть либо красноречием и остроумием, либо разносторонностью познаний, либо свежестью анекдота. Инка пила наравне со всеми, но поглядывала на разгоряченные лица трезво, мозг ее работал четко. Альбина, видно, позабыв о ней, громко рассказывала соседке о книге жены знаменитого французского киноактера Жерара Филиппа, недавно умершего совсем молодым.

Эдик, который до этого о чем-то беседовал с однокурсницей, повернул шишковатую голову к Альбине, прислушался. Его прическа никак не напоминала современную.

Сейчас мальчишки подстригались или с английской тщательностью, с тонкой ниточкой пробора, или коротко, с напуском на лоб. У Эдика были длинные волосы светло-пепельного цвета, очень гладко зачесанные назад, будто зализанные. На темени — родинка.

— Ты тысячу и один раз права! — воскликнул он, на этот раз особенно заметно произнося звуки в нос, и Инка подумала: «У него, наверно, полип в носу». — Ты права, Альбина! Жизнь надо красиво прожить, и если ты не глуп, — то и взять от нее надо как можно больше, «ибо я называюсь лев», или по латыни: «Quia nominor leo...»

— Ну, пока что ты не лев и не лео, а Эдик! — добродушно засмеялся Владислав. Его широкое обветренное лицо стало бурым от выпитого. — В лучшем случае, ты Эдуард. Эдуард Владимирович.

Он тяжело поднялся и пошел к подоконнику настраивать свой магнитофон. Эдик хотел что-то сказать, но его перебил скрипач — преподаватель музыкального училища:

— Ты, Эдуард, желаешь взять от жизни все. А как насчет взаимности? Общество и этого ведь ждет...

На взгляд Инки, он был самым красивым и выдержанным из парней, хотя и с претензией казаться оригиналом: носил круглую черную бороду, будто приклеенную к чисто выбритому подбородку. Скрипач был очень молод, и легкая седина на висках лишь подчеркивала его молодость и обаяние. Улыбаясь серыми спокойными глазами, он ждал ответа. Эдик заметил, что все стихли и выжидающе смотрели на него. Он сдвинул белесые брови к переносице:

— Только взаимность рождает нечто ценное, непреходящее.

— Н-да?! — глаза скрипача улыбались, а сам он подался ухом к Эдику, словно трогал смычком струну и вслушивался в ее звук. — Н-да? Твои утверждения сакра-

ментальны, но не подтверждены практически, на мой взгляд. Извини, конечно, однако, выражаясь твоей латынью: Amikus Plato, sed magis amica veritas»—«Платон друг, но истина дороже».

— А истина, Матвей, в том, что, прежде чем возвести здание, закладывают фундамент. И чем он прочнее, надежнее, тем долговечнее здание. В моем конкретном случае общество еще только фундамент закладывает. Общество и — я! Ибо в период каникул я строю в совхозах. То есть я не только студент, но и строитель. Помогаю обществу закладывать во мне надежный человеческий фундамент. И не беда, а гордость для общества мое стремление уйти от приземленности, вознестись высоко. Чтобы взять должное. «Ибо я называюсь лев»! И потому языки изучаю. И потому мозоли наколачиваю. Вот! — Эдик вознес над головой длинные белые ладони, показывая на них желтоватые пятнышки старых мозолей — Ты прав, Матвей: «Платон друг, но истина дороже»! Напросился на пикировку — отвечай!

— Фиглярство и дилетантство, милый...

— Бросьте вы! — вмешался Владислав.—Послушаем-ка новые записи.

— Нет, погоди! — остановил Эдик его магнитофон. — Матвей начал говорить бестактности. Значит, ему пора браться за инструмент. — Он взял с дивана футляр и вынул из него вишнево-желтую скрипку. — Просим!..

Матвей с усмешкой вылез из-за стола. Он понял уловку хозяина. Приняв из его рук скрипку, вскинул ее к левой ключице и прижал своей красивой черной бородкой. Смычок в правой руке легонько коснулся струн, пробуя их настрой. Потом Матвей опустил руку со смычком и с той же непонятной усмешкой сказал:

— Пусть разногласия не разъедают нас, как лепра... Никколо Паганини, каприччио...

Смычок скользнул по нежно отозвавшимся струнам,

забился в руке скрипача, а левая кисть метнулась по тонкому полированному грифу, метнулась сверху вниз и опять вверх... И следом за ней из-под смычка взлетали и падали то отчаянно веселые, то нежные, еле слышные, то басовитые и тревожные звуки. Что-то они будили в людях, наверное, вызывали какие-то образы, картины — все сидели притихшие, сосредоточенные. На глазах актрисы Инка заметила слезы. Эдик сидел, скрестив на груди длинные руки и опустив голову. Его однокурсница пристально смотрела в черное окно, и ее щеки бледнели, когда скрипач забирал особенно высокие и виртуозные моменты. Игорь без конца дышал на стекла своих очков и тер их носовым платком...

Среди этих людей, среди этой музыки Инка вдруг необыкновенно остро почувствовала себя и одинокой и несчастной. Она не понимала этой музыки, не понимала этих людей, говорящих чуждые, не знакомые ей слова. И она подумала, жалея парней и девушек: «Неужели они всегда так праздники проводят? С тоски умереть можно...» Ей не все нравилось в развеселости, разухабистости деревенских праздников, не всем хороши были вечеринки молодых горожан в пору ее девичества, но все-таки и то и другое было лучше, чем это, здешнее, сегодняшнее. Ей казалось, что тут каждый старался показать, насколько он разносторонен, насколько умен. Потом она решила, что просто сама отстала от времени, от вкусов. Ведь в деревне ее кругозор замыкался прилавком сельмага, уходом за свиньями и птицей, которыми был полон двор свекра, да заботами о часто болевшей дочке. И редко-редко — участием в бесшабашно разгульных свадьбах и крестинах.

— Налей мне вина! — шепнула она Игорю.

Он надел очки, взглянул на нее — губы сжаты, глаза невыразительные, остановившиеся. Налил. Развернул и подал конфету.

А Матвей все играл. Наконец он отложил скрипку и устало присел к столу. Раздались аплодисменты. В ту же минуту Владислав включил магнитофон, и комнату снова заполнила скрипичная музыка — игра Матвея была записана на пленку. Владислав довольно потирал руки и по-птичьи, одним глазом, посматривал на скрипача:

— Послушай, послушай себя! Убедись, что ты ничуть не хуже Ойстраха и Когана. Ты можешь стать светилом, только брось нас и...

— Не нужно преувеличений, милый Слава. Я не Эдуард и не переоцениваю себя. — Скрипач достал папиросы и пошел в прихожую покурить.

Снова были тосты, за что — Инка не разбирала толком, от выпитого у нее туманилось в голове. Давно она не пила столько. Пыталась улавливать то, о чем говорилось за столом.

— ...Что ни говорите, а серьезную музыку у нас неквалифицированно пропагандируют. Очень это мало — сказать, что Бах или Бетховен гениален, от этих голых утверждений в моем восприятии музыки ничего не прибавится. А вот когда радио передает Девятую симфонию или аппассионату и милый женский голос комментирует, что имел в виду композитор вот при этих аккордах, то есть неназойливо, умно, создает своим комментарием определенное настроение, отвечающее содержанию музыки, вот тогда я усвою девятую ли симфонию, шестую ли сонату...

— Господи, ну и периоды у тебя, Эдик! Как у Льва Толстого. Тебе бы и комментировать классиков...

— Ибо он называется лев!

Парни громко засмеялись. Их смех не вспугнул страстного полушепота Альбины, повернувшейся всем телом к студентке:

— ...в распределении ролей нет никакой логики! Ты смотрела «Тяжкое обвинение»? Иванова играет совершен-

но без блеска. А какие у нее внешние данные? Уродина! Но ей, представь, всегда заглавные роли дают.

—...пока молод и есть деньги — надо осмотреть мир, обогатить себя интеллектуально. — Это опять говорил Эдик. — И потому я вкалываю в студенческих строй-отрядах, и потому я рвусь в заграничные поездки. В Болгарии был, но... мне Францию, Лувр, Сорбонну подай! Я в Англии обязан побывать...

— Ты!.. А мы?..

— По Сеньке шапка... Вот Славик копит на автомобиль. Игорек копит для мамы...

— ...я хочу уйти из театра. Но мне жалко наш театр, он так беден настоящими талантами...

— ...как это у тебя, милочка, ресницы получаются? Совсем не подумаешь, что приклеены... Секретик есть?

К Инке обращалась соседка слева, которую Игорь называл, кажется, бывшей стюардессой. Инка устало кивнула:

— Есть... есть секрет...

Григорий тоже удивлялся ее ресницам: «Они у тебя как не свои!» И недоверчиво трогал их пальцами... Где он сейчас? С кем отмечает восьмое марта? Неужели и не вспомнит? А она... вспомнила? Только так, по случаю. Чужие, совсем чужие! Будто и не было четырех лет совместной жизни...Все — коротко: не сошлись характерами... Если б одно это!...

Инка потянулась к фужеру. Выпила. Еще выпила. Все пили и разговаривали, не слушая, что там крутит магнитофон.

И здесь все были чужие. Все. Только Игорь чуть-чуть ближе других. Отяжелевшую голову повернула к нему:

— Станцуем?... Как когда-то... помнишь?...

Игорь хотя и крепко подвыпил, однако поднялся не совсем решительно. Но Инка скомандовала, чтобы музыка была громче, и, отодвинув стул, вышла из-за стола.

Нетерпеливо поджидала Игоря. Казалось, знакомый мотив подхлестывал ее, и она нервически переступала старенькими туфельками. Игорь, ни на кого не глядя, подцепил взвинченную партнершу, и от нее будто сам наэлектризовался, вдруг с пьяной радостью ринулся в танец.

Прикусив губу, все ярче вспоминая полузабытые па и коленца, Инка дергалась, вихляла рядом с Игорем, летела через его руку, взмывала к потолку... Слышала его запаленное, сиплое дыхание... Слышала его прерывистый шепот: «Ты мировая... Хочешь быть моей?... Навсегда!» Наверное, она улыбалась, потому что он с еще большей яростью бросал ее на себя, до боли стискивал ей руки и дергался, дергался, будто весь на шарнирах был...

Неожиданно кто-то сказал очень громко и четко:

— Они только что с деревьев спустились!

В ту же секунду оборвалась музыка, и наступила тягостная тишина. Инка не враз поняла смысл сказанного, а когда поняла, то расхохоталась и упала лицом на диван. Хохотала и никак не могла остановиться. И так же внезапно из ее глаз хлынули слезы. Теперь она неудержимо, взахлеб плакала. Игорь топтался рядом, растерянно поправлял на переносице очки.

Наконец Инка села и, словно маленькая рева, вытерла лицо ладонями. По-прежнему было тихо-тихо.

— Девушка,— мягко и многозначительно произнесла актриса Зуева-Сперантова, — мы не те, мы — другие!..

— Мы не тунеядцы какие-нибудь,— добавили со стороны.

Гости Эдика вдруг вспомнили, кто они, отрезвели и осудили «деревенщину» и «стилягу». Это Инка поняла по их лицам.

Она поднялась, еще раз вытерла ладонями глаза и щеки, забыв о платочке под манжетом рукава. Сдержанно сказала:

— Идем отсюда, Силаев...

Игорь побежал искать Инкино пальто. Она с трудом оделась. А Игорь, ни на кого не глядя, огорченно и виновато развел руками:

— Просим прощения!

Эдик задержал его в прихожей, быстро шепнул:

— То, что надо! Рекомендуй завтра маме...

На улице Инке стало немного лучше.

— Куда мы идем?

— Ко мне... к нам...

Инка промолчала. Из-за угла крутнул ветер и запорошил ей глаза. Она недобрым словом помянула хозяек окраинных улиц, имевших обыкновение посыпать тротуары печной золой, якобы для того, чтобы люди не падали при гололеде, а на самом деле избавлялись от золы.

Когда вышли на ярко освещенный центральный проспект и под ногами затрещал ледок первых лужиц, Игорь вздохнул:

— Неловко как-то получилось...

— Зачем же ты вел меня к идиотам? — Инка засунула озябшие руки в рукава пальто.

— По-моему, они нас за идиотов сочли.

— Ну и черт с ними! От их умных разговоров и сплетен выть и кусаться хотелось...

— Там много дельного говорилось. Народ эрудированный...

— Черт с ними.

— Нельзя до конца дней плебеем оставаться.

— Ты, смотрю, выбился из плебеев? Везет человеку! — Она зябко передернула плечами. — Возьми под руку, что ли, горе-рыцарь. Всегда ты какой-то... А еще с «элитой» водишься! Был плебеем и останешься им, как ни хорохорься...

— Ты все такая же...

— И ты, повторяю, не изменился.

— Когда-нибудь ты наделаешь очень много глупостей...

— Я их уже давно наделала.

— С тобой говорить — что по углям ходить.

— Вот-вот, береги подошвы!... Так мы к тебе идем?

— Да.

— Ночевать? — В голосе — улыбка, ирония.

— Как прикажешь!..

Неожиданно Инка выдернула свой локоть из его руки и, приотстав, пристально глянула на Игоря со спины. Громко рассмеялась. Игорь в недоумении остановился, оглядел себя, ища, над чем она так радостно смеется. Не найдя ничего, нахмурился:

— Накатило?

— Смотрю, не вырос ли у тебя обезьяний хвост. Эдик же сказал, что мы, наверное, с деревьев спустились. — Снова поцокала туфельками по тротуару, пустив руку Игоря под свой локоть. Пряча подбородок за воротник пальто, сказала без улыбки: — А мы и впрямь из джунглей...

Она вдруг опять приостановилась и виновато, даже, как показалось Игорю, застенчиво посмотрела ему в глаза.

— Прости меня, Игорь... Я тебе столько грубостей наговорила. Лишнее выпила. И потом меня правда твои приятели разозлили. Вот как хочешь, а показались они мне самовлюбленными. Друг друга они не любят, нет. Не понимаю только, как ты среди них очутился? Ты же не «элита», Эдик откровенно издевается над тобой. Что вас свело? Любовь к искусству?

— Любовь к вину! — Игорь готов был во всем признаться. Он был подкуплен Инкиным сочувствием и теплотой. — Я серьезно говорю. Пришел он как-то к нам на базу бакалейторга за хорошим вином — там и познакомились, оттуда и пошло...

Игорь не решился все-таки сказать главного, струсил. И она, вероятно, почувствовала, что он что-то утаивает, снова замкнулась.

Дома Игорь кинул на диван-кровать пару простыней, подушку. Себе постелил на полу. Потихоньку заглянул в комнату матери. Отцова кровать со дня его смерти была неприкосновенной, как реликвия. Сейчас на ней сладко посапывала кроха Леночка. Игорь прикрыл дверь и на цыпочках подошел к торшеру, собираясь выключить его.

— Свет не гаси! — сухо бросила Инка. — Отвернись...

Он слышал шорох сбрасываемой одежды, холодок от крахмальной простыни, взмахнувшей над Инкой. Ему очень, до безумия хотелось выключить проклятый стильный торшер, источавший мягкий интимный свет. Но Игорь не решался погасить его...

Лежали в каких-то двух шагах друг от друга. Молчали. Отлично знали, что оба не спят. Краем глаза видел: Инка лежит на спине, закинув тонкие белые руки за голову. Воображение черт-те какие картины рисовало! Приподнялся на локте.

— Инк!... Инночка!.. Ну... нельзя же так... Мы же взрослые люди...

Молчит. Молчит, словно ей вдруг уши заложило. Только слышен шелест ресниц.

— Инк!..

Молчит чертова баба! Ведь баба же, ладно бы — девчонка, а то...

Воровато покосился на дверь материной комнаты. Откинул одеяло. Подполз, присел около дивана-кровати. А у Инки ни одна жилка не дрогнула. И глаза спокойно в потолок смотрели.

Очумел Игорь: сжал мягкий податливый подбородок рукой, закинул голову, впился ртом в теплые полные губы:

— Моя!.. Моя!.. Я в тебя еще тогда... Рыдал и плакал... Моя...

Грохнул сваленный стул... Откуда только сила взялась! Вскочила. Вздрагивающей рукой придерживала у плеча спадающую сорочку — бретелька оборвалась. А в глазах — ярость, боль, слезы.

— Ну... ну, зачем же так, Иннушка? — Игорь суетливо шарил по полу, ища очки. — Могла же сказать...

— Еще чего не хватало... Хамам всегда надо по роже... Отвернись!

С треском натягивала платье. Надела пальто. Торопливо и осторожно, чтобы не разбудить старушку, стала собирать сонную Леночку.

— Ты — сумасшедшая! — потерянно шептал отрезвевший Игорь. — Ну, выпил, ну, лишнего... Честное слово, ты — ненормальная...

— Какую уж придумали... Уйди! Открой дверь. Открой, говорю!..

◆

ГЛАВА IV

С четвертого этажа гостиницы виден почти весь город... Слева, в древних куренях, маячит золочеными маковками Старый собор. Там есть домик казачки Устиньи Кузнецовой — жены Емельяна Пугачева... Впереди, вдоль широкой Театральной, качаются на ветру деревья, их оттаявшие ветви стали гибкими. По правой стороне Театральной домов совсем, кажется, нет: скверик с бюстом комиссару Фурманову, драмтеатр, Ленинский сквер... Сколько свиданий назначалось в глухих аллейках этих скверов! Там впервые Инка познакомилась и с Игорем...

С крыши соседнего магазина льется вода. Ударяясь о тротуар, она разлетается осколками стекла. Так вот и ее, Инкино, счастье разлетелось по миру, не успев родиться. Красивая. Каждый день новые поклонники... И ничего не

осталось... А в этом ведь магазине она, Инка, работала до замужества. Заходила вчера — никого не узнала, все новенькие. И ее никто...

Город над Уралом. Хорошо знаком он Инке...

После демобилизации из армии брат не вернулся в колхоз, в то время туда мало кто возвращался. Устроился слесарем на заводе, перевез к себе десятилетнюю Инку. Инка первый раз попала в город. Шла рядом с Николаем, пялилась на большие дома и все удивлялась: как много здесь людей! Вот бы всех в колхоз, думала она, сразу перестал бы председатель дядя Петя ругаться и жаловаться на нехватку доярок и трактористов...

Давно это было. Другая теперь жизнь в колхозе. Другой стала и она, Инка. А город все тот же, старый и неприветливый. А может быть, это ей только казалось так?

Три дня прошло после той вечеринки... Игорь ни разу не зашел. Даже не позвонил. Что ж, значит, заимел человек самолюбие. И она сроду бы не зашла... Был Николай, нашел-таки... Звал. Возможно, и возвратилась бы, да проговорился Николай: отколотил он Марию после ухода Инки. Впервые в жизни тронул... Хороша была бы после этого жизнь с невесткой!..

Сегодня удалось найти угол у одинокой старухи. «Водку пьешь? — у хозяйки сверлящие, запрятанные в морщины век глазки. — Женихов водишь? У меня насчет этого... Лучше сразу заворачивай оглобли... Сейчас ухожу в церковь. Завтра кочуй. Понравишься — пропишу, не понравишься — не прогневайся!..»

Пятнадцать рублей взяла вперед — месячная плата. Через неделю им с Ленкой не на что будет даже хлеба купить. Григорий ничего не дал: «Попробуй, попробуй самостоятельно! Вернешься, в ногах будешь ползать!..» «Без прописки нигде не хотят и говорить о приеме на работу... Распахнуть окно и... Чтобы в один миг все и навсегда решить... Какая глупость!..

Ленка... Леночка... Доча копошится в уголке с куклами, что-то лепечет свое... Спросила утром: «Соскучилась, доча, о папе?» Насупилась, помолчала сосредоточенно: «Он мне не папа. И даже не отец!..»

У подъезда гостиницы остановилась «Волга» с шашечками на дверцах. Выскочил из нее Игорь, поправил очки и побежал по ступенькам в вестибюль. Вероятно, к «знакомой даме» наведывается...

А через три минуты он уже как ни в чем не бывало выгребал из кармана конфеты для Леночки, перед Инкой выставил флакон «Белой сирени». Сбросил пальто и шляпу, энергично потер ладони, будто лавочник, сбывший залежалый товар.

— Порядочек, Инна! Полный порядок. Все — на мази. — Подвел ее к окну, показал куда-то через крыши домов: — Вон, видишь четырехэтажный? Под ним небольшой гастрономчик, филиал двадцать третьего. Завтра пойдешь принимать... Улавливаешь?!

И он счастливо рассмеялся, откидывая голову, от этого над воротником пиджака выжался розовый валик. Игорю, похоже, было очень приятно видеть на Инкином лице и удивление и радость, смешанную с недоверием.

— Улавливаешь? Двадцать третий — лучший магазин торга. Директора, надеюсь, помнишь? Белла Ивановна. Обаятельнейшая женщина. Виртуоз!

— Но... я еще не прописана, Игорь...

— Все условлено! Завтра идешь принимать.

— Откуда у тебя такие связи? — Инка все еще не верила. Он так и не сказал ей, что Эдик — чадо Беллы Ивановны.

Игорь поправил очки.

— Мой бакалейторг на пищевую промышленность работает. А мир, как говорили классики, познается через желудок. — Заметив Инкино недовольство, скомкал

улыбку.— Шучу, конечно. Всю жизнь в одном городе — с кем только ни познакомишься... Ну так как?

Инка не знала, что отвечать. Ей неприятны были и его смех и тугой валик на затылке, возникавший, когда Игорь откидывал голову, но она старалась перебороть в себе это неприязненное чувство. В конце концов, пока он ничего плохого не сделал ей, он — добрый, отзывчивый парень. Остальное в нем напускное... В конечном счете, его трудно и упрекать: он — не мальчик, она — не девочка. Может быть, ради этой истины и старается?..

— Там материальная ответственность бригадная?

— К сожалению, да. Но напарница, говорят, талантливая девочка. Проверенная. — Глянул на часы. — Слушай, что если мы в кино на восемь, а? Я просил оставить пару билетиков. На всякий случай. Леночку к нам... А?

— Игорь...

Инка стояла, прижавшись спиной и ладонями к платяному шкафу, пристально, тоскливо смотрела в лицо парня. Он незаметно шевельнул лопатками: «Ну
щи! Словно у волчонка! Навек запугана».

— Игорь... Я пойду с тобой в кино. Пойду. Только прошу... без дон-жуанских выходок... Хочешь, будем дружить, по-настоящему дружить... Зачем позволять лишнее...

Глаза его кузнечиками скакнули в сторону. Он криво усмехнулся:

— Конечно! Мы же с тобой образованные, по десять классов в голове. Наша мораль должна быть чище поцелуя младенца. — Помолчав, добавил совсем другим тоном: — Просто дружить я могу и с девчонкой...

Инка прикусила губу и отошла к окну.

— Вот и наговорились. Зря, выходит, старался.

— Завтра к Белле явись! В девять. Одно с другим не мешай...

Он торопливо одевался и зло поблескивал очками в

сторону Инки, стоявшей к нему спиной. Хороша она была в стареньком ситцевом платьице, в простых чулках, обтянувших стройные ноги, ровно отрезанные, гладко причесанные каштановые волосы подчеркивали гордую линию высокой шеи. Ох, хороша! И недоступна для него, как черт. А ведь хлопцы рассказывали... И чего строит из себя недотрогу? Впору жениться, впору забирать ее с этой вот кучерявой прибылью... Ну, нет, не так сразу! За последние три дня он обдумал, как вести себя с ней. Кнут и пряник — вот что для нее подходит...

— Будь здорова!

Игорь хлопнул дверью.

— Мамуля, зачем ты дядю обидела? — Леночка уставилась на мать с огорчением и непониманием.—Он столько конфеток принес. Папка никогда не приносил...

— Мы сами, доченька, будем покупать конфетки. Много-много!

Инка не двигалась. Видела, как из вестибюля вышел, сутул[illegible] и косолапя, Игорь. Свернул за угол.

Н[illegible]одом опускались мартовские неранние сумерки. Глаз уже не находил знакомых очертаний, блуждал в частой россыпи вспыхнувших огней.

Тошно было Инке в этот вечерний час.

Дружить можно только с девчонкой... А если ты женщина, да еще красивая... Не понял, неужели нисколько не понял он ее состояния? Хотела угореть, забыться на вечеринке — не вышло... Начала согреваться его заботой и участием — сам все опошлил и оплевал, точно без него мало плевали ей в душу...

Ночью Инка почти не спала: забудется на полчаса и вновь вздрогнет, проснется, будто ее кто-то в бок толкнет. Думалось, Леночка ворочается, но дочь спала уморенно, находилась с мамкой в поисках квартиры. Из открытой форточки тянуло свежестью талого снега и угольной гарью — в городе десятки котельных дымили. Иногда по

улице проносился полуночный таксист, тогда по потолку скользил оранжевый отсвет фар. Инка следила за этими отсветами, словно ловила чей-то ускользающий взгляд.

Жизнь в гостинице не унималась ни на час. И в два, и в четыре часа ночи слышала Инка хождение по коридору, приглушенный говор, щелканье дверных замков. Люди приезжали, уезжали, прилетали, улетали. Всех гнали какие-то заботы, которые отрывали от уюта квартир, от семей. Но у этих людей было великое преимущество перед Инкой: почти каждый имел в кармане командировочное предписание, человек знал, куда и зачем ехал, его расходы окупались государством, а Инка жила на собственные, кровные. Пожалуй, только теперь она узнала истинную цену деньгам. В доме свекрови Инка презирала деньги, потому что там они были культом, им поклонялись, как язычники идолу. И приучали к этому Инку. Когда увидели, что в сельмаге она зарабатывает какие-то пятьдесят-шестьдесят рублей, а иных, «левых», доходов не умеет и не хочет извлекать, поднялись всем домом: уходи из магазина! Григорий и ночью не успокаивался: лежал рядом, гладил ее голое плечо и упрашивал: «Уйди, растрату еще допустишь... Ты очень уж честная, такие свободно растрату допускают. А нынче время какое, нынче только дурак-бульдозер да курочка от себя гребут... Лучше дома сиди, маме помогай, книжки читай...» Донял-таки. Уволилась — свекровь сразу же двух подсвинков выторговала: рабочая сила прибавилась. А потом трех гусынь докупила — к своим семи. С тихой радостью, доброхотно мурлыкала: «Нам таперича только и дела: шевыряйся помаленечку возле свово хозяйства! На базаре — знаешь, скоко гусь стоит? Семь целковых. А у нас сто гусят вылуплются. Смекаешь? Таперича, слава те, не запрещают всякую разную живность даржать, волю вольную дали...» Жили Кудрявцевы одним домом, а пи-

сались как две отдельные семьи — чтобы можно было скота побольше держать.

И некогда стало Инке книжки читать, некогда было в кино ходить, не оставалось времени на то, чтобы за собой следить. Вскакивала чуть свет, нерасчесанная бежала коров доить, помогала свекрови делать замес из отрубей для птицы, ставить в печь чугуны с картошкой для свиней... И руки ее до локтей были в отрубях, а ноги обуты в какие-нибудь разбитые опорки — наскоро, второпях... Ночью все косточки ныли от усталости. Инка допытывалась у Григория: «Зачем нам столько скота и птицы? Зачем нам деньги? На свет некогда глянуть!..» Он сосредоточенно, по-хозяйски молчал, потом пояснял: «Новый дом построим, самый лучший в поселке. Чтоб всем на зависть... А позже и «Волгу» свободно заналыгаем... Сдадим с тобой на любительские права, и... люди скажут: здорово Кудрявцевы живут, позавидовать можно!..» Инка вздыхала и поворачивалась к мужу спиной.

Думая сейчас о тех ночных разговорах с Григорием, Инка вспоминала и о вечеринке у Эдика: здесь тоже о заработках говорили, о личных автомашинах, о планах взять от жизни все... Ну, ладно, там малограмотные жадные старики, там недалекий Григорий, приросший пуповиной к дому, к усадьбе — они понятны. А ведь тут инженеры, артисты, музыканты, студенты, изъясняющиеся на иностранных языках! Как понимать их?..

В короткие крестьянские ночи — ложись поздно, вставай рано — Инка не успевала обдумывать планы на будущее. В своих мыслях она больше жила неярким, но дорогим прошлым и обрыдлым настоящим. Теперь, оставшись один на один с жизнью, без работы и денег, она сделала скорый и категорический вывод: миром правят деньги. Из-за них люди становятся лживыми, корыстными. А без них — никуда! Откажет утром Белла Ивановна в работе — не прописана, с малым ребенком,— что де-

лать Инке? В село возвращаться, на злобную радость Кудрявцевым: «Что, попробовала градской жизни?!» Или быть любовницей Игоря? Ведь он «просто дружить может и с девчонкой!»

С больной головой, с темными провалами глаз поднялась Инка утром, рассчиталась за гостиницу и, взяв Ленку, пошла к бабке. Та придирчиво посмотрела на ее чемодан:

— Это все твое богатство? Не зря говорят: бедному собраться — только подпоясаться... Айда, располагайся. Ты в горнице с дочкой, а я — в задней... — Из-под седых натопорщенных бровей цепко глянула в Инкино бледное лицо. — Ай прогуляла ночь? Ай болеешь? Ну, коли ладно, ежель болеешь. Мы, бабы, сроду, мотри, здоровы не бываем. Такая наша планида, милая моя. Айдате чай пить, я индийского заварю. Вот как люблю индийский, чисто казашка природная. Промежду прочим, бабка моя была азиатского происхождения, казашка кзыл-ординская. Тоже, мотри, шибко чай любила. Я в нее чаевница, ей пра!..

Настал Инкин черед более внимательно вглядеться в хозяйку. Вниз по Уралу немало русских женщин встретишь с широкоскулыми смуглыми лицами и узкими черными глазами. Но хозяйка, хотя и набивалась на дальнее родство с бабкой-казашкой, была по-славянски круглолица, курноса и с глазами цвета вылинявшего неба. Белый наутюженный платочек покрывал русую седеющую голову. Пускай взгляд ее был проворен, всевидящ, но в морщинистом лице, в голосе старухи угадывалось российское простодушие и то, что это одна из тех немолодых женщин, которые вынесли на своих плечах и войну и послевоенную рузруху...

Когда начали пить чай с домашним сладким печеньем, Инка осторожно спросила:

— У вас есть родственники?

Хозяйка быстро отвела к окну опечалившиеся глаза, но ответила ровно, даже как будто равнодушно:

— Какая там родня! — И махнула рукой. — Дедушка мой помер, а сыны с войны не вернулись... Двадцать рублей пенсии платят за дедушку — и на том спасибо, коп рахмет, как сказывала бабушка. Да за угол пятнадцать беру... Как-нибудь доживу свое, куда ж денешься... — Она нацедила в тарелку кипятку из самовара, сполоснула в нем чашечку и блюдце. Деловито распорядилась:— Ну, ты коль иди насчет своей работы узнавай, а мы с Еленой в церковь съездим...

— В церковь?! — встревожилась Инка. Все ее расположение к хозяйке мигом улетучилось.

— А чего ж особенного, милая? Послушает, как колокола звонят. — Наклонилась к молчавшей Леночке: — Ты никогда не слышала, как большущие и махонькие колокола трезвонят? Бом-тилинь! Бом-тилинь! Красиво! Послушаем?

Девочка сосала леденец и нерешительно посматривала на мать.

— Бабушка,— Инка подбирала слова, чтобы не обидеть хозяйку,— не надо в церковь... Или мне, быть может, сразу сменить квартиру?..

Она ненавидела ханжество верующих. Свекровь и свекор истово кланялись деревянной иконе в углу горницы, не садились к столу, не ложились в постель без молитвы, без того, чтобы не обмахнуться крестом. Посмотришь на них в минуту моленья — сама кротость. Но эти богомолы полжизни у Инки отняли! И она не на шутку встревожилась, услышав намерение хозяйки. Возможно, и у этой богомолки под внешним простодушием таится черт-те что. Вчера вон как встретила: «Водку пьешь? Женихов водишь?.. Понравишься — пропишу, не понравишься...» За богом забылась Инке неприютная хозяйкина старость, забылась ее пенсионная двадцатка...

Видя Инкино волнение, бабка прищурилась:

— Чем это тебя так бог напужал, милая? Ну, коль ладно. Мы с Еленой будем ручейки со двора выпускать, двор-то у нас и просохнет скорехонько. Будем ручейки выпускать, Елена? — Девочка, не спуская с матери больших синих глаз, кивнула. — Вот и ладно! Мы сделаем бумажный пароход, и он поплывет у нас к синь-морю, к острову Буяну...

Инка немного успокоилась, хотя и чудилась ей неискренность в хозяйкином голосе. Но что было делать? Не таскать же всюду Леночку за собой! Ведь если примут Инку на работу, то дочку все равно придется оставлять с бабкой. Спасибо, что она соглашается на это.

Уходя, Инка наказала:

— Ты, доча, не шали тут... Бабушку слушайся...Я скоро вернусь...

Леночка провожала мать взрослым погрустневшим взглядом. Всегда она оставалась с бабушками, и уж не знала, которая бабушка — родная. Все они были одинаковые: того, Лена, не бери, того — не трогай, здесь не ходи, тут не играй... Мама никогда ничего не запрещала, но маме все некогда и некогда с Леной быть...

Инка чувствовала на спине взгляд, и ей стоило сил, чтобы не вернуться, не забрать с собой дочь. Тяжело перешагнула порог сенцев и вышла за ворота.

На улице совсем потеплело. Солнце поднялось над городом, пригрело железо и шифер крыш, и вниз зачастила капель. Со звоном разбивались об асфальт кривые сосульки, под ногами хрустели осколки льда. Инка жалась к наружной кромке тротуара.

Контору двадцать третьего магазина она отыскала в тесном дворе большого административного дома. Тут стояло несколько легковых автомашин, и скучающие шоферы липко провожали Инку взглядами. В глубине двора тянулось одноэтажное здание с множеством золоченых и

черных, под благородный мрамор, вывесок над входными дверями всяческих микроорганизаций, кои, словно грибы, растут в любом городе. Здание зябло в тени своего более высокопоставленного собрата с четырьмя этажами, украшенными тем, что не так давно стало называться «архитектурными излишествами».

В первой комнате сидела бухгалтерия магазина, следующая дверь, обитая черным дерматином, вела в кабинет директора. Оттуда слышались возбужденные голоса. Инке сказали, чтобы она подождала — у Беллы Ивановны совещание с заведующими отделами магазина. И показали на молоденькую женщину, скромно сидевшую возле двери: она тоже к Белле Ивановне. Женщина шмыгнула носом и опустила подкрашенные черным ресницы. Брови у нее тоже были подкрашены черным. А из-под зеленой шляпки выбивались белые-белые локоны — свои, естественные. Руки ее в тонких зеленых перчатках лежали на плотно сдвинутых коленях.

«Уж не напарница ли мне?» — почему-то подумала Инка. Поискала глазами — не нашла свободного стула. Вышла во двор. Стояла, смотрела на карниз противоположного высокого дома. Сизый голубь, воркуя и раздувая зоб, преследовал красно-белую голубку.

— Вы тоже насчет работы?... Меня зовут Клавой...

Инка недружелюбно взглянула на остановившуюся рядом Клаву. У той все было зеленое: шляпа, перчатки, сумочка и даже резиновые боты. С кончиков ее реденьких ресниц осыпались комочки туши, и когда Клава коснулась платком щек, то на них остались черные полоски.

— У вас есть зеркало? Посмотритесь.

Инка не хотела грубить, но чопорно мягкая Клава с белыми локонами на плечах вызывала в ней раздражение. Клава, казалось, нисколько не обиделась на ее тон,— и это тоже раздражало! — она достала из сумки круглое зеркальце (зеленое!), навела под глазами порядок и за-

говорила о том, как ее муж, ее Володя, очень и очень не советовал в магазине работать.

— Ты ведь такая простофиля, говорит, ты такая простофиля! У тебя, говорит, всегда недостачи будут. И еще, говорит, неизвестно, какая напарница попадется, а то и накрост...

Клава испуганно поглядела на Инку, поняв, что сказала лишнее. Инка усмехнулась:

— Ничего, Клава, воровать вместе будем! На паевых началах. Идемте, директор освободилась...

Из конторы, толкаясь в дверях, выходили красные, взбудораженные женщины, большей частью — ровесницы Инки. Видимо, «профилактика» у начальства была основательная, они продолжали спорить о неправильном завозе товаров, о мартовском плане, который под угрозой... Вид у всех был — словно навек перессорились.

«Такие «профилактики» и нас ожидают! Пускай, лишь бы работа была... Не мог, не смел Игорь обмануть. Он все-таки лучше, чем казался вчера...» Пропустив продавщиц, Инка оглянулась на Клаву: она, глядя под ноги, в нерешительности топталась на месте. «Будто угли затаптывает! — улыбнулась Инка, догадываясь о причине ее смятения. — Ну, что я на нее так! Нам же, может быть, работать вместе!» Инке стало жаль бесхитростную неумелую модницу, и она ободрила:

— Все будет хорошо, Клавдюша! Только бы нас приняли.

Они вместе вошли в кабинет директора.

◆

ГЛАВА V

В это апрельское утро ничто не предвещало неприятностей.

Инка встала пораньше, помогла бабке вытопить печь,

принесла из колонки воды. Когда она уже оделась, чтобы идти на работу, хозяйка, шевеля густыми седыми бровями, напомнила:

— Не забыла, милая? Ноне срок кончился, а я за месяц вперед беру...

Инка покраснела, будто ее в чем-то нехорошем уличили. В сумочке оставалось три рубля, а до аванса еще целых десять дней...

— Хорошо, хорошо, бабушка! — торопливо сказала она, не попадая пуговицами в петли пальто. — Завтра я с вами расплачусь, вы уж извините...

Осторожно прикрывая за собой дверь, подумала: «Надо поискать другую квартиру, подешевле...»

Магазин находился на другой окраине города. Можно было сесть на автобус и доехать, но Инка, глянув на часы, решила пройтись пешком.

Воздух на улице был чистый и родниково-свежий. Пахло оттаявшей землей, набухающими почками тополей и кленов. В арыке булькала и картавила вешняя вода. С Урала доносилось глухое потрескивание. «Наверное, скоро ледоход начнется. Вечером обязательно схожу посмотреть... А восход — красивый!» Сверху тинькали, посвистывали птицы, медленно опускалось перышко, похожее на крохотную ладью. Инка подняла голову: на ветках клена весело порхали и перекликались синицы. Они были серые, грязные. Видно, в зимнюю стужу прятались по печным трубам или в теплых кучах шлака. Еще день-два, и веселые птички покинут город, откочуют в парки и леса, вылиняют и снова станут яркими, как переводные картинки...

Настроение у Инки поднялось.

Незаметно дошла до своего района. Вот и четырехэтажный, выкрашенный охрой дом, под ним — ее «гастрономчик», филиал двадцать третьего магазина, лучшего в торге...

Рядом была проходная завода, эвакуированного во время войны с Украины, а вправо от его территории высились новые дома рабочего поселка. Место было бойкое, людное, и магазин Инки никогда не пустовал.

Через неделю многие хозяйки уже были с Инкой на короткой ноге, охотно делились с ней новостями, шепотком, по-свойски узнавали, когда подвезут тот или иной редкий товар. Более наблюдательные из них замечали, что молодые мужчины и парни чаще стали заходить сюда за папиросами и спичками. А она — строгая: ни-ни!..

Часто навещала свой филиал и Белла Ивановна. Войдя незаметно, она минуты две-три наблюдала за работой Инки, а потом громко, с располагающей фамильярностью обращалась к покупателям:

— Как, товарищи, не обижает вас наша новенькая?

Беллу Ивановну здесь тоже хорошо знали. Покупатели оборачивались на ее звучный, слегка гортанный голос, весело здоровались и наперебой старались засвидетельствовать свое уважение к новой продавщице — чтобы и Инка слышала. Белла Ивановна ласково поводила на зарумянившуюся Инку черными блестящими глазами и уходила — большая и величественная.

Так было несколько раз. На очередном собрании коллектива Белла Ивановна заговорила об Инке, заговорила горячо, со свойственным ей темпераментом:

— Вы только посмотрите, как она обслуживает клиентов, нет, вы непременно посмотрите! Это же... артистка, маг, чародейка, я... я просто даже не нахожу достойных выражений! Если Кудрявцева и скажет «нет», то сейчас же Кудрявцева добавит: «Но у нас есть вот это, я вам порекомендую то-то...» Или посоветует зайти через день-другой. Именно таким должен быть работник прилавка— вежливым, отзывчивым, с глубоко развитым чувством ответственности перед народом. Таких мы всегда будем поддерживать и поощрять...

За Беллой Ивановной знали страсть к преувеличениям, но знали и то, что директор никогда зря не похвалит. После собрания Инку поздравляли, ей даже завидовали: «Ты в сорочке родилась, Кудрявцева!» А на следующий день Инка еще раз удостоверилась, что Белла Ивановна не бросает слова на ветер: при ее бурном вмешательстве Ленка была устроена в круглосуточный детский сад.

В тот же день в магазин заглянул Игорь Силаев, суховато сказал: «Поздравляю. Рад за тебя». И ушел, поправляя на переносице очки. Это было его первое после размолвки посещение. На его поздравление она ответила еще суше, чем он, но все-таки была польщена: значит, хотя и дуется, а за ее делами следит...

Верно говорится, мир не без добрых людей! А Григорий кривил губы: «Попробуй, попробуй!..» Больше месяца прошло — ни одной строчки от него. Впрочем, чему удивляться?!

— Инночка, взвесь мне полкило хлопкового...

— Мне, доченька, селедочку заверни и пачку мыла...

— Как ваше здоровье, тетя Паша? Вчера вы неважно выглядели.

— Спасибо, Иннушка, растерла поясницу — полегчало, вот как полегчало...

Быстро продвигалась очередь. Настроение у Инки было хорошее. Лицо зарумянилось под малиновым шерстяным беретом. Мелькали ее проворные руки, шуршали оберточной бумагой, постукивали лотком и гирьками весов. Стремительно сновал за прилавком белый наутюженный халат.

У Инки было хорошее настроение. Она радовалась наплыву покупателей, солнцу за огромными зеркальными окнами, голубому весеннему небу. Сейчас в нем жаворонки-птички поют-распевают...

— Мне... — Широкоплечий красивый парень морщил смуглую кожу лба. — Мне... триста граммов краковской

колбасы, пожалуйста, и... И еще сто пятьдесят граммов сливочного масла...

Стукнули гири. Качнулись чашки весов. На прилавок возле парня легли два свертка. Пряча улыбку, Инка выжидающе посмотрела на покупателя: «Ох и мямля ты, приятель!»

— Папирос? Спичек? Вчера отличные конфеты поступили — «Белочка»...

— Н-ну, пожалуйста, «Белочки», граммов триста...

Его манера говорить со спотычкой, упорное нежелание встречаться взглядом с Инкой настроили ее против него. «До чего скучный тип!» — досадливо подумала она, подавая ему кулек с конфетами. Он поблагодарил кивком и с равнодушным видом отошел к витрине, стал что-то разглядывать в ней. Но как только от прилавка к двери направились две очередных покупательницы, парень остановил их:

— Извиняюсь, товарищи, однако я попрошу вас... Мы заново взвесим ваши покупки...

Тетки опешили: как так, кто ты такой?! Спокойно и вежливо парень объяснил, что такой же, как и они, покупатель, но категорически настаивает выполнить его просьбу. В магазине стало тихо-тихо. Назревал неожиданный скандальчик. Парень не предъявлял документа, но все безоговорочно решили: он — из торговой инспекции.

— Товарищ ищет жуликов... Что же вы стоите, гражданки, подходите, перевесим заново...

Инка говорила негромко, уверенно, однако лицо ее было белым, а зубы непроизвольно прикусывали подкрашенную губу и от этого становились розоватыми. Взглянув на нее, одна из теток махнула рукой — а ну вас! — и громыхнула дверью. У другой парень забрал свертки и начал поочередно класть на весы. Покупатели вплотную придвинулись к прилавку, сдерживая дыхание, следили за качающейся на шкале стрелкой.

Стрелка остановилась и, словно перст судьи, указала: недовес пятнадцать граммов. Еще одна покупка—и снова недовес... Парень положил конфеты, потом колбасу, потом — масло... Показания неумолимой черной стрелки записывал на клочке оберточной бумаги.

— Теперь подсчитайте, на какую сумму вы обманули только двух покупателей.

— Считайте, если вам нужно...

У Инки шли круги в глазах, ей казалось, она вот-вот упадет в обморок. Она плохо слышала шепот сердобольных хозяек, советовавших извиниться перед ревизором, попросить прощения, дескать, молодая, неопытная.

А парень сам пощелкал на счетах и сказал, что недовес обошелся в тридцать одну копейку, в частности, у тетки— в двадцать копеек.

— Два рубля старыми деньгами, мамаша!

Если бы он не подчеркнул это «два рубля старыми», женщина, пожалуй, и не подписала бы акта: подумаешь, копейки! Но два рубля!..

Когда она вывела свою фамилию и, ни на кого не глядя, вышла из магазина, парень попросил, чтобы еще кто-нибудь расписался в качестве свидетеля. И иронически усмехнулся: один по одному покупатели потекли к двери. У всех нашлись вдруг неотложные дела. По его усмешке, по искоркам в глазах можно было понять, о чем он думал: «Почему же вы не хотите уличать недобросовестного человека?.. Вот так вы проходите мимо безобразий, так стараетесь ускользнуть, когда милиционер просит вас засвидетельствовать проступки хулигана или бандита... Моя хата с краю!»

— Вы, разумеется, тоже не подпишите? — убежденно сказал он, поглядев на Инку, безучастно повернувшуюся к окну, за которым сияла голубая весна.

— Почему же! — Инка точно пробудилась. — Давайте подпишу... Здесь?

Крепко сжав карандаш, так что побелели суставы пальцев, расписалась. Затем сунула руки под мышки, словно согревая их, нервно прошлась за прилавком. А когда он спрятал акт, она взяла с полки рубль и кинула:

— Возьмите... за труды...

Парень то ли недоуменно, то ли сожалеюще пожал плечами и вышел. Через окно Инка видела, как он быстро и широко шагал к автобусной остановке, прижимая к себе свертки. В торгинспекцию направился? Полетит теперь Инкина жизнь вверх тормашками! Как же это могло случиться? Как? Она взвешивала совершенно точно... Весы подвели? Торопилась и не заметила малый, такой ничтожный недовес? Ведь никогда не собиралась богатеть на чужом... Как же такое вышло? Ничего и никак теперь не докажешь, что она, Инна Кудрявцева, не обманывала: недовес занесен в акт, акт подписан ею... Зачем она поторопилась подписать?! Нужно было еще и еще раз перевесить все — что-то здесь не так, не могла она ошибиться, не могла!

В промежутках, когда не было покупателей, Инка выверяла весы: при свободных чашах бесстрастная стрелка останавливалась на нуле. Ложилась стограммовая гирька — и черная стрелка склонялась точно к цифре «100». В чем дело? И почему она такая невезучая, такая несчастная?! Неужели в жизни ее ни одного светлого дня не будет?!.. И как это трудно удерживать слезы, когда хочется криком кричать... А надо быть ровной, корректной, даже улыбаться всем этим людям, от которых только и слышишь: дайте, подайте, взвесьте, заверните, а почему нет, а почему не такое!..

Сменщица Клава придет сегодня в пять вечера, вместо двух часов дня, как обычно. На медицинской проверке... Если б она знала, какой мучительной, каторжной отбываловкой был для Инки остаток дня! Покупатели, не слышавшие о неприятной истории, замечали, что их

продавщица чем-то угнетена, обслуживает бесстрастно, словно бы никого не видя. Они старались не заговаривать с ней, тихо брали покупки и уходили. Ведь у каждого человека бывают минуты, когда его лучше всего не трогать, не лезть в душу с непрошеными утешениями.

Но, вероятно, не угадала этих минут и этого состояния Инки сухощавая женщина лет сорока, с прямыми жесткими волосами, щеткой выбивавшимися из-под круглой велюровой шляпки. Покупок она не делала, но брюзгливо подмечала то одно, то другое: не так витрина оформлена, не расфасован заранее сыпучий товар, нет пергаментной бумаги для завертывания сливочного масла...

Инка кусала губы, чтобы не сорваться, не наговорить дерзостей.

— Вы можете сообщить об этом директору магазина...

Сказала Инка очень сдержанно, но глаза ее выдали все, что она думала о придирчивой посетительнице. И это взвинтило женщину:

— Вы почему грубите мне?! Нет, вы почему грубите?!

— Я не грубила вам...

— Нет, вы мне грубили! Дайте жалобную книгу!

— Гражданка, продавец действительно не грубила вам,— вмешался курносый белокурый парень, подавая мелочь на папиросы.

— А вас, гражданин, не спрашивают! Подайте мне книгу жалоб и предложений.

Инка сняла с гвоздя книгу и пошла к самому концу прилавка, где была откидывающаяся крышка для прохода. Руки ее вздрагивали, а на лице застыла неестественная улыбка.

— Идите сюда, пожалуйста, здесь вам удобнее будет писать...

Женщина прошла, склонилась над книгой. Инка тоже склонилась и громко сказала:

— Вот здесь, пожалуйста! — А шепотом, почти не раз-

жимая губ, выдавила: — Ох и стерва ты, милая бабонька!..

Та ошарашенно вскинулась и на какую-то минуту лишилась языка.

— Вы... вы хамка!.. Вы... я вас под суд!..

Инка с неподдельным возмущением оглянулась на покупателей:

— Товарищи, за что же она меня?! Что с вами, гражданка? Вы здоровы ли?

— Слушайте, уважаемая, — снова, теперь уже рассерженно, вступился за Инку белокурый молодой человек,— что вы привязались к продавщице?

— Она меня оскорбила!

— Не выдумывайте, уважаемая! Не с той ноги утром встали...

— Не хотите писать? — Инка демонстративно повесила книгу жалоб на место. — Зря только время у людей отнимаете.

Женщина посеменила к двери. На щеках ее выступали то белые, то красные пятна. «Как огни светофора»,— подумала Инка.

— Я вам этого не оставлю! Я — к директору!..

— Хоть к господу богу! — благодушно напутствовала ее беременная молодайка. — Вот люди пошли...

И в магазине еще долго не унимался разговор о том, какие пошли нынче люди. И все сочувствовали Инке, которой попало ни за что, ни про что.

Но Инка, продолжая взвешивать и подавать, не слышала этих разговоров и вздохов. С минуты на минуту она ждала или погромного визита Беллы Ивановны или ее вызова. Чувствовала, как во всем теле поднимается жар, как разрастается, невыносимой становится боль в висках и затылке. Горячая кровь с гулом била в уши: «Все! Все! Все!» Ей отдадут трудовую книжку и отпустят на все четыре стороны. А с той записью, которую сде-

лает в книжке инспектор по кадрам, можно разве лишь с уральского яра... Глупости! У нее дочь, у нее — Ленка. За Ленку в детсад надо пятнадцать рублей платить. Да пятнадцать за квартиру... А зарплата — шестьдесят рублей. Если план выполнишь... «Таких мы всегда будем поддерживать и поощрять...» А таких, Белла Ивановна, как вот сейчас?.. Правильно, оскорбила. Но та ведь сама хороша!.. Но никогда не обвешивала, тут — ошибка... Этот парень! Эта женщина! Одно к одному.

Пришла сердитая, кем-то «подогретая» Клава. Сбросила пальто и, подбородком прижав концы платка, начала натягивать халат.

— Заходила в контору. Белла икру мечет. Я б ее портрет вместо таблички на ворота: «Осторожно, во дворе злая...» Никто не знает, в чем дело... Завтра перед работой зайди к ней, велела. — Клава поворошила в картонной коробке деньги. — Инкассатор не приезжал? Хорошая выручка?

Инка не отвечала. Клава подняла на нее взгляд и испугалась:

— Что?! Обсчитали? Товар не довезли? Что случилось?!

У Инки подрагивали губы.

— Ничего, для тебя ничего не случилось...

◆

ГЛАВА VI

У Беллы Ивановны черные усики, огненные восточные глаза и темперамент южанки. Инке она не давала рта раскрыть. Инка сидела на стуле перед ее столиком, а Белла Ивановна быстро ходила по кабинету и то всхлопывала возмущенно руками, то бросала их за широкую спину и без передышки восклицала и ахала:

— Я уже не знаю, что с тобой делать! Я уже не знаю! Ну зачем ты ее оскорбительно обозвала?!

— Она лжет...

— Она лжет! Она лжет, она ревизор, и она лжет! Хорошенькое дело, ревизор пищеторга лжет! А Кудрявцева не лжет, она обозвала ревизора, и она не лжет... Я должна верить Кудрявцевой и не должна верить ревизору! Ах, Кудрявцева, ах, продавец Кудрявцева!.. Я всю ночь ужом на кровати вертелась, я целую ночь глаз не смела сомкнуть...

Инка смешливо фыркнула и поспешно опустила лицо. Ей представилось, как большая грузная Белла Ивановна вертелась «ужом на кровати». Инке не следовало так откровенно фыркать, ей вообще не следовало выражать каких бы то ни было чувств, кроме чувств горького раскаяния и смирения.

Услышав Инкино фырканье, Белла Ивановна остановилась потрясенная.

— Тебе уже весело, Кудрявцева? Миленькое дело, ей уже весело! Подумать только, ей — весело!

С каждым повтором фразы голос Беллы Ивановны все больше накалялся. Оборвался он лишь неожиданным звонком телефона.

— Кому там плохо, — раздраженно и вместе с тем как-то буднично проворчала Белла Ивановна, снимая трубку. — Алло! Да... Макароны? Господи, да с милой душой!.. Везите!..

Пока она разговаривала, Инка, опустив голову, разглядывала свои маленькие руки с тонкими пальцами и не находила им места. Узкие крашеные ногти, казалось, жгли кроваво-красным лаком. Позавчера Инка накрасила их, а вчера и тот парень, и те тетки, наверное смотрели на ее алые ногти и думали, как они ловко выгребают медяки из чужих карманов... Инка ведь не хотела нажиться, разбо-

гатеть на этих медяках! Но позор... Позор на весь двадцать третий, лучший в торге...

Кончив говорить по телефону, Белла Ивановна снова возвратилась к Инке, но теперь без прежнего энтузиазма, скорее сострадательно:

— Святая Мария, этой девчонке весело!..

Но Инке уже не было весело. Среди бумаг на столе она заметила краешек тетрадного листа и первые строчки на нем: «Акт. Мы, нижеподписавшиеся...» Это же тот самый акт, под которым она расписалась, как под приговором...

— И потом этот парень, Кудрявцева. Ну на что он тебе сдался, парень тот?!

Инка поднялась. Ей было все равно.

— Вам не кажется, Белла Ивановна, что спектакль слишком затянулся? Давно пора переходить ко второму действию, точнее, к акту...

— К какому такому акту? Сядь и сиди, если тебя не просят за дверь!

Инка осталась стоять. Глазами — как бритвой повела: «Любишь ты, директор, душу мотать. Давай-давай, мне больше некуда торопиться!»

— Я хочу досказать об этом твоем парне, Кудрявцева. Парень тот — никакой он не парень, а просто, наверное, изменщик своей жене. А ты ему несерьезно глазки показала, а он за эти глазки пришел ко мне и наговорил мне кучу неприятностей...

— О каком вы парне, о каком защитнике?

— Ты уже меня хочешь перехитрить? Ты уже не помнишь того симпатичного молодого мужчину с волнистыми светлыми волосами? Ты уже не помнишь, что посылала его защищать тебя от заслуженной критики со стороны ревизора? Зачем тебе такая слава?

— Не знаю я никакого мужчины с волнистыми волосами, Белла Ивановна, — устало и безразлично сказала

Инка. — Вернее, знаю, не симпатичного... того, что акт вам принес...

— Господи, о каком еще акте ты мне напоминаешь?

— Я говорю об акте, что у вас на столе. О том, что я обвешиваю.

— Святая дева! Ты обвешивала? — Белла Ивановна почти упала на стул. — Неужели ты обвешивала?

— Не мучайте, пожалуйста. — Инка выдернула из-под бумаг тетрадный листок. — Это что?!

Белла Ивановна взяла его, читала, и черные крылатые брови ее дугами ползли вверх. У Инки вся кровь отошла от лица.

— Удостоверились?

— Ты меня зачем дурочкой считаешь?— возмущенная Белла Ивановна выбралась из-за стола, бросила на бумаги акт. — Я тебе ребенок разве?

Инка скосила глаза на злополучный лист: «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт на разгрузку контейнера...» Вот и все! Сама себя... А теперь?

— Так ты обвешивала наших советских покупателей, Кудрявцева? Ты смела их обвешивать?

Голос у Беллы Ивановны вкрадчивый, почти интимный, но в агатовых глазах было столько негодования, что Инка больше не выдержала, спотыкаясь, пошла к двери. Остановилась возле нее и, держась за скобу, не поворачивая лица, спросила:

— По сорок седьмой уволите? Или... может, разрешите... заявление, по собственному?..

Белла Ивановна стремительно приблизилась к ней, увлекла к столу, усадила.

— Господи, я совсем седая становлюсь из-за этих продавцов! — с трагическими нотками прошептала она, закуривая сигарету.— Мне же насоветовали, нахвалили тебя... А ты обвешиваешь советского покупателя...

Инка видела, что глаза директора то и дело останав-

ливались на черной трубке телефона. «Сейчас поднимет и позвонит в ОБХСС... Придите, уведите за руку преступницу...»

Белла Ивановна выпустила густое облако дыма, совершенно скрывшее ее смуглое немолодое лицо. Она как бы отгородилась от своей нечестной продавщицы. Потом сквозь дым проявились жгучие, с антрацитовым блеском глаза, устремленные на Инку.

— Я понимаю тех, кто действует масштабно. Они знают: если попался — есть за что... А таких, как ты, Кудрявцева, я отказываюсь понимать. За копейки идут в тюрьму...

Говорила, точно сама с собой рассуждала. Пепел сигареты сорился на бумаги, а она этого не замечала. Время от времени по-прежнему утопала, растворялась в густом дыму, становясь для Инки призрачной и недосягаемой. И все-таки Инка терпеливо выслушивала ее задумчивый, осуждающий монолог и не порывалась уходить. Память возвращала ее к тем далеким дням, когда была она ученицей у опытной продавщицы тети Глаши. Та тоже имела привычку много говорить и поучать. Она тоже осуждала тех, кто делал обвесы и недовесы. «На обвесе, дочка, погореть — господи помилуй не успеешь сказать... Голова дадена продавцу, чтобы соображать. Вот стоят у тебя мешки с сахаром — почаще полы мой в магазине. Сахар — он любит влагу... Или, скажем, селедка поступила, на вид схожа, а цена разная...»

Справлялась Инка о тете Глаше: на семь лет осуждена. Значит, даже хитрость и многолетний стаж не спасли.

— Так ты поняла меня, Кудрявцева?

Инка мало что поняла, занятая воспоминаниями, но на всякий случай кивнула. Белла Ивановна затушила в пепельнице окурок и облегченно откинулась на спинку скрипнувшего стула.

— Очень я рада, что ты поняла. Я знала, что ты

поймешь, я это сразу узнала. Другого бы не помиловала... У тебя такое положение, я же тоже человек, я же понимаю... Иди работай, товарищ Кудрявцева. И никаких «спасибо», не люблю сентиментов. Я человек дела, Кудрявцева, мне подай дела свои, и я скажу, кто ты!..

Семь часов за прилавком показались Инке необыкновенно короткими. И только перед закрытием магазина она вспомнила, что обещала хозяйке принести деньги за квартиру. До чего хороша была жизнь минутой раньше... Как быть? Взять из кассы до получки? Пятнадцать рублей — не столь уж большая сумма. А без нее... Но это же касса! Государственная!.. Лучше у брата попросить в долг. Нет, к Николаю она не пойдет!.. У Клавы? Откуда у Клавы лишние деньги? Молодая, а уже тремя мальцами обзавелась. Муж кочегаром в домоуправлении работает — оклад известный... У Игоря? Опять к Игорю? Да, у него можно занять, не откажет... Не откажет... А взамен?..

Инка с лихорадочной быстротой заперла основной и контрольный замки, сдала магазин сторожу.

Домой? Только не домой, не к старухе с ее хваткими, всевидящими глазами. Такие глаза были у свекрови. Все четыре года они преследовали Инку с ненасытной злобой: «Дармоедка! Ентилегенция кудлатая!..»

Инка несколько раз останавливалась на ступеньках, пока взошла на площадку второго этажа. А потом не могла поднять руки к черной кнопке звонка... Что подумает Игорь? Известно, что!..

Может, так и не решилась бы позвонить, но щелкнул вдруг английский замок, и через порог шагнул Игорь в шляпе и сером макинтоше. От неожиданности оба не сразу сообразили, что нужно хотя бы поздороваться. Наконец Игорь несмело взял ее выше локтя.

— Не могу поверить, что это ты...

— Мне нужны пятнадцать рублей, — как через замороженные губы проговорила Инка. — С получки отдам.

Игорь был уязвлен:

— Ты ко мне... только, когда нужда...

Она повернулась идти. На первой ступеньке двусмысленно усмехнулась:

— Как ни странно, ты ко мне тоже только с нуждой...

— Ох и человек же ты, ну и человек!

— Верно: человек.

— Человечина. — Игорь, злясь, искал по карманам ключ. — При себе нет денег, извини... Идем в комнату, там у меня... Пошли!

Он никак не мог попасть ключом в замочную скважину, и это его раздражало. Собственно, раздражало больше то, что Инка наблюдала за его суетливостью и насмешливо и со снисходительным превосходством. Наконец открыл дверь и оглянулся на Инку, прислонившуюся на ступеньках к перилам. Зло бросил:

— Идем, что ли? Я же тебя не в кровать приглашаю!

— Выноси побыстрее деньги и не хами. Раньше ты таким не был.

Он вынес ей деньги. Инка поблагодарила так, словно не он ей, а она ему сделала одолжение. Великодушно предложила:

— Давай на Урал сходим? Я давно ледохода не видела.

— Лед уже прошел.

— Все равно. У меня хорошее настроение...

Игорь дернул плечом: дескать, я в этом убедился!

На улице он остановил такси, и они приехали на высокий речной яр, подковой вжимавшийся в восточную окраину города.

За их спинами догорала заря, а внизу клокотала, пенилась мутная, черная от надвинувшейся тени яра вода. Кое-где на ней уже покачивались, как желтые птенцы,

первые звезды. Низкое левобережье, залитое паводком, терялось в сумеречной дымке. Там была Азия. Инке даже показалось, что оттуда дохнуло горьковатым дымком рыбацкого костра. И вспомнилось, как с братом они сажали на той стороне огород, а вечерами сидели у костра, пекли картошку или варили уху, и Николай рассказывал ей всякие истории. В то давнее время еще девчушкой была, а Николай донашивал солдатскую гимнастерку. Ночевали под звездами и яркой, как в сказках Шахерезады, азиатской луной...

Ухнул обвалившийся невдалеке яр. Эхо долго перекатывало могучий, стонущий всплеск воды.

— Не укрепляют берег, — сказал Игорь, беря Инку под руку. — Каждый год яр отнимает у города территорию... Средств нет, что ли?

— Очень может быть. У меня же вот нет! Хорошо, что ты меня сильно любишь и одалживаешь из своих скромных сбережений... Только я считаю, что любовь — это пережиток. Я лично никогда никого не любила.

— По-моему, ты очень многих любила.

— Нет любви. В десятом классе я где-то прочитала: «Все в мире ложь, вся жизнь есть злая шутка. И если все это перевернуть и призраки пустые все откинуть, то остается лишь чувственность одна — любви ничтожный, искаженный снимок...» Разве не так? Ты же помнишь, сколько за мной парней таскалось. И каждый — люблю, обожаю! А в конечном счете... Да вот хотя бы и ты...

— У меня самые серьезные намерения.

Игорь насупился, поправил очки. Вчера незнакомый Игорю парень занес Эдику акт, составленный на Инку. Похохатывая, рассказал, как из кульков тетки-покупательницы ловко «изъял» кусок рафинаду, три конфеты... Получился чистой воды недовес! Продавщица и не пикнула даже, подписала акт...

Над Инкиной головой повисла петля. Когда понадо-

бится, петлю приопустят и захлестнут на шее мертво, безжалостно. Все теперь зависело от Инки, от ее поведения... Игорь не решился вступиться за нее. Конечно, если б Инка вела себя иначе, а то ведь... Держит его на расстоянии. Колкости. Насмешки...

— Когда-то ты мне... — Инка сделала паузу. Сузив глаза, посмотрела на Урал. — Когда-то нравился ты мне. Чуть-чуть. Мне нравились твои мечты... Ты умел мечтать... Сейчас ты не тот. Кажется, что ты не мечтами наполнен, а косточками от бухгалтерских счетов... Я женщина, жизнь меня обидела, но я... Знаешь, я все-таки мечтаю, не сдаюсь. Почему-то мне кажется, что главное еще впереди...

«Да-да, главное еще впереди: дядя Егор, Эдик, скамья подсудимых... — Сам не зная почему, Игорь злорадствовал. — Мечтай, мечтай!..»

А Инка продолжала:

— Я тебя, Игорь, вспоминала. Думала: где он, как его судьба сложилась... Какой ты, оказывается, слабый. Умный, а слабый... Я бы на твоем месте!.. А ты — «выпивон», «чувихи»... Мне нравились твои мечты... Так и будешь всегда, всю жизнь? Не тошно?

Игорь хотел ответить, но Инка довольно резко освободила локоть из его руки и, подавшись вперед, пристально посмотрела вслед рослому человеку в коротком плаще и в белой кепке. Он остановился поодаль, заложив руки в карманы плаща. Видно, о чем-то думал, глядя на широкое могучее течение реки.

— Подожди меня здесь...

Инка направилась к тому, застывшему над кромкой яра. Она не ошиблась — это был он, тот парень, что заступился за нее перед дотошной покупательницей.

— Здравствуйте... Спасибо вам...

Парень повернул голову, скользнул по Инке рассеянным взглядом. Очевидно, он даже не узнал ее, но кивнул:

— Пожалуйста.

Наверное, Инка помешала ему. Парень еще раз кивнул ей и пошел вдоль яра. А она каким-то виноватым, жалким голосом сказала вдогонку:

— У нас завтра копченую воблу будут давать... Вам не надо?

Он остановился, несколько секунд недоумевающе смотрел на Инку, будто что-то припоминая, и неожиданно расхохотался. Смех у него был громкий, искренний. Инке тоже хотелось рассмеяться так же вот легко, непринужденно, однако из самолюбия она свела брови, отвернулась и пошла к нервничавшему Игорю.

— Кто это? — хрипло спросил он.

— Не знаю.

Игорь мрачно следил за удаляющейся высокой фигурой. Он считал, что узнал в нем гостя Эдика, который показывал акт на Инкин обвес. Почему тот оказался здесь? Случайно? Или за ним, Игорем, присматривает по поручению Эдика? Эдик не верит, что с Инкой у него все кончено? Он ведь на самом деле не знался с ней в последнее время. Она сама пришла. Из-за денег. Так и объяснит: из-за денег. А Эдик ухмыльнется и скажет вкрадчиво, слегка в нос: «Сберкнижка у тебя, конечно, на берегу Урала хранится, да?» И Игорь, как нашкодивший песик, подожмет хвост, упадет на спину и поднимет все четыре лапки.

И захотелось вдруг Игорю хоть раз досадить Эдику, а может быть, и совсем уйти из-под его тяжкой опеки. Он смело взял Инку под локоть, почувствовал под сукном пальто тепло ее руки. Инка удивленно взглянула на него. В сумерках глаза ее были еще больше и казались черными, цыганскими.

— Послезавтра в театре идет «Королевский брадобрей» Луначарского. Прощальный спектакль, закрытие сезона. Пойдем? Я буду святым, Инк!

— О!

— Да!

Эдик категорически запрещал ему появляться с Инкой на людях: «Если она погорит — пощупают и ее приятеля. Тебя то есть. Всех нас прощупают!..»

— А Зуева-Сперантова будет играть?

— Заглавную роль.

— Придется сходить. Давно в театре не была. Кажется, последний раз с тобой ходили? Нет, это меня Григорий водил. Перед свадьбой...

С реки тянуло зимним холодом. Инка подняла воротник демисезонного пальто, сунула руки в рукава.

— Пойдем домой. Я озябла.

Всю дорогу молчали. Игорь хмурился, то и дело поправлял очки. Он досадовал на Инку: всегда она что-нибудь некстати скажет. Нужно ей было в его присутствии Григория да свадьбу вспоминать!

Подлаживаясь под ее частый шаг, сказал:

— Встретимся у театра. Ладно?

Он даже себе не хотел признаться, что трусил. А где-то в глубине мозга лежал готовый ответ на вопрос Эдика: мол, я не приводил ее в театр, случайно у входа встретились! И пакостно было на душе от этой двойственности.

— Хочешь, Инк.. давай поженимся... по-честному, а? Надоело так вот...

Инка молчала, смотрела под ноги. Игорь считал, что Инка обдумывает ответ. Она, кажется, научилась немного думать. Прежде, бывало, не успеешь сказать, а уж она ответ ляпнет: хоть стой, хоть падай. На первом замужестве обожглась, осторожничает. Говорят же, кто на молоке обожжется, тот и на воду дует.

Возле своей хибарки Инка взялась за холодное кольцо тесовых расшатанных ворот. Постояла. Игорь ждал. В душе он чуточку раскаивался в собственной опрометчивости, но сейчас ни за что не отказался бы от своих слов.

Слабое, бесхребетное всегда тянется к более сильному, как серое, невзрачное тянется к яркому, привлекательному. Рядом с Инкой Игорь ощущал себя сильней и значительней.

— Мы, Инк, сразу укатим отсюда! Сожжем, так сказать, мосты к сумеркам прошлого и настоящего. Обменим квартиру и...

Инка верила: он так и поступит, стоит ей лишь пожелать этого. Но Инка любила мечтать и видеть будущее необычайно солнечным, с разноцветной радугой над далью, как в летний день после короткой грозы. А будущее с Игорем представлялось ей теми же сумерками, когда все серо, тускло и расплывчато. Яркой в нем могла быть, наверное, только Игорева коллекция бутылочных наклеек.

Инка приблизила к Игорю лицо — он услышал ее дыхание. Сдерживая волнение, ждал ответа.

— Знаешь, я тебе двадцатого отдам долг. Ты можешь подождать?

Хуже пощечины!

Игорь молча крутнулся на каблуках и, сутулясь, косолапя, пошагал прочь.

Было почти совсем темно, а хозяйка все еще копалась в своем крохотном дворике: оправляла цветочные грядки, поливала их из лейки, что-то ворчала под нос. Тут остро, свежо пахло взрыхленной землей, горечью набухающих почек на кусте сирени.

Инка протянула бабке деньги. Та неторопливо вытерла о фартук руки, выпачканные землей, столь же неспешно полистала трешницы и рублевки.

— Айда в избу, здесь ни шиша не видно.

В избе она включила свет и пересчитала деньги. Хватко глянула на Инку:

— Может, у тебя у самой дыра в горсти? Так я погожу, а?

«То напоминание о сроке платежа, то вдруг великодушничает. Ох, эти ханжи-богомолки!» Инка отказалась: обойдусь, мол.

— Ну, коль ладно. К пасхе да к Первомаю разговеемся: куплю яичек, муки, куличей напекем. Куличи у меня знатные выпекаются, духовка вот как тесто поднимает — чудо просто... Фу, а табачищем от этих денег несет! Чисто их в кисете носили. А еще сказывают: деньги, дескать, не пахнут. Дедушка у меня сроду не курил, а как зайдет к нему какой дымокур — я после него сразу окна-двери настежь...

Инка вышла в сенцы, разожгла там керогаз и поставила на него таз с водой. Надо было выстирать рабочий халат. Белла Ивановна не допускала, чтобы на халатах ее продавцов даже пятнышко было. То ли она сама читала Чехова, то ли от кого слышала, но любила повторять, перефразируя писателя: «В продавце должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...»

◆

ГЛАВА VII

Инка еще раз пересчитала ящики с водкой и снова заглянула в накладную.

— Вы мне два ящика лишних сгрузили,— сказала она экспедитору.

В усмешке тот ощерил рот с дыркой вместо двух передних зубов:

— Совершенно точно! Два ящика. За них рекомендовано... наличными. Не в службу, а в дружбу.

— Ка-ак?

— Наличными, мадам.

Экспедитор, прислонившись плечом к переборке скла-

да, смотрел на Инку охальными откровенными глазами. Да и стоял он самоуверенно, даже развязно: руки в карманах брюк, нога откинута, в уголке рта — папироса.

— Значит, вы их украли? — Инка облизнула высохшие губы.

— Зачем же так громко, мадам?! Об этом — ни единая живая душа... — Притянул к себе за локоть, жестко зашептал: — Что ты, дура, ломаешься? Другая бы спасибо сказала, в ножки поклонилась... С каждого ящика — лично тебе червонец, без подоходного. Улавливаешь? Ну и... А сболтнешь где — смотри!.. Ну так как?..

Инка медлила. «Я понимаю тех, кто действует масштабно...» Да, Белла Ивановна, теперь и она, Инка, понимала их. Два ящика, только два ящика — и этот экспедитор положит в карман почти сто рублей чистыми, без подоходного, как он говорит. За такую сумму она должна работать около двух месяцев... Риск, но риск масштабный! Экспедитор, конечно, не в одиночку действует... Возьми она эти ящики — сегодня же можно долг отдать... «Другая бы спасибо сказала, в ножки поклонилась...»

А щербатый экспедитор ждал, ждал со снисходительным терпением, словно он уважал и страх ее и неопытность.

Во взмокревшем кулаке Инка сжала хрустнувшие накладные.

— А что, если я позвоню сейчас в ОБХСС? И покажу и эти накладные и эти ящики? И расскажу о вашем предложении?

Она предполагала, что экспедитор испугается, всполошится, начнет уговаривать ее помолчать. Вообще она ожидала от него всего, только не превосходного, даже подчеркнутого спокойствия.

— Ох и дура вы, мадам! — добродушно хмыкнул он. — Скажу, мол, произошла ошибочка; мол, как человек честный, я не согласился с продавщицей присвоить де-

нежки за эти ящики, вот она и наговаривает. Улавливаешь?

От кого Инка еще слышала это своеобразное «улавливаешь?» А он, пожалуй, прав: доказать его виновность почти невозможно. И поэтому он так нагл и спокоен.

Инка расписалась в накладных и отдала ему:

— Забирайте свои ящики и... поищите другую...

Усмешка снова ощерила дыру в зубах:

— Вы, мадам, значит, только на обвешивании практикуетесь?

Инка вспыхнула:

— Убирайтесь отсюда!

— Что ж, вольному — воля, спасенному — рай. Вы еще пожалеете, мадам, о протянутой деснице. — Пыхтя, экспедитор вытащил ящики из помещения, поставил в кузов машины. Заглянул в дверь, недвусмысленно пошлепал пальцем по кончику языка: — Будьте благоразумны, мадам.

Инка слышала, как с треском захлопнулась дверца кабины. Автомашина уехала, тоненько позванивая бутылочным стеклом. Инка с облегчением вздохнула: пронесло, выдержала характер! А может, зря? Не она, так другая и примет и получит свои два червонца... А потом? Потом — червонец за решеткой? Кошмар! Лучше уж по ночам спокойно спать...

Подавая рыжебородому деду пачку махорки, Инка улыбнулась неожиданному повороту своих мыслей. Прошлую ночь она как раз плохо спала. Она почему-то не могла уснуть и все время вспоминала о том курносом парне с широкими бровями, которые намного темнее белокурых волос. Почему он отстаивал ее перед Беллой и покупательницей? Почему он так расхохотался, когда она ему насчет копченой воблы? А Игоря колотило всего не то от ревности, не то от бешенства... Если бы взяла эти ящики, то сегодня же отнесла ему долг...

Парень зашел в магазин перед концом ее смены. Он не смотрел на Инку, но она растерялась и невпопад отвечала покупателям, роняла из рук то совок, то гирьки. Он тоже, как и тот, что составил акт, заинтересовался витриной, как бы между делом поглядывал на весы. Это беспокоило Инку. «Может быть, всем им мало одного акта? Изверги! — Она пускала весы с походом: только бы не вздумал придраться. — Что ему нужно от меня?! Может, защищал с какой-то целью? Может быть, он хлюст почище того, который акт настрочил? Вот люди пошли!» Она уже досадовала на себя за то, что так много думала о нем минувшей ночью.

— Спичек, пожалуйста!

Парень подал ей копейку. Сунул коробок в карман и снова стал исследовать содержимое витрины, обескураживая и сердя продавщицу. А когда в магазине они остались вдвоем, он подошел к прилавку, впервые широко посмотрел в ее встревоженные синие глаза:

— Вы меня извините за... за этот дурацкий хохот на берегу. Ну, когда вы о копченке...

— И думать забыла!

Он пропустил ее резкость мимо ушей. Продолжал с грустью и досадой:

— Плакать надо, что у нас так получается... Как чуть, так очередь, как чуть — так давка. За воблой ли, за рисом...

— Вы придумали, как от этого избавиться? — Инка стояла за прилавком холодная, как сосулька.

— Нет, не придумал. — Он неловко улыбнулся, будто и впрямь чувствовал за собой вину. — У меня несколько иное направление... Будьте любезны, подайте, пожалуйста, спичек...

Инка взяла у него копейку и с ехидцей подала коробок:

— У нас в колхозе один старичок был, так он каждый

день по десять коробков брал. Целый мешок накопил. Из печки стрельнула искра да прямо в мешок... От избы одни головешки остались. На случай войны запасал, да не впрок вышло. А другой расщеплял каждую спичку надвое, экономил...

Парень понял, к чему она это рассказывает, когда нащупал в кармане второй коробок, взятый у Инки несколькими минутами раньше. Не обиделся. Рассмеялся, как и вчера, на берегу Урала. Инка тоже улыбнулась — сосулька оттаивала.

Он посмотрел на часы.

— Без четверти два. У вас пересмена?

— Да, сейчас должна прийти моя напарница. — Инка взвесила крахмалу остроносой тетке, с любопытством оглядевшей ее и парня. — А вам пора на завод?

— Я сегодня свободен.

Когда тетка ушла, он взглянул на Инку, не решаясь что-то сказать. Инку кольнула мгновенная догадка. «Хочет пригласить в кино... Или просто вечер провести... Вот для чего заступался! Купил, значит? Хорош гусь! — Больше ей не хотелось с ним разговаривать. — Все они на одну колодку сбиты!.. Дура, бессонницей мучилась. Раскисла — ночь, звезды, река шумит и... симпатичный парень... Я тебя проучу, симпатичный!..»

Вскоре ее сменила Клава, и они с парнем вышли вместе. Инка снова была холодна.

— Давайте хотя бы познакомимся... Меня Алексеем зовут.

— А меня — Кудрявцевой.

Некоторое время молча шли по нагретому, парящему у обочины тротуару. Инка нарочно держалась вызывающе и видела, что парень несколько шокирован бесцеремонностью ее поведения. Чтобы как-то продолжить разговор, Алексей с преувеличенным восхищением сказал:

— День чудесный, правда? Давно столько солнца не было. Правда?

— Изумительный день.

Нет, она по-прежнему держала его на расстоянии. Теперь она была убеждена, что заступничество понадобилось ему, чтобы обратить на себя внимание и потом воспользоваться своим великодушием. И поэтому цена ему сейчас была такая же, как и Игорю.

— Вы что-то о погоде говорили? — Инка решила довести игру до конца.

Алексей недоверчиво глянул в ее лицо. Оно не было таким отчужденным, как прежде.

— Вы временем располагаете?

«Господи, как все повторяется у этих мужчин! Будто по одним нотам... Почему люди так скучны?»

— Допустим, что располагаю.

— Можно бы по Уралу покататься. На теплоходе.

Инка представила широкий весенний плес, сверкающий, как рыбья чешуя. Даже, казалось, свежий речной ветер ощутила вдруг на лице. С превеликим удовольствием прокатилась бы она сейчас по Уралу не только на теплоходе, но и в дощатой бударке бакенщика. Однако на предложение Алексея Инка не сразу согласилась. Она привыкла, чтобы ее уговаривали, просили. А парень почему-то не упрашивал. Скомкав в руке белую кепку, он шагал рядом и с рассеянным взглядом потихоньку насвистывал. Можно было подумать, что он о ней забыл.

Инку это задело: «Какой-то... как не от мира сего. Новость!..»

— Хорошо, я согласна, — сухо сказала она. — Только зайдем сначала в детский садик. Я дочку проведаю.

У него поднялись широкие брови:

— У вас есть дочь?

— Дочь и два сына.

Он сбился с шага. В пробудившемся взгляде было легкое недоумение.

— Сроду не подумал бы... Такая молодая...

— Вы разочарованы?

— Не то... А удобно ли будет... на теплоходе?

— Можно на лодке. Я не боюсь брызг и ветра.

— Да нет, не об этом! — он чуточку поморщился, досадуя не то на ее притворство, не то на ее недогадливость. — Понимаете, люди могут разное подумать...

Инка засмеялась:

— Ах, вы вон о чем! Не беспокойтесь, у меня муж не ревнивый. К тому же он в командировке.

— А вчера, на берегу...

Инка отвернулась, чтобы он не видел ее прыгающих от смеха губ.

— Это так. Знакомый один.

Подошли к двухэтажному дому детсада, огороженному разноцветным штакетником. Во дворе гомонила детвора, строя из песка и кубиков крепости, катаясь на качелях и трехколесных велосипедах. Леночка издали узнала Инку и кинулась к ней с захлебывающимся, радостным криком:

— Мамка, мама, мамочка пришла!

— Вы подождете меня здесь? — Инка как бы извинялась перед Алексеем.

— Да, пожалуйста...

Она ушла с дочкой в другой конец просторного двора, под тень грибка, оттуда украдкой наблюдала за Алексеем и некстати улыбалась. Девочка проследила за ее взглядом, увидела возле штакетника дяденьку. Мама с ним пришла.

— Мамочка, ты на нем жениться хочешь, да? Я не хочу, мама, чтоб ты женилась...

Посмеиваясь, Инка успокоила дочку: нет-нет, она сроду ни на ком не женится, ни на кого не променяет свою

дочку! И по-прежнему замечала, как нервничает у калитки Алексей. Он то распахивал свой легкий светло-серый плащ, то застегивал его на все пуговицы, то начинал быстро ходить вдоль заборчика, то облокачивался на него.

«Влип, милый ухажер?! А я не отпущу тебя, я заставлю поехать со мной на теплоходе!..»

Поцеловав на прощанье дочь, Инка вышла за калитку.

— Извините, я долго задержалась...

Он натянул на мягкие волнистые волосы кепку и прямо глянул в Инкино лицо:

— Знаете, я вот здесь думал... Я не боюсь сплетен, но у вас семья... А в чужую семью... Поймите меня правильно, Инна...

— Я вас правильно понимаю. Я вижу, вы вообще очень правильный человек. Желаю вам, товарищ Алексей, найти такую же правильную, как вы сами!

Она повернулась и ушла, нервно строча каблучками по асфальту.

◆

ГЛАВА VIII

Николай опустился на подставленный бабкой стул и, положив кепку на колено, огляделся.

Горница была маленькая, но опрятная, убранная со свойственной уральским казачкам тщательностью, точно напоказ. Крохотные оконца, заставленные горшками со столетником и геранью, едва-едва пропускали редкие желтые ручейки солнца. Падая с подоконников, ручейки лужицами разливались по белым покоробленным временем половицам, пятнали нижние листья мясистых фикусов. Пахло сушеной мятой и сдобой. Подвернув широкие

рукава кофты, бабка месила тесто на куличи — пасха приходилась нынче на третье мая.

Николай еще раз обвел взглядом Инкино жилье — оно ему понравилось: все здесь было давнее, обжитое, напоминало детство, бабушку, которая к пасхальным дням вот так же месила сдобное тесто, а потом пекла облитые сахаром куличи.

— Инка скоро придет?

Бабка подняла бровь на старые ходики:

— Должна бы уж!.. Чайку налить?

Он мотнул головой: не хочу.

— С чем пожаловал к сестре-то? — У бабки щеки собрались в гармошку, глазки махонькие, цепкие. — Чай, на Первомай пригласить в знамерился? После Первомая приходи куличи есть. Всей семьей приходите, я много испеку... А сестра твоя с норовом, будто в меня удалась, истинный бог! Некоторый раз придет такая ласковая да желанная, а некоторый раз — чисто ее дурная муха ужалила. Весна, что ли, на нее влиятельность оказывает? Ты пригласи ее, пригласи на какую ни то гулянку, пускай отпустит вожжи, побрыкается пускай...

Бабка, видно, любила поговорить. Казалось, слова сыпались у нее из широких, необъятных рукавов старомодной кофты.

Николай томился.

— Значит, на работе у нее все в норме?

— Знамо дело! — Подсевая муки, она зашлепала ладонями по ситу. — У нее директор — чудо просто! За ним она, как за каменной стеной.

Это замечание насторожило Николая: «Неужели?..» Он переложил кепку с колена на колено.

— Молодой? Директор, говорю, молодой, видно, энергичный?

— Шиш! Баба, и вовсе не молодая. Вот какая проворная баба, просто чудо.

Николай с облегчением выдохнул и пощупал карман пиджака. Там лежало письмо от Григория... О чем он пишет? Мария хотела вскрыть, но Николай не разрешил. На конверте же ясно написано: лично Кудрявцевой Инне... «Кудрявцевой» подчеркнуто двумя жирными линиями. Нарочно, похоже, подчеркнул, дескать, помни, что ты, хотя и уехала, а все равно не чья-нибудь, а Кудрявцева, его́, Григория, законная жена... Почему они разошлись? Почему Инка уехала? Григорий, бывая раньше в городе, никогда не жаловался на нее. «С такой сам черт не уживется...» — объясняла Мария в тот раз. А теперь имя Инки вообще не упоминалось в доме Николая, так поставила Мария. А он, Николай, смирился, махнул рукой. Наверное, правильно Инка сказала: «Тряпка ты, братушка, об тебя только ноги вытирать...» Сызна, что ли, поколотить Марию? Может, изменится... Двое детей, семья...

— Принесла она мне вечо́р дрожжец московских — чудо как хороши. На глазах тесто поднимают... В общем, доложу я тебе, сокол, сестрица твоя на всякого купца-молодца потрафить сможет, коли пожелает.

— Вот именно, если пожелает, — с удовлетворением согласился Николай: бабка понимала Инку так же, как и он.

За окнами мелькнула тень, погасив на секунду солнечные теплые ручейки в горнице. Вошла Инка. Николаю обрадовалась, но сдержалась, не выдала своей радости. Они научились прятать собственные чувства от любопытствующих глаз с тех пор, как в маленькой квартирке Николая поселилась Мария.

Инка поздравила его с наступающим праздником и, теряясь в догадках — почему здесь брат? — прошла к трюмо поправить волосы.

Николай молча протянул ей письмо.

— Что? Что это?

Она взяла его с видом человека, который во всем начи-

нает подозревать тайный подвох. Прочитала обратный адрес один раз, другой, недоверчиво прощупала взглядом почтовую печать. Скомкала конверт.

— Зачем ты принес?

Николай рассердился: опять не угодил! Объяснил, что письмо ей адресовано, что иначе не мог поступить и что от подобных писем, насколько он знает, никто не умирал. Инка натянуто улыбнулась — слишком длинным было у брата объяснение,— разорвала конверт. Да, конечно, ничего хорошего она не ожидала от этого письма!

«Здравствуй, Инна!.. Два месяца прошло, как ты уехала. За это время, как я полагаю, можно бы и сообщить о своем житье-бытье, по крайней мере, о здоровье Леночки. Слышал, что устроилась ты крепко, что на судьбу не жалуешься. Слышал, что тебя и прописали, и на работу оформили, и Леночку в круглосуточный детсад определили. Кто они, эти добрые дяди? Думается мне, уж не подженилась ли ты, подруга жизни? Свободно даже! Не за одни же красивые глазки все такое делается... И решили мы, подруга жизни, раз ты не желаешь возвращаться добром, решили забрать у тебя Леночку. Знакомый адвокат сказал, что свободно даже можно лишить тебя материнства за твое поведение...»

В таком духе было все письмо. В конце Григорий писал, что на алименты она может не рассчитывать, с колхозников они удерживаются в конце года, деньгами и натурой, а к тому времени он отсудит дочь. Так и не иначе!

Николай с тревогой наблюдал за Инкой. Она стояла у окна, и луч солнца, прорвавшись сквозь зелень, падал на ее неподвижное лицо. Оно было бледным, но словно бы изнутри отсвечивало теплой прозрачной розоватостью, как дорогой китайский фарфор. «Значит, грозишь? Леночку собираешься отсудить? Рука свекровушки водила твоим пером, муженек! Ну-ну посмотрим, что у вас выйдет...» Вслух негромко повторила:

— Посмотрим!

— Что ты сказала, Инна?

— Говорю, весь он здесь.

Она отошла от окна, и розоватость тонкого фарфора потухла на ее лице.

— Что он пишет?

— А, не стоит... Пойдем на улицу, у меня что-то голова сегодня... болит...

Бабка еще раз наказала Николаю, чтобы приходил на куличи, и они вышли. На улице было солнечно, тепло. Влажный ветер сразу же растрепал Инкины неповязанные короткие волосы.

— Хозяйка у тебя, кажется, ничего...

— Лучше Марии.

Николай понял, что о приглашении к себе на праздник нечего и заговаривать. Он покопался в часовом кармашке брюк, вытащил много раз сложенную десятирублевую ассигнацию.

— Возьми. На праздник. Не густо ведь живешь.

Инка посмотрела на деньги, на Николая, покачала головой:

— Не надо, Коля. У тебя тоже семья, дети. Не надо, братишка.

Они остановились напротив гостиницы. Николай неловко обнял Инку, ткнулся губами в ее холодную щеку и заторопился к автобусной остановке. Пожалуй, он рад был, что расстался с сестрой. Как-то получалось, что Инке приходилось трудно, а он ничем не мог помочь ей. Уж как он выкраивал эту десятку, а Инка от нее отказалась, словно раз и навсегда решила освободиться от материальной зависимости. Впрочем, не сам ли он и виноват в этом?! Ведь к нему она пришла тогда, в марте, к нему, а как они ее встретили?..

Николай сел в автобусе возле окна. Инка стояла на том же месте. Заметив, что он смотрит на нее, она улыб-

нулась и подняла руку с косынкой. И Николай горделиво оглянулся на пассажиров, словно хотел сказать: «Видите вот ту красивую девушку? Это моя сестра!»

А Инка проводила взглядом автобус и снова почувствовала себя одинокой и чужой в этом городе. Не ей махали алые флаги на домах, не ее звали лозунги и плакаты... Она здесь — чужая. И, как всякому приезжему, самой близкой ей почему-то показалась гостиница. Может быть, потому, что она приютила Инку в трудный час? Вон из того окна на четвертом этаже Инка смотрела тогда на этот город и твердила себе, что он чужой ей, чужой...

За два месяца город не стал ближе, роднее. Слишком не так все складывалось, слишком наоборот получалось... Вот и праздник у нее испорчен. После смены вызвала ее Белла Ивановна и сказала, что она, Инна Кудрявцева, как старший продавец несет полную ответственность за срыв апрельского плана. Инка ответила, что на кильке да на леденцах плана не вывезти, что для этого нужно что-то и другое, водка, например, а ей за последнюю десятидневку ни одного ящика водки не завезли. Белла Ивановна возмутилась: как так не завезли, почему не завезли? Инка объяснила, как и почему. Лишь о предложении экспедитора умолчала.

Белла Ивановна долго смотрела на Инку черными опечаленными глазами.

— Я обожаю твою принципиальность, товарищ Кудрявцева, — заговорила она наконец, — но зачем тебе было на этого проклятого экспедитора шуметь? Зачем он тебе сдался, Кудрявцева? А теперь двадцать третий плана не выполнит, теперь двадцать третий в трубу... Позор перед международным праздником трудящихся...

У Беллы Ивановны даже слезы выступили. Инка согласилась с тем, что допустила оплошность, что сразу же не сказала о скандальном экспедиторе ей, Белле Ивановне. А сама подумала: «Надо было принять ящики и тут

же позвонить в органы...» Но сейчас же вспомнила, что экспедитор лишь посмеялся над ее угрозой. Тогда что делать? Помогать мошенникам?..

Над головой свернулся и сочно хлопнул на ветру флаг.

Переходя улицу, Инка ощутила на себе чей-то пристальный долгий взгляд. Она осмотрелась — никто не обращал на нее внимания, одни торопились с работы, другие с кошелками и сумками бежали в магазины или на рынок. Обычная предпраздничная суета. И неожиданно увидела: у открытого окна первого этажа гостиницы стоял Алексей в белой с расстегнутым воротом рубашке. Вероятно, он уже давно наблюдал за ней. Вероятно, видел, как Николай чмокнул ее в щеку, как она махала ему косынкой. То-то теперь голову ломает, думает всякое!

Инка отвернулась и быстро пошла дальше.

Странно, почему он в гостинице? К товарищу зашел? У нее в магазине ни разу не был после того... И не больно нужен! Наверное, все они, как дешевые леденцы — сладкие, липнут, а цена — копейка.

Сзади коснулись ее локтя.

— Здравствуйте, Инна!

Она вздрогнула и от неожиданности и от знакомого, очень знакомого голоса. Алексей!

— С праздником вас, Инна!

— Христос воскрес, — ответила она. — У вас все? Может, похристосуемся?

— Нельзя же вечно злиться на старших! Хотя бы ради Первомая... Мне всегда приятно видеть вас...

— К сожалению, вы не спрашиваете, приятна ли мне ваша навязчивость. Вас интересует, кто со мной был сейчас? Вы мне сцену ревности устроите?

Улыбка сошла с лица Алексея.

— Кто-то из нас весьма дурно воспитан, — сказал он сдержанно, повернулся и пошел к гостинице.

Инка не двигалась с места. «Оглянись! Ну, оглянись, Алексей! Оглянись же, и я попрошу прощения... Злая, злая, ну, почему я такая злая?!.» Алексей не оглянулся. Налетевший ветер растрепал его светлые волосы, Алексей пригладил их ладонью и рывком открыл тяжелую дверь гостиницы. Дверь развела и сомкнула деревянные челюсти — будто проглотила.

«Все! — подумала Инка. — Больше я его не увижу. Он нездешний... — Было грустно и досадно: оттого, что он ушел, даже не оглянувшись, оттого, что у нее такой характер. Пыталась оправдать себя: — Раз он нездешний, то и хорошо... Он ищет приключений с незамужней дамочкой!..»

От этих оправданий легче не становилось. Влекло ее к этому парню, который, как утверждала Белла Ивановна, «никакой не парень, а просто изменщик своей жене...»

Солнце горело над самыми крышами. Устало за день греть землю. Обочины тротуаров парили. Кое-где прокалывались зеленые иглы трав. Хлопали флаги, с неистовым треском проносились мопеды и мотоциклы.

На центральном проспекте Инка, сама не зная для чего, зашла в книжный магазин. Давно она не бывала в нем, со школьных лет. В отделе художественной литературы теснилась молчаливая очередь юнцов и пенсионеров. По привычке, выработанной горожанками, Инка сначала заняла очередь, а потом уж спросила, за чем стоят.

— «Секретные миссии», — значительно, шепотом ответили ей.

Только когда продавщица выписала чек, Инка ахнула: два рубля и две копейки! Впору отказаться. И рассердилась: «Что я хуже других, что ли?!»

Взяла книгу, выбралась из очереди. Выпустила листы из-под большого пальца: иллюстраций не было.

— Новинка?

Инка подняла голову. Зуева-Сперантова, наклонив го-

лову, заглядывала на заглавие. Крашеные губы сморщила язвительной улыбкой:

— Что ж, и шпионская литература обогащает интеллект. Поздравляю! Это намного лучше пещерных танцев...

Актриса говорила громко, как на сцене, наверное, хотела обратить на себя внимание: ее ведь многие в городе знали. Инка, сама по натуре резкая, нетерпимая к другим, все же не ожидала такой бестактности со стороны Зуевой-Сперантовой. И не осталась в долгу:

— Говорят, лучше с умным потерять, чем с глупым найти!

Демонстративно поклонившись, оставила актрису в магазине. На улице она шла медленно и напряженно, считая, что позади себя вот-вот услышит торопливый стук актрисиных туфель. Ох, и отчитала бы ее Инка! Пусть с глазу на глаз говорит Альбина что угодно, но что это за манера напоказ хамить?! Да и чем ей так не угодила Инка, что та язвит каждый раз? Не на ту напала, милая!

Не выдержав, она оглянулась: никто не преследовал ее. Инка немного успокоилась. Свернула в сквер, села на скамейку. В сквере хозяйничали ребята из соседней школы: сгребалась прошлогодняя листва, мелись и посыпались песком дорожки аллей, подбеливались стволы кленов...

Книга была о шпионаже разведок разных стран. Инка полистала ее и закрыла: зачем ей эта книга?! Вспомнилось: ярко, с выдумкой, зазывно оформлены оконные витрины книжного магазина — не пройдешь мимо. Внутри — тоже: «Любите книгу — источник знаний», «Книга — ваш верный спутник и друг», «Книга — лучший подарок»... Не каждая книга, нет, не каждая!..

«Подарю-ка я эту штуковину Клавке, — решила Инка. — К празднику. Ей, наверное, никто не дарил книг. Да еще дефицитных. Пойду к ней».

По тротуару впереди Инки шел парень. «Алексей!» —

заволновалась она, но тут же усомнилась: у Алексея не такая вялая, ленивая походка. Он или не он? Можно бы догнать и заглянуть в лицо. Шла в нескольких шагах сзади и смотрела в оконные витрины, чтобы, как в зеркале, увидеть профиль парня. Нет, не он. У этого нос прямой и тонкие губы, а тот курносый, с широкими губами.

«Чем он сейчас занимается? Скажет, вот на дуру нарвался!.. Хоть бы увидеть, хоть бы извиниться»... — Инка вздохнула: почему о нем думается?

У Клавы тоже была очередь: накануне праздников люд запасался и съестным и спиртным. С Клавой невозможно было даже двумя словами перекинуться. До закрытия магазина оставалось полчаса, и Инка прошла в подсобное помещение, чтобы подождать ее там. Клава забежала на секунду, в глазах тревога: «Что-нибудь случилось? Нет? Я так напугалась...» И — снова к прилавку.

Наконец она закрыла дверь на крючок и облегченно опустилась рядом с Инкой на ящик из-под конфет.

— Устаю — ужас просто. Все время на ногах, на ногах. Да успевай поворачивайся, а то еще и жалобную книгу затребуют в довес... Володя мой все время говорит: уходи из продавцов, уходи, пока трудовая книжка не запачкана...

— А я тебе вот не книжку, а целую книжищу. К празднику.

— Ой, зачем же?! — обрадовалась и разрумянилась Клава. Быстро полистала книгу и порывисто чмокнула Инку, оставив на щеке губную помаду: — Спасибо, Инк! Володя ужасно любит такие романы. Идем к нам, я познакомлю тебя с Володей. Володя у меня замечательный. Только Володя боится, что я простофиля и допущу растрату.

Инка немного с завистью, немного со снисхождением улыбалась, глядя на Клаву: у нее везде — Володя, один Володя. Клава вдруг спохватилась, полезла в сумку.

— Чуть не забыла! Приходила Белла. Нам с тобой пригласительные билеты в театр принесла. На торжественное... Концерт, говорит, чудо какой будет! Уж как я вас ненавижу, говорит, как ненавижу за срыв плана, но я же вас, говорит, и люблю, как детей родных, а разве мое сердце может родных детей обидеть... А сама курит, а сама курит да переживает!..

Клаве быть бы актрисой. Она так здорово подражала интонации Беллы Ивановны, так похоже передавала ее жесты и манеру курить, что Инка расхохоталась. Повертела в руках пригласительный билет и протянула Клаве:

— Идите с Володей на пару.

— И не выдумывай! Билет тебе, а не Володе. Володя на Октябрьскую ходил, а я дома сидела, а теперь он с детишками посидит. А к празднику, — продолжала тараторить Клава, — я надумала... Ты знаешь мою зеленую шляпку? Я к ней — алую ленту и красное пушистое перышко. А у старой зеленой кофты вырежу по лифу полосы и вошью красные клинья крепдешина, таким же отделаю манжеты рукавов... Белые туфли, думаю, не нарушат гармонии, а? Вот сумочки нет с красным. Ну да я что-нибудь придумаю...

— Фантазерка ты, Клавка!

— Верно! Я вот еще когда девушкой была, то размечтаюсь, размечтаюсь. Мол, выйду замуж, купим мы с мужем маленький домик, и я его весь-весь разукрашу, весь он у меня будет чистенький да веселый, как картинка. А Володя привел меня в коммунальный, с удобствами...

«Честное слово, Клава — самый счастливый человек, — подумала Инка. — Интересно, дядя Егор и к ней подсыпался?»

— Клава... скажи, только откровенно, экспедитор к тебе подсыпался, предлагал что-нибудь?

Глаза у Клавы округлились, кругло темнел открытый в испуге рот. Она со страхом качнула головой:

— Н-нет, Инк... А тебе... предлагал? Старый женихало. Уж пятьдесят, а все не женится... Мне-то нет, я бы Володе, Володя ему... — И уже через минуту, успокоившись, посочувствовала: —Горько тебе будет, Инк. Незамужнюю каждый обидит...

— Как сказать! — жестко прекратила Инка разговор на эту тему. Она не стала уточнять, что ей предлагал экспедитор, так как поняла: с Клавой он не свяжется, у Клавы не тот характер — все расскажет Володе, все станет известно Белле Ивановне. Клава из тех, кто не умеет хранить своих тайн.

— А почему бы тебе, Клава, над нашими витринами да полками не пофантазировать? Чтоб они аппетитненько, вкусненько выглядели. Я вот была в книжном — завидно просто...

Клава прошлась перед прилавком и витринами со стороны покупателей, наморщила вздернутый носик:

— Кому это надо? Белле? У Беллы товаровед по оформлению витрин есть. Дома я — хозяйка, я для себя, и нет надо мной Беллы и товароведа, а Володе все мое нравится. Товаровед деньги за оформление получает, ну и пускай старается, расшибается...

— Деньги... Кругом деньги...

Клава заметила, что напарница ее поскучнела, у нее даже голос стал вроде другим. Она со свойственной непосредственностью начала оправдываться:

— На это ж время нужно, а откуда оно у меня?! Володя и так с детишками день и ночь... — Видя, что Инка молчит и странно, остановившимися глазами смотрит в окно, за которым отцвела заря и в которое уж несколько раз заглядывал сторож, Клава предложила: — Ну, хорошо, хорошо, ты не сердись, давай что-нибудь придумывать! Непонятная ты какая-то. До праздника успеем и товары по-новому разложить, и витрины интересно оформить. Я тебе точно говорю, не усмехайся!..

Инка и не думала усмехаться. Она перевела на раскрасневшуюся Клаву глаза, но, кажется, не видела ее.

— Не обязательно же ради денег жить, Клава. Не все люди негодяи. Это нам только кажется, что кругом сплошные негодяи. И кажется тогда, когда нас больно обидят. Надо людям больше добра делать. Человек на добро отзывчив, Клава...

— Так я ж согласна с тобой! — с воодушевлением воскликнула Клава и потащила стремянку в дальний конец магазина, чтобы там добраться до верхних полок. — Я ж согласна! Мы для людей и украсим наш филиал. Не для Беллы, не для товароведа, а для покупателей.

В магазине они пробыли дотемна — зажгли свет и не впускали недоумевающего сторожа. Прикидывали, что где лучше выложить, выставить, какими этикетками и надписями украсить. Подписи сочиняла Инка. Набрасывала их на оберточной бумаге — завтра добудут ватмана и красок... «Шоколад и цветы — лучший подарок девушке». «Не забудьте купить вашему малышу новые конфеты «Белочка» и «Мишка». «Бутылка шампанского украсит ваш праздничный стол», «Никотин — яд, но муж поблагодарит вас за коробку «Казбека». Клава, охая и ахая, боялась наделать ошибок в надписях, а Инка успокаивала: «По сочинениям я всегда четверки получала. Сочинять я, Клава, умею. Без ошибок!..»

Кончилась их самодеятельность только тогда, когда за освещенной оконной витриной появился муж Клавы с двумя малышами на руках. Клава жалобно шмыгнула носом: «Бедненький, он ведь измучился!» — и побежала открывать дверь.

◆

ГЛАВА IX

— Пардон, маман!..

Эдик из-за полного, сильного плеча Беллы Ивановны заглянул в трюмо, поправил черный галстук, золоченый зажим на нем, скользнул ладонью по волосам — поморщился: как ни причесывайся, все равно сквозь редкие волосы видна большая коричневая родинка на темени. В зеркале встретился с глазами матери. Черные, блестящие, они ласкающе и влюбленно смотрели на сына. Правая ее рука обрабатывала пуховкой щеки, в левой была раскрытая пудреница. Узколицый, с шишковатой головой Эдик внешне проигрывал рядом с красивой смуглой матерью. Эдик походил на отца, который сидел в кресле и листал свежие газеты. Отец и сын только в профиль были выразительны и даже изящны — хоть медали с них чеканъ. Чтобы и в фас выглядеть значительно, отец носил очки с узкими, но длинными линзами в тонкой золоченой оправе. Они как бы шире делали его лицо.

Если по возвращению из командировки отец был в настроении, то часами рассказывал о проделках хапуг, растратчиков, жуликов, с которыми ему приходилось иметь дело. Свои рассказы заканчивал, как правило, уговорами сына:

— Напрасно ты с иностранщиной связался, иди в органы милиции и прокуратуры. Важная и благородная у нас работа. Мы очищаем общество от дряни...

— Понимаю, — снисходительно соглашался Эдик, — вы — ассенизаторы общества, и хлеб ваш тяжел. Ассенизация — французское слово. А кто бы знал его, не будь русаков, владеющих французским? Стало быть, цель у нас с тобой, папа, двуединая: вы очищаете общество от скверны, а мы обогащаем его духовно. А в общем — делаем его лучше...

— Ну-ну, полиглот, обогащай, обогащай, да не крути нос от ассенизаторов.

— Я всегда за спайку наших рядов, — уверял Эдик с еле заметным оттенком двусмысленности.

— Ну-ну! — тоже начинал иронизировать отец. — Тогда хоть полипы в носу удали, чтобы чутье было лучше. Ибо эта аристократическая гнусавость нравится, думается, лишь тебе да твоей маме.

Пикировка прекращалась, так как в нее с сокрушительной энергией вступала уязвленная Белла Ивановна. Отец утыкался в газету, храня за очками лукавую прищурку, а Эдик принимался вполголоса декламировать Байрона, сосредоточенно следя за своим английским произношением...

Сегодня Окаевы собирались в театр. На торжественное заседание в честь Первомая. Отец только листал газеты, а не читал. Верный признак того, что он нервничал: жена слишком долго задерживалась у трюмо, можно опоздать в театр.

Эдик заглянул в свой кошелек на молнии, убедившись, что в нем кое-что есть, сказал «адью» и ушел.

На углу улиц старуха продавала первые степные тюльпаны — пиршество огня и солнца в эмалированном тазу.

— Сколько? — Эдик взял букетик — в нем штук шесть-семь цветков.

— Тридцать копеек, ангел.

Эдик присвистнул:

— Это ж, бабуся, три рубля по старым деньгам.

— А ты, ангел, на керенские переведи! Миллион будет али того более. Это нть цветы, культура, понимать надо...

— Вы убедили меня.

Он заплатил за три букетика, развязал их и связал в один. «Альбина обрадуется. Любит цветы, как киска молочко. Особенно, когда ей их на сцену кидают...»

Эдик не на шутку был увлечен актрисой, но не знал, любила ли она его на самом деле или только притворялась любящей. Ведь и вся ее работа — притворство, игра. Цветам и подаркам она радовалась, как ребенок, при посторонних могла кинуться ему на шею и обцеловать: «Длинненький, миленький, спасибо, лапушка, спасибо!..» За такие мгновения даже притворство можно было простить.

В театр он вошел через служебный ход — вахтерша знала Эдика. Вторая дверь налево вела за кулисы. Там гудели голоса участников сводного праздничного концерта. Направо была гримировочная актрис. В приоткрытую дверь Эдик увидел сидящую перед трюмо Альбину и молчаливо расхаживающего скрипача Матвея. Матвей никогда не отличался многословием, он любил молчать и о чем-то думать, думать...

Как и ожидал Эдик, Альбина кинулась на шею и нашептала ему массу нежнейших слов. Матвей не обращал внимания на счастливую пару, но потом подошел и сказал вдруг:

— Ты знаешь, Эдуард, меня приглашают в Алма-Ату, в консерватории преподавать...

— Билет на самолет заказал? — Эдик досадовал на него за то, что бесцеремонно встрял в их интимный полушепот. — Во всяком случае, поздравляю. Приветственный адрес завтра пришлю.

— Спасибо, но я еще не решил, Эдуард. Я подумаю.

— Думай, Паганини, думай,Ойстрах!

— Я подумаю. Соглашусь и увезу с собой Альбину.

— Что-что?

Эдик растерянно взглянул на актрису. Ее лицо передернулось, и она неестественно рассмеялась.

— Что за шутки, Матвей!

— Как надумаю, так и увезу тебя, Зуева-Сперантова. В Алма-Ате примешь мою фамилию. Будешь Зуева-Сперантова-Игнатова.

Матвей взял футляр со скрипкой и вышел из уборной.

У Эдика на висках и лбу выступила испарина: «Язвит?.. А что, возьмет и увезет! Я ей золотой перстень с аметистом, я ей янтарное ожерелье, а он — серые прекрасные глаза и манерную черную бородку... И она уедет. Уедет, собака!» С двери, за которой скрылся скрипач, Эдик перевел взгляд на Альбину, оправлявшую перед зеркалом пышную прическу.

— Что это все значит?

— Я и сама не знаю, дружок. Мрачная шутка ипохондрика.

— Может быть, зарегистрируемся в загсе?

— И замужние актрисы убегают. До революции это даже модно было. — Она повернулась к нему, сцепила длинные прохладные пальцы на его худом затылке, из-под капризных бровей глянула в бледное лицо: — Разве я давала тебе повод, дружок, чтобы ты сомневался во мне? Ты же не первый месяц знаешь меня...

Эдик опустился в кресло и перевел дыхание.

— За такие шутки могу физиономию Матвею испортить... В данном случае я против амикошонства.

— Что такое «амикошонство», дружок?

— Ами — друг, кошон — свинья. С французского.

Альбина рассмеялась.

— Прелестно! Прелестно!.. — И увела разговор на другое: — Ты веришь, из всей труппы театра только меня пригласили участвовать в праздничном концерте. Это что-то значит, дружок! Говорят, телестудия весь концерт будет записывать на пленку... Ты ведь знаешь, что я буду «Теркина» читать?

— Да-да, — кивнул Эдик, хотя только сейчас узнал об этом. Маленькими, глубоко сидящими глазами пристально всматривался в Альбину.

— Сегодня я буду так читать, что... Правда, мне хотелось о Жераре Филипе прочитать, но... Я потрясу зал! И я

выйду к рампе с этими милыми тюльпанами... «Переправа, переправа, берег левый, берег правый!..»

«К какому берегу ты гребешь, Альбинос мой?» — Капля за каплей просачивалось в душу Эдика сомнение.

— Едем со мной в Чехословакию? А? Сходи после Первомая в облпрофсовет и запишись в августовскую группу туристов. А? За полтора-два месяца я заработаю в строительном отряде. Кое-что в запасе есть...

Альбина засмеялась:

— Ты предлагаешь свадебное путешествие?

— Как хочешь называй.

— Я подумаю, дружок...

«Одними словами с Матвеем говорит! Я ее обязательно увезу. Матвей не Матвей — гастрольные турне театра тоже не лучше. С кем она там гастролирует!.. Денег на две путевки все равно не хватит. Даже если в студенческом отряде мощно вкалывать...»

Оставалась надежда на дядю Егора, на Инку... Но и здесь в последнее время неудача следовала за неудачей. Инкину предшественницу положили в больницу для душевнобольных, говорят, мелет она там черт-те что: о водке, о деньгах... А ее напарница вдруг собрала манатки и куда-то уехала. В других магазинах осталось две продавщицы да вот еще Инка. Дядя Егор жалуется на нее: «Подсадная уточка, язви ее, с норовом оказалась: ни черта не идет на манок. Уж я и так крякал, и этак крякал...» Ничего! Дядя Егор и не таковских обламывал. Эта, видимо, цену себе набивает. Податься ей так или иначе некуда. Не мог Эдик ошибиться в ней.

Прозвенел первый звонок.

— Я удаляюсь. Встретимся в антракте.

— Непременно, дружок!

Эдик уходил с ощущением человека, которого обманывают и за спиной смеются. Впервые он по-настоящему

почувствовал, что Альбина сможет помыкать им, как захочет.

Эдик прошел по узкому, плохо освещенному коридору и остановился на небольшой площадке. Отсюда три ступеньки вели в просторное фойе. Стал наблюдать, как распахнутые двери партера всасывали, точно воронка, людей, спешивших занять места. С детства отец приучал Эдика к наблюдательности: «Наблюдательный человек вдвое-втрое больше видит, чем ненаблюдательный. Для пытливого взгляда мир становится шире, а окружающие люди — понятнее...» И Эдик постепенно выработал в себе привычку наблюдать и анализировать. Прислонившись к розовой холодной стене, он думал об Альбине и в то же время в толкучке у дверей выхватывал взглядом знакомые лица.

«Счастливый противочумник рвется в первые ряды. Для сего дела нужны острые локти. А у тебя они слишком толсты. А автомобиль ты купил замечательный! Завтра покатаемся...

Какой это дурак сказал, что сладко быть под властью любимой женщины? В копеечку обходится эта средневековая сладость. Я люблю Альбину? Трезво! Объективно! Ну?! Да. Но не больше, чем себя. Чертовски приятно, конечно, когда на нас с ней оглядываются. А кое-кто зеленеет от зависти: такая куколка и такой дегенерат... Впрочем, кто это меня... дегенератом? Матвей? Он! Пьяный, на вечеринке... Скотина! И при Альбине ведь. Нарочно... Ты ее увезешь? Попробуй! Следовало бы помнить мое: «Quia nominor leo — ибо я называюсь лев...»

А это? Хм, та самая Инка! В том самом платье. Не густо... С подругой? С напарницей! Красивая чертовка. Глазищи! Даже немного жаль ее... — Увидел Игоря, который протискивался следом за Инкой и Клавой. — Вот подонок! Забыл наказ...»

Заметил, как Инка быстро взглянула на него, на его

скрещенные на груди руки и, с улыбкой обернувшись к Игорю, что-то сказала. Игорь и Клава разом повернули к Эдику головы. Клава засмеялась, а Игорь стал поправлять очки и поторопился войти в зал.

«Колкость в мой адрес, — понял Эдик. — От тебя, любезная, я готов терпеть колкости, ибо ты нам нужна. Се ля ви — такова жизнь, как говорят товарищи французы...» Сзади, в глубине коридора, он услышал смех и голос Альбины и снова почувствовал, как заныло в груди: «Опять с Матвеем! Увезу я тебя в Чехословакию... Зубами вцеплюсь, но не уступлю этому подонку!..» Забылось ему, что еще сегодня называл талантливого скрипача своим лучшим другом.

◆

ГЛАВА X

У выхода из театра Инка и Клава вдруг обнаружили, что Игорь исчез.

— Он обиделся на тебя за актрису, — сразу же решила Клава.

— Не думаю.

После выступления Альбины Инка сказала, что на сцене Зуева-Сперантова видела только себя, любовалась только собой. И что Теркин, наверное, животом расхворался бы, услышав такое чтение поэмы. Игорь долго хмуро протирал очки и наконец упрекнул Инку в необъективности. Потом молчал до конца. Даже Матвею не аплодировал, когда тот превосходно исполнил несколько скрипичных концертов.

А сейчас вот незаметно исчез.

— Да-да, он обиделся! — продолжала утверждать Клава и оглядывалась, надеясь увидеть Игоря.

— Чепуха! Наверное, у него расстройство тракта от Альбининой декламации, скоро придет... Подождем.

— Инка, — в голосе Клавы слышалась досада. — Инка, почему ты такая, ну, непоследовательная, что ли?.. Давеча говорила, будто нам только кажется, что кругом сплошные негодяи, говорила, людям надо больше добра делать, человек на добро отзывчив. А теперь — поворот на сто восемьдесят градусов...

— Такую уж меня придумали. — Инка уклонилась от дальнейшего разговора на эту тему.

Стояли у театрального подъезда, ждали. Игорь не появлялся. Зато прямо на них медленно выплыла из двери большая и благодушная Белла Ивановна с мужем. Обрадовалась, точно целый век не видела своих продавщиц из филиала, тотчас с присущим ей темпераментом представила их мужу, с большими преувеличениями рассказала, как ее «умницы-девочки» прелестно оформили витрины и полки и как она собирается всех своих продавцов сводить в филиал на экскурсию: «Пускай они учатся любить порученное им ответственное дело!»

— Веришь ли, дорогуша, я страстно пожалела, что ты не куришь, когда прочитала у них: «Никотин — яд, но муж поблагодарит вас за коробку «Казбека». Мне так хотелось, чтоб ты поблагодарил. Мне так хотелось! Ты же у меня такой нещедрый на поблагодарение... Девочки, а не попадет нам, что у нас: никотин — яд? Не подрываем ли мы основы нашей социалистической торговли?

— Ой, что вы, Белла Ивановна! — у Клавы заблестели глаза, она с проникновением прижала руки к груди.—Даже наоборот! Женщины читают и смеются, но обязательно берут дорогой «Казбек», «Казбек» лежал, а теперь...

— Я поняла тебя, детка, я очень тебя поняла! До свидания, милые, хотя мне совсем не хочется с вами прощаться.. До свидания!

Муж ее легонько склонил голову в поклоне, так что тень от полей шляпы спрятала его улыбающиеся за узкими очками глаза. Они ушли.

Игорь пропал.

Инка пошла провожать Клаву до автобусной остановки. Она держала Клаву под руку и смотрела под ноги. Асфальт на дорожке был, очевидно, свежий, после первых жарких дней он размягчел, и на нем осталось множество ямочек от каблуков-шпилек. Инке они напоминали следы шипов от конских подков, словно прогарцевали тут кавалерийские эскадроны. И Инка подумала: «Душа моя исковыряна, как этот асфальт. Живого места не осталось...» И заговорила вслух:

— Вот у тебя: Володя, Володя, кругом Володя. У тебя друг, муж, отец твоих детей... К тебе мать почти каждое воскресенье приезжает из поселка... А у меня? Брат родной за два месяца один раз пришел, и то украдкой. На новоселье не пригласил, боялся, что на их жилплощадь буду претендовать. А ведь он, знаю, любит меня. И я его люблю. Так кто же его таким жалким и недостойным сделал? Жизнь? Корысть! Если не его личная корысть, то — жены. Прежде мы четверо ютились в одной комнатке — и ничего, было и весело и просторно. Теперь три комнаты получил — и тесно... Вот ты до замужества мечтала о маленькой избушке. Сейчас у тебя двухкомнатная квартира с удобствами, но ты, наверное, мечтаешь: ах, была бы трехкомнатная! Тут мы поставили бы диван-кровать, тут телевизор, тут была бы детская, а там — наша спальная комната...

— Откуда ты знаешь? — смутилась Клава.

— Да ведь это закономерно! — впервые за вечер рассмеялась Инка.

— Правильно! — быстро согласилась Клава. — Ведь каждому хочется получше жить.

Инка передернула плечами.

— А мне даже жутко становится! Ну, получишь ты три комнаты, четыре, ну, а потом, потом? Захочется иметь новый мебельный гарнитур, новейший телевизор, холо-

дильник, автомобиль... А потом, потом?! Так всю жизнь, всю-всю?

— Как же по-твоему-то?

— Не знаю. Только не так. Ты даже не представляешь, как эта вечная жажда заполучить побольше, получше сушит в человеке доброту, любовь к другому человеку. Ведь при такой жизни обязательно душу гложет зависть: Ивановы машину купили, Петровым четырехкомнатную квартиру дали, а чем они лучше нас?!. Уж я-то нагляделась этой жизни, поверь мне.

— Ты поэтому ушла от мужа?

— Поэтому! — отрезала Инка.

Помолчали. Старались идти в ногу. Клава прижалась щекой к Инкиному плечу:

— Бедненькая, как мне тебя жалко...

— Жалеть надо убогих, Клава, меня надо понимать. А меня ни черта никто не понимает. Игорь только притворяется, что понимает. Но ему нужно мое тело, не более. Хоть за деньги! За деньги, оказывается, многое можно получить, я это знаю... Сейчас возле меня еще один увивается, командированный. Я ведь, как говорят уральские казачки, безмужняя, вроде бесхозного колодца: кто хочет, тот и черпает. И никто не подумает: долго ли жить колодцу, может, глохнут его родники, может, его сруб вот-вот обвалится...

Клава с удивлением и страхом поглядывала на подругу. Она никак не могла понять, чего же хочет, к чему стремится Инка. И она спросила ее об этом:

— До меня ведь трудно доходит, у меня ведь всего семь классов... Вот если б Володя...

Инка засмеялась: опять у Клавы Володя!

— Я, Клава, и сама толком не знаю, чего хочу. Зато отлично знаю — чего не хочу! Не хочу быть рабыней вещей, денег, зависти... Подумай только, жизнь прошла, ты стара, горбата, а вспомнить толком и нечего. Можно

лишь даты припомнить: в том-то году дали новую квартиру, в том-то купили машину... И все? Не хочу этого...

— Ну, да, правильно, понимаю: жизнь дается человеку один раз, и ее надо... Читала, по радио слышала...

Клава, похоже, обиделась на Инку. Но та не обратила на это внимание.

— Вот Игорев друг мне нравится. Ты его не знаешь. Человек изучает иностранные языки, не щадя себя работает в студенческих отрядах, чтобы на заработанные деньги увидеть мир, заграницу, другие нации и континенты. Здесь деньги не самоцель, а лишь средство для достижения благородной цели...

— Мудрено ты выражаешься, Инк!

— А у меня ни денег, ни цели... Вот и твоя остановка, Клавдюша.

Они, думая каждая о своем, подождали автобус. Но автобус был переполнен, как всегда в часы «пик». Клаве не удалось протиснуться в еле-еле приоткрытые створки двери, сжатые людьми. Решили ждать друго" Отошли под развесистый клен.

— Ты так прямо судишь. Инка, я боюсь за тебя...

— За прямоту мне всегда попадало, Клава. Бывало, в школе девчонки не выучат уроки, убегут с мальчишками в кино, а назавтра хнычут перед учителем: у одной гланды воспалились, ангина, у другой мама заболела. И им ничего. А я — напрямик: уроков не выучила, потому и не пришла. Тут же мне двойка в дневник и записка брату: навестить классного руководителя...

— Ох, и горя ты хлебнешь в жизни, ей-ей, Инк! Ты хоть и грамотная, хоть и повидала кое-что, но нисколечко не умеешь жить. Я о тебе рассказывала Володе, он тоже говорит: одним калачи да пышки, а таким, как ты, кулаки да шишки.

Клава оставалась верной себе и своему Володе. Проживет она тихо, безоблачно, наслаждаясь уютом своего

теплого гнездышка, радуясь каждому ласковому взгляду мужа и первому слову, первому шагу ребятишек, которых народит Клава целую кучу. Ничего не поделаешь, всяк по-своему смотрит на счастье, на свою маленькую или большую мечту, ради которой каждый живет и старится. Но даже Клавино узенькое обывательское счастьице было сейчас, на взгляд Инки, лучше, надежнее, нежели ее, Инкины, ничем не подкрепленные мечты о чистом, высоком, но расплывчатом, неопределенном.

«Ну так что же мне делать? А ведь годы идут!» — Досадуя на себя, Инка довольно сухо простилась с Клавой, вскочившей на подножку автобуса. Клава уехала расстроенная, предполагая, что чем-то обидела Инку.

◆

ГЛАВА XI

Инка не узнавала экспедитора: он был подчеркнуто предупредительным. «Наверное, Белла сабантуй устроила, — удовлетворенно отметила она, пересчитывая ящики и расписываясь в накладной. — Или после пасхи душа, как воск, размякла... А план все-таки сорвал, беззубый хрыч! Ни благодарности, ни премии...»

Взяв у нее документы, экспедитор улыбкой обнажил черную впадину в зубах, приподнял кепку и галантно шаркнул подошвой:

— Разрешите откланяться, мадам?

— Вы мне сегодня нравитесь, дядя Егор.

— Вы мне тоже, мадам.

Он уехал. Инка заперла изнутри заднюю дверь и по привычке снова пересчитала полученные ящики с водкой. Девятнадцать! Еще раз проверила каждый — опять девятнадцать. А в накладной — двадцать! Да, так и записа-

но: двадцать ящиков, десять декалитров московской особой...

Обманул!

Сердце у Инки будто поперек груди встало — не вздохнуть. Прижала руки к щекам и ощутила их ледяной холод. Кончики пальцев покалывало.

Метнулась из склада в магазин, схватила замки и — за дверь, прямо в халате.

Элегантные, сверкающие «Волги» с шашечками на дверцах проносились мимо с вкрадчивым остерегающим шипением покрышек. Ни одна не останавливалась возле отчаянно машущей Инки в белом распархнутом халате. Заняты. Все очень торопятся. Все! Им нет никакого дела до Инки.

Инка выскочила на проезжую часть прямо перед черной, блестящей, как лаковый туфель, машиной. Водитель едва успел затормозить. На асфальте остались масляные полосы от протекторов.

— Вам жить надоело?! — высунулся из кабины шофер. — Ба, никак, Инна!

Она открыла дверцу и упала на переднее сиденье рядом с Вячеславом Демьяновичем из противочумной станции.

— Скорее!

— Но мне некогда, Инна! — Владислав постучал пальцем по ветровому стеклу, где был приклеен бумажный заводской номер: — В ГАИ еду, за номерами. Не обкатан еще автомобиль...

— Все равно... Уплачу, только скорее... На ликеро-водочный завод...

Он сообразил, что у девушки случилась какая-то большая неприятность. Развернул машину в обратном направлении. Инка, подавшись вперед, повторяла одно и то же: «Скорее! Скорее!..»

Когда остановились возле ворот завода, она суетливо

полезла в сумочку за деньгами, но сейчас же защелкнула ее и выпрыгнула из кабины:

— Я рассчитаюсь... Вы только подождите меня здесь...

Она тут же вернулась.

— Не приезжал... Пожалуйста, на базу «Бакалейторга»... Я вам за все уплачу, вы не беспокойтесь...

— Меня это как раз очень беспокоит, — иронически ответил Владислав. — Если не секрет, что случилось?

Он остро следил за дорогой. «Москвич», как челнок, нырял в потоке машин, обгонял их и снова с бешеной быстротой несся по узкой асфальтированной полосе.

— Я вам все, все расскажу... еще быстрее...

У ворот базы Инка моментально узнала грузовик экспедитора. Увидела и самого дядю Егора, вылезавшего из кабины. Он оглянулся на скрип тормозов, и у него подбородок отвалился. Но экспедитор быстро подобрался и встретил выскочившую Инку расточительной улыбкой.

— Салют, товарищ Кудрявцева! Что-нибудь забыли? Копию накладной не оставили себе?

Инка скользнула взглядом вокруг себя, подняла с кучи половинку жженого кирпича.

— Если вы, подлый, сейчас же не вернете мне ящик водки, то...

— Но-но, мадам! — экспедитор на всякий случай отступил к своей машине. — Этим кирпичом можно не только ящик водки вышибить, но и мозги... Вы что-то путаете, мадам. Вам показать накладные? Сдал, принял, подписал...

— Я повторяю...

— Ну, знаете ли! — Экспедитор повернулся и пошел к проходной. Своему шоферу крикнул: — Въезжай, Петя!

Инка опустилась на кучку кирпича и, сутулясь, гнула голову к самым коленям. Владислав обеспокоенно склонился над ней, попытался расспросить, как все случилось, но она только мотала головой и прикусывала зубами гу-

бы, чтобы не разреветься. Зачем ей сочувствие, зачем соболезнование, если она прекрасно понимала, что экспедитора теперь ничем не взять, он прав со всех сторон... А ей — платить. Чем?..

— Инна, ведь здесь Игорь работает! — воскликнул Владислав, что-то надумав. — Сейчас я его разыщу, и мы этому экспедитору чуму с холерой под шкуру...

Инка слышала, как он побежал к проходной, тяжело топая сапогами. Стороной подумалось: «Наверное, со степи недавно...» После Владислава остался запах полыни и бензина.

Вскоре услышала уже два голоса. Один спрашивал, другой отвечал с участием и недоумением. По голосу спрашивающего она узнала Игоря. Неужели правда он? Инка ладонями вытерла щеки и подняла голову.

— Это так, Инна? — Игорь стоял насупленный, носовым платком сосредоточенно протирал стекла очков. — Как фамилия экспедитора?.. Я его, подлеца, на чистую воду выведу...

Он записал фамилию дяди Егора и заверил, что заставит его вернуть ящик, что он знает, как с этим народом разговаривать...

— Езжай и не беспокойся! А то тебя на работе могут хватиться.

Игорь ободряюще улыбнулся ей и направился к проходной базы «Бакалейторга». Садясь в машину, Инка все поворачивала голову в сторону базы и ругала себя, что даже «спасибо» забыла сказать Игорю. И как это получалось, что Игорь всегда являлся к ней на помощь, как ангел-хранитель? Когда он вот такой, деловитый, серьезный, то забывается все другое... Он предлагал ей жениться, «по-честному»... А она? «Знаешь, я тебе двадцатого отдам долг...». За ней теперь столько долгов, что она всю жизнь будет обязана Игорю.

Владислав остановил машину в том месте, где Инка

перехватила его часом раньше. Инка раскрыла сумочку, но он положил на нее широкую смуглую руку:

— Что за глупости, Инна!

— Простите, я не подумала... Что, если б не вы... Хотя я не уверена, что экспедитор вернет...

— Игорь уверяет... Я рад, что моя обнова, — он похлопал по матово блестящей баранке, — сразу же сослужила добрую службу... У вас хорошие коньяки бывают? Заеду как-нибудь...

Щелкнул замок дверцы, и «москвич» укатил, оставляя после себя легкий вьющийся дымок. А в душе Инки колючкой шевельнулась досада: «Такой липкий взгляд!» Но она отогнала от себя эту болезненную подозрительность: «Можно подумать, что на свете нет и людей порядочных!» И тут же другое: «А вдруг не вернет дядя Егор ящик?! Что тогда? Тогда как?..»

День прошел в горячечном ожидании. Инка прислушивалась к каждой проезжающей машине: он, не он?

Экспедитор так и не приехал.

Вечером, закрыв магазин, Инка тяжело, подневольно брела к дому Игоря... Знакомая лестница... Тот же черный, всевидящий зрачок кнопки звонка.

— Ты один, Игорь?

— Мамаша ушла к знакомым... Проходи...

Она села в кресло, вяло полистала журнал «Польша». Игорь сидел напротив, подперев кулаком широкий подбородок. Он смотрел на Инку с едва уловимым торжеством. Но Инка за толстыми очками его не замечала этого торжества, она, собственно, и не глядела на Игоря. Так же вяло отложила журнал и сказала:

— Он так и не приехал...

Игорь резко приподнялся, упершись ладонями в подлокотники кресла:

— Как?! Неужели?

Будь Инка повнимательнее в этот вечер, она заметила

бы, что восклицание Игоря не выражало искреннего возмущения. Он прошелся по комнате с таким видом, словно не находил себе места.

— Ты извини меня, Игорь, я столько хлопот тебе причиняю...

— Чепуха! Завтра с утра заступаешь? Привезет, как миленький привезет! Я его прижму... Он меня при свидетелях заверил. Улавливаешь?

Инку будто по лицу стегнули. Она вздрогнула и выпрямилась в кресле. Сидела так с минуту, прежде чем проронила:

— Улавливаю. Да, пожалуй, улавливаю...

— Прекрасно! А теперь... — Он шумно потер ладони. — Чайку заварим? Или бутылочку винца? Как ты смотришь?

— А ты?

— Ради тебя я готов расплавленный свинец пить. Ты же знаешь!

— Знаю, — как-то неопределенно сказала она.— Только я не стою твоей жертвы, Игорь. Слишком я неблагодарный человек.

Игорь, откидывая голову, рассыпался счастливым, несколько неестественным смехом. Очевидно, он принял ее слова за шутку, за кокетливое напоминание о той ночи, когда он подполз к ее постели.

Инка поднялась и, привычно спрятав руки под мышками, прошла к раскрытому окну. Будто по ее знаку, вдоль тротуара вспыхнул частокол уличных фонарей. Свету они почти не давали, потому что сумерки еще только-только наползали из-за Урала, они наползали душные, прокаленные азиатскими степными ветрами. Ночь не сулила прохлады.

Игорь подошел сзади, неуверенно и нетерпеливо прислонился грудью к ее плечу. Дышал так, словно только что взбежал по крутой лестнице. Инка отстранилась.

— Игорь... Не обижайся. Уговор наш остается в силе...

— Надолго?

— Не знаю... Может быть, навсегда. Может быть, Игорь... Не хочу я быть, ну... И замуж не хочу — сыта. Вот так сыта... Пойми, пожалуйста, по-человечески...

— Боже мой, до чего мне надоели эти плебейские правильные разговоры! — Игорь раздраженно снял очки и похлопал ими по ладони, и Инка увидела, что глаза у него не такие уж простодушные, не такие беззащитные. Сейчас они были холодные и немигающие, как у рыбы. Игорь поторопился надеть очки. — Вот что я тебе скажу, Инка: больше мы друг друга не знаем. Ты меня, я тебя. Не хочу на пустой угол молиться.

— Вольному — воля, спасенному — рай, как говорит мой экспедитор.

Игорь настороженно покосился на Инку. В ее словах он услышал двусмысленность и недоговоренность.

За дверью послышалась возня. Легонько цокнул ключ в замочной скважине. Оба выжидающе повернули головы в сторону прихожей.

Вошла мать Игоря. Она прикрыла за собой высокую дверь, накинула цепочку и под вешалку сунула хозяйственную сумку. Была мать в длинном старушечьем платье, в старомодном шелковом платке с кистями.

Увидев возле окна Инку, она суетливо засеменила к ней, взяла в руки ее голову и поцеловала.

— Давно не видела, доченька, соскучилась... — Влюбленными глазами посмотрела на сына. — Он ли у меня плох!..

Игорь смутился. Осуждающим взглядом проводил мать до дверей ее комнаты.

— Она у меня сентиментальная...

И не понять, чего в его словах было больше: осужде-

ния или сыновней скрываемой ласки. Но он неожиданно открылся:

— Только... я ее и такую люблю... А еще у меня был предок, — Игорь споткнулся на слове, видимо, покоробленный им. — Отец у меня был... Мы здорово дружили. Если б не умер, я институт кончил бы... Впрочем, я и сам хорош! — Он махнул рукой.

Инка представила, как бы и ей, и Леночке было хорошо в этом доме, с этой тихой ласковой старушкой, которую она называла бы мамой, мамочкой... Мама! Впервые за много лет... И Игорь — добрый, любящий муж, друг. Хорошо наладилась бы жизнь...

Так ли хорошо?! Хорошо ли, если не любишь?..

Инку удивило, что она вспомнила вдруг о белокуром парне из гостиницы. Значит, это так, значит, он ей не безразличен? Ну и что? Что дальше?!

А дальше — ничего. Дальше очки Игоря. А за ними — тоскующие, горькие глаза парня, который любит и подавляет желание.

Она подошла к нему вплотную, с минуту смотрела в лицо. Потом обняла за шею и, притянув, сильно, неторопливо поцеловала. Мягко выгнулась под его руками, стиснувшими плечи. И так же мягко, но решительно освободилась из них.

— Оставайся, навсегда оставайся...

Она покачала головой:

— Нет и нет, Игорь... Я не люблю тебя. А без этого...

Он взбешенно бросился в кресло, сорвал с шеи галстук.

— Ты идиотка! Или... я идиот!

— И-и-игорь! Ты ведь не вчера с дерева слез.

— Я тебе попомню это, Инна!

— Да уж чувствую, что не забудешь. А мне жалко твою матушку. Ты один у нее. Один...

Парень напряженно подался к Инке. Казалось, он хо-

тел спросить: «Знаешь? Ты все знаешь? Или только догадываешься?»

Ничего не спросил. Не хватило духу.

Простились, как чужие, незнакомые люди.

А утром экспедитор действительно заехал к Инке. Поманил ее пальцем в дальний угол склада.

— Шум ты устроила, согласен. А только — пустые хлопоты при червовом интересе. Не брал я твоего ящика, мадам, документы подтверждают. За счет меня хочешь поживиться?

— Идемте, я закрою за вами дверь!

— Не горячитесь, мадам. Не надо плевать в колодезь, из которого еще придется водицы попить. Короче, ящик я тебе уступаю. Но, — он приблизил к ней лицо, — но при условии: за второй, — экспедитор потер большим и указательным пальцами. — Улавливаешь?

— Кого-нибудь другого объегорил, дядя Егор?

Он расхохотался, прикрывая щербатый рот ладонью:

— Шутить изволишь, язви те! Дошлая ты, смотрю, девка... Договорились, стало быть? А грех на мою душу не клади, Кудрявцева, сроду никого не обманываю, я — у государства одалживаю. Государственная цена спирту, знаешь, какая? Не знаешь? Ну, и... закрой сифон, как пишут товарищи железнодорожники.

Экспедитор, кряхтя, втащил ящики, а Инка все стояла в нерешительности. Взять оба ящика — соучастие в хищении. Отказаться — себя накажешь. Как быть?.. А в двери стучали ранние покупатели — пора открывать магазин. Как же быть? И у кого тогда в долг брать? Вложить всю майскую получку и уехать, вернуться к Григорию? Или завербоваться на Север? А этот, щербатый, и другую, и третью так же облапошит. Или втянет в сделку. И его не возьмешь — скользкий, из-под ножа выскочит, как маринованный гриб. И он будет жить припеваючи: «Государственная цена спирту, знаешь, какая?»

Она принесла экспедитору деньги, ровно пятьдесят семь рублей сорок копеек. Он довольно хмыкнул, пересчитал и, стянув с головы засаленную кепку, вытер ею лоб. За подкладку начал засовывать хрустящие бумажки.

Инка с глухой, тяжелой ненавистью смотрела на его щуплую остроплечую фигуру, на широкую, как блин, лысину: «До каких же пор ты так будешь? Когда же ты на пенсию?..»

— Как? — Он надел кепку и заговорщически подморгнул. — Еще привозить? С ящика — червонец, без подоходного. Как?

Инка с трудом разлепила спекшиеся губы:

— Привозите...

◆

ГЛАВА XII

Над крышами домов нехотя поворачивалась Большая Медведица и сонно мигали желтыми ресничками звезды. Редко-редко протарахтит где-то грузовик да испуганно вскрикнет тепловоз на станции — и опять тишина, тишина первозданная.

Но если вслушаться, то можно услышать неспешное постукивание ходиков в задней комнате. Они отстукивали, наверное, уже третий час ночи, а Инка все не могла уснуть. Может, это ей бражная свежесть воздуха мешала? По вечерам бабка поливала цветы во дворе, а на ночь открывала окна, и тогда до самого утра в горнице пахло терпкой молодой зеленью и сырой взрыхленной землей.

На своей высокой кровати с двумя перинами бабка повернулась на другой бок, повздыхала, пошептала молитву и опять уснула. А Инка лежала с раскрытыми гла-

зами. И мысли в ее голове кружились, как листья в облетающем саду.

Почти ежедневно стал заходить Алексей. Ждет, пока не закончит она работу, а потом провожает до детсада или до самого дома. Теперь он обо всем знает... И, странно, она не запрещает ему провожать, даже обычных дерзостей не говорит. Ей приятно идти с ним рядом, случайно касаться его руки... Что-то непонятное происходит в груди ее... А может, это просто ночи, вот эти майские ночи будоражат и лишают сна?..

Вечером они сидели в Чапаевском скверике. Алексей держал ее руку в своей и, разглядывая линии на ладони, говорил, что гадать по линиям не умеет, но наверняка уверен, что будущее у Инки будет счастливым. Она смеялась и нисколько не верила. А ветерок ворошил над ними листья клена и доносил запахи отцветающей сирени. Сквозь листву подглядывала луна... «Вы когда-то хотели меня по Уралу покатать...» Он посмотрел на нее с радостью и недоверием. И тогда она добавила: «Между прочим, раньше по Уралу небольшой теплоход курсировал. До поселка Золотникова и обратно. Интересно, ходит ли он теперь? Неплохо бы и на нем... Сойти где-нибудь, порыбалить...» Видно, Алексей все еще подозревал очередной Инкин розыгрыш. Но поднялся и сказал, что можно из автомата позвонить на пристань и узнать. Позвонили. Теплоход курсировал по-прежнему... Она вопросительно взглянула на Алексея: когда? У нее завтра выходной день. Оказалось, что и у него завтра выдается свободное время. Странное совпадение, но ее это почему-то не насторожило, как бывало прежде.

Договорились встретиться утром и вместе поехать на пристань. А уже четвертый час, а она никак не может уснуть. Придет на свидание с красными опухшими глазами... На свидание! Неужто? Как в недавние годы? Но она никогда не волновалась так...

«Не обманете, Инна?» Она покачала головой...

Что-то непонятное происходит с тобой, Инка. Опоили тебя майские ночи зельем приворотным...

Инка не обманула — ровно в десять пришла в Фурмановский сквер. Алексей был уже там. Увидев ее, зарумянился, разулыбался! И снова Инка отметила, какая у него широкая улыбка и какие редкие, как у подростка, зубы. О таких зубах, слышала Инка, люди говорят: брехливые. Но ей казалось, они подчеркивают добродушие, незлобивость характера.

— Едем?

— Я на минутку в гостиницу... Рюкзак возьму.

— Значит, так и не поверили?

И Алексей заметил, как досадливо шевельнулись ее брови.

— Да тут рядом... Я мигом. Подождете?

— Зачем ждать, вместе зайдем!

— Да неловко как-то. Я о вас...

— А вы больше о себе!.. Странный вы человек, Алексей. Вы своей тени не пугаетесь?

Стоило ему теперь сказать хоть полслова поперек, и поездка не состоялась бы. Алексей с улыбкой забрал у нее синтетическую сумку с провизией и качнул ею в сторону гостиницы: идемте, задира!

На Инкин взгляд, в номере царил полнейший беспорядок. На постели лежали исчерченные тушью листы ватмана, стол был завален бумагами, линейками, книгами, чертежами, возле кресла стояли бутылки из-под кефира и лимонада. В углу лежали гантели... Обычная холостяцкая неустроенность и неуютность.

Пока Алексей укладывал в рюкзак запасы продуктов, Инка подошла к столу, с интересом разглядывая комнату. И неожиданно среди бумаг увидала себя. То на одном листке, то на другом она узнавала свой профиль, набросанный карандашом словно бы в задумчивости.. Выпук-

лый лоб с короткой прядью волос. Неестественно длинные ресницы... Чуточку выпяченные губы...

Инка почти на цыпочках вернулась к порогу. Она не хотела, чтобы Алексей знал, что она увидела рисунки. И как-то по-другому посмотрела на склоненного над рюкзаком парня. Было желание подойти и положить руку на его мягкие ковыльные волосы, прислониться щекой к его плечу...

— Кажется, все! — Алексей распрямился. — Картошка есть, хлеб есть. Крючки, лески... Консервы, соль... Эх, лаврового листа и укропу...

— И то и другое я взяла...

— Значит, полный порядок!

— А вина... водки взяли?

— Водки?!

Инка рассмеялась и ничего не сказала. Ее рассмешила растерянность, с которой Алексей переспросил. Он понял ее смех и тоже улыбнулся. Излишне громко, скороговоркой подтвердил:

— Конечно, конечно! Какая же уха без водки! В буфете возьмем...

Они успели ко времени: на носу теплохода матрос выбирал причальный канат, а под кормой заворочался винт, пеня воду. Алексей прыгнул с дебаркадера на отчаливающее судно. Инка тоже прыгнула, подхваченная сильными руками Алексея, и на мгновение оказалась прижатой к его груди, совсем рядом она увидела глаза — серьезные, исследующие. Наверное, они ждали ответа, желанного ответа.

Вдоль бортов сидели на мешках и чемоданах колхозники и старухи, возвращавшиеся из города домой. Два бородатых «станишника» сокрушались по поводу того, что «не тот ноне Яик, не тот, вовсе обезрыбел...»

— Пойдем наверх? — предложила Инка.

На верхней палубе стояли решетчатые скамейки,

здесь было просторно для глаз и для ветра, пахнущего рекой и лесом. Иногда, взбитые форштевнем, долетали сюда пресные свежие брызги. Справа за крутую излучину с высоким яром уходил город с дрожащими от марева домами и башенными кранами.

— Хорошо, — тихо сказала Инка. — Я так люблю Урал... А вы не местный? Я о вас вообще ничего не знаю.

— Я из Ленинграда. В командировке у вас...

— В творческой, что ли? Художник?

— Инженер.

— Холостой, конечно?

— Холостой.

«Врет! — мысленно заключила Инка. Ей почудилось, что ответил он с чуть заметной заминкой. — Врет и глаз не отводит. Белла права была: этот парень — «никакой он не парень, а просто изменщик своей жене...»

Упершись локтями в перила борта, она смотрела на пенящуюся внизу воду, словно пыталась разгадать там ответ на возникший вдруг болезненный, неприятный вопрос: зачем поехала с малознакомым человеком? Не любовь же это, нет!.. Стосковалась по людскому участию, по доброму слову? Глаза ясные, святые, а думает о ней, наверное, как об обычной шлюшке. Ему что, он — в командировке, на неделю наберется и терпения и ласки к ней, а там — пиши до востребования. Чтоб жена не знала. Это в лучшем случае... Зачем поехала? Почему? Друзьям будет рассказывать, как разорил сердце простушки-провинциалки, как она сама пригласила поехать за город, в лес, в глушь...

— О чем вы задумались, Инна?

Голос тихий, участливый. Лицо с широкими, будто сажей намазанными бровями склонилось к самой ее щеке. Ладонь, большая, теплая, опустилась на Инкину руку, лежавшую на планшире борта...

Инка высвободила руку, повернулась спиной к воде.

Взглядом прошла мимо встревоженного лица Алексея. Глаза щурила, хороня за ресницами мысли, хороня охватившее все ее беспокойство и неприязнь к самой себе. А со стороны могло показаться, что щурится она от яркого солнца, вставшего уже почти над самой головой. Нужно было быть очень внимательным, чтобы за приопущенными, как легкое забрало, ресницами угадать смятение и досаду. Инка уже не знала, что делать: то ли попросить капитана, чтобы он причалил к берегу, и берегом идти в город, то ли до конца маршрута катить на теплоходе и с ним же возвратиться домой, то ли выкинуть из головы заботу о морали и пристойности и где-нибудь на песчаной теплой косе скоротать день с командированным — как и намечалось...

— Что вас взволновало, Инна?

Она чуть заметно повела плечом: это ей показалось уже не чуткостью с его стороны, а докучливостью. Она по-прежнему не хотела глядеть ему в глаза, потому что знала: если глянет в них, ясные, встревоженные, то улетучатся все ее «почему» и «зачем». Глядеть в его глаза и говорить, даже думать о нем плохое — было, оказывается, не под силу. И она понимала, что здесь не ее слабохарактерность виновата, а что-то большее, значительнее, то, что лишало ее сна в темной низкой горнице, набиравшей по ночам прохладу из политых под окнами цветочных грядок...

Инка перевела взгляд на кормовую часть верхней палубы. Там ехала группа студентов пединститута, возможно, на практику в ближайший район, возможно, и на вылазку по случаю сдачи очередного экзамена. Коноводил у них высокий сухощавый парень с шишкастым продолговатым черепом, к которому плотно прилегали длинные редкие волосы. Он больше всех острил, громче всех смеялся, и вообще чувствовалось, что он — признанный тамада.

— Да это же Эдька! — Инка растерянно и удивленно взглянула на Алексея. — Это Эдик.

— Что за Эдик? — в голосе Алексея Инка услышала знакомую ей настороженность. Всегда парни так вот ревниво настораживались, когда на нее кто-то обращал пристальное внимание или оказывался близко знакомым.

— Сын нашей директорши... Я и не знала, что он тут...

Алексей ничего не стал больше спрашивать, понял, что Инке случайность встречи с сыном директора магазина, где она работала, не очень-то приятна. С незнакомым парнем на теплоходе... Всякие могут сплетни пойти... А она молча, загипнотизированно смотрела на Эдика. Ей бы отвернуться, а она...

— Славный парень, — сказал с хрипотцой Алексей, просто так, чтобы что-то сказать. Вроде бы похвалил, но Инке нетрудно было уловить в интонации уязвленность и насмешку.

— А что, действительно, неплохой! — с вызовом ответила она, поворачиваясь к студенческой компании спиной. Ей захотелось увидеть выражение лица и глаз Алексея. Когда парни начинают ревновать, они, как правило, говорят и делают глупости. Глаза Алексея были задумчивы и глядели куда-то поверх пойменного зеленого леса, туда, где самолет оставил сдвоенный след инверсии — будто кто-то на санках скатился с высокой голубой горки. Можно было подумать, что Алексей забыл и об Эдике, и об Инке, и о том, где он и зачем. Инка уже не раз замечала эту его отрешенность, уход в самого себя, в свои, никому не ведомые мысли... И ей стало неуютно, на просторной солнечной палубе она вдруг почувствовала себя одинокой, всеми брошенной: Алексей о чем-то своем думает, гомонящие студенты сбились у противоположного борта, «станишники» об Урале судачили...

Она виновато, с девчоночьей смущенностью коснулась руки Алексея:

— Ну, не сердитесь... Давайте здесь сойдем? Попросим капитана, чтобы причалили, и сойдем... Место красивое...

◆

ГЛАВА XIII

Алексей сидел на сучке коряги и смотрел больше на Инку, чем на оранжевый поплавок, меланхолично круживший в маленькой заводи. Инка напоминала девочку-подростка, которая еще не прочь и на одной ножке попрыгать, и в куклы поиграть. Придерживая пальцами подол платья, она шумно шлепала босыми ногами по теплой воде и беспричинно смеялась. А вот сейчас опустилась у кромки берега на корточки и набирала в горсть приношения реки: намытую волнами разноцветную гальку, прохладный стеклярус горного хрусталя и перламутровые блестки ракушечника... Вода у ее ног морщилась от солнца и бросала на опущенное лицо дрожащие желтые блики.

— Наверное, мы сегодня будем без ухи, Алексей!

— Ну, что вы! — он с надеждой перевел взгляд на поплавок.

Из-под широкой развесистой вербы тянуло горьковатым дымком настоящего рыбацкого костра. Инка уже вскипятила воду в котелке и жестяной банке, а клевало по-прежнему неважно, на кукане у Алексея было штук шесть-семь чебачков и синцов, не больше. Под ложечкой посасывало, напоминая, что давно бы пора заморить червячка, но Инка категорически возражала: только ухой будем замаривать! А солнце уже за полдень перевалило...

Алексей снова перевел глаза на поплавок. «Очевидно, мерещится!» —подумал он, видя, как поплавок периоди-

чески ныряет в воду и мелко вздрагивает. На всякий случай сделал подсечку. В ту же секунду поплавок стрельнул в воду и леска зазвенела, как туго натянутая тетива. Неведомая сила стремительно увлекла ее к середине реки и в дугу согнула сырое тальниковое удилище.

— Есть! — обомлел от неожиданности Алексей. — Вот это рыбища!

— Водите, водите... — У подбежавшей Инки волнение перехватывало голос. — Не тяните сильно — оборвет... Это сазан, так только сазан может...

Алексей осторожно перехватил леску и тянул к себе, чувствуя упругие, сильные рывки большой рыбы. Он совсем было собрался вытащить ее на берег, но Инка зашептала: «Не торопитесь, не торопитесь, пусть выдохнется... Это же сазан!» Минут пятнадцать боролся Алексей с рыбой, пока наконец она не пошла к берегу вяло и послушно. Возле самого берега, одной рукой удерживая леску, другой подхватил под жабры тяжелого, будто отлитого из червонного золота сазана.

— Килограмма три! — хвастливо взвесил он в руке красавца. — А вы говорили, без ухи останемся...

— Держите, я за ножом сбегаю, чистить будем!

Возвращаясь, Инка видела, как сазан, совсем было уснувший, вдруг могуче рванулся, выскользнул из рук Алексея и — шлеп, шлеп по песку да в воду — бултых. Алексей прыгнул за ним, но только золотистый росчерк спинного плавника успел заметить в глубине. Поднял на Инку обескураженное мокрое лицо. Инка хохотала.

— Ничего смешного, — пробормотал он, забираясь на корягу и отыскивая в консервной банке червя для насадки. — Я еще поймаю, клев начался...

— Как бы не так!.. Дайте мне вторую удочку...

Сазаны больше не попадались, но головля фунта на два Инка вытащила. У Алексея на кукане прибавилось четыре окуня. Решили, что этого вполне достаточно для

настоящей ухи. В лесу, на берегу реки, важна ведь не столько сама уха, сколько ее божественный запах

Через некоторое время Алексей откупоривал бутылку с водкой, а Инка разливала по мискам уху. Запах был действительно божественный. Густой пар поднимал от мисок огненный привкус черного перца, свежесть молодого укропа и пряный дух лаврового листа.

Раздвижной пластмассовый стаканчик оказался один, и Алексей налил сначала Инке. Она отпила глоток и закашлялась. Еще глотнула. И опять долго кашляла.

— Зачем же тогда пьете?

— А вам жалко? Я же говорила, что хочу сегодня напиться.. Какая гадость!

— И половины не выпили...

— Не могу У меня уже голова кружится...

— Вот не думал, что вы такая слабая... За ваше здоровье, Инна!

— Ешьте уху, остывает...

— Уха отменная. Теперь я знаю, почему уральцы так любят свой Урал-Яик, здесь готовится самая вкусная на свете уха..

Алексей быстро захмелел. Он смотрел на Инку, которая сидела прислонившись спиной к дереву, думал: что бы такое сделать для нее? И предложил: если она не против, он сбегает сейчас вон на ту полянку и нарвет ей целую охапку цветов, там много ромашек и колокольчиков.

Инка загадочно сощурила глаза:

— И тогда я сплету красивый-красивый венок, да? И мы кинем его в Урал, и вода понесет его далеко-далеко, к самому синему морю, да? Нет, не хочу цветов!.. Цветы носят любимым и... Знаете что, давайте лучше купаться? А?

Она поднялась и побежала к реке. Сбросила васильковое платье и кинулась в воду, взбив тучу брызг, Алексей поспешил за ней.

Потом они лежали на горячем песке, головами в тени лозняка. Привстав на локте, Алексей глядел на Инкино лицо, по которому блуждали солнечные пятна от шевелящихся листьев. Влажные яркие губы были полуоткрыты, а густые мохнатые ресницы лежали на подглазьях, вздрагивая от прикосновения солнечных бликов.

— Алексей, зачем ты сюда ехал? —Инка заговорила словно бы сквозь дрему, свободно перейдя на «ты». — Я ведь кто для тебя? Ни жена, ни невеста, так...

Он смотрел на обнаженный бок Инки, к которому пристали песчинки, видел острый девчоночий локоть, золотистый овал щеки и чувствовал, что хмель из его головы выходит.

— Ты хочешь, чтобы я клялся тебе в своих чувствах, чтобы доказывал?

— А я и так знаю, что я тебе нравлюсь! — Инка села, положила подбородок на колени. — Я знаю, Алеша... Я ведь вашего брата... Много у меня парней было, Алексей! А вот ты какой-то другой, не похожий... Не зазнался еще? — она со смехом обернулась к нему. — Нос-то, нос еще выше задрался!.. А скажи, только откровенно. Ты тогда защищал от злющей покупательницы, чтобы... со мной познакомиться?

Алексей тоже сел. Его широкие брови сошлись на переносице. И она уловила на его скуластом лице оттенок досады и разочарования.

— Похоже, я так зарекомендовал себя, что ты во всех моих поступках видишь одно лицемерие. Что ж, в каждом человеке есть свое противненькое «я», которое он всегда держит для обслуживания лишь собственной персоны. Очевидно, есть оно и во мне. Но только заступался я, извини, не ради твоих глаз. Меня, Инна, всегда бесит непорядочность людская. А в поведении той старой девы мало порядочного было... Глаза твои я увидел потом... Ты огорчена?

— Нет-нет, продолжай! — Она чуть не сказала, что и в ее поведении тогда не так много порядочного было, хотя и шепотком, а оскорбила «старую деву». У всех у нас есть непорядочность за душой, только неохотно вспоминаем о ней. Так уж устроен человек. Инка повторила: — Продолжай, Алеша.

Подбородок ее лежал на круглых коленках, а сощуренные глаза завороженно устремились на правобережную сторону Урала. Алексей тоже посмотрел туда. Что ее привлекло там? Высокий глинистый яр, изрытый черными норками ласточек-береговушек? Яр будто выстреливал из этих норок птицами, которые потом с верещанием носились над водой. Или вон та зеленая ветла на самом краю обрыва? Она склонилась и раскачивалась, как скрипач.

— Знаешь, Алексей, о чем я сейчас думаю? Думаю, что мотает меня, качает, как вон ту ветлу... А за что, за какие такие грехи — не пойму. С малолетства мечтала строить жизнь красивую, интересную... В школе я много читала, особенно о женщинах, таких, ну, необыкновенных, что ли... Жанна д'Арк, жены декабристов, Вера Засулич, Лариса Рейснер, Крупская, Космодемьянская... А жизнь мотает и мотает меня, как ту ветлу несчастную, а все на одном месте, все на одном берегу... Пройдет еще весна и еще весна. Урал подмоет берег, и он обвалится вместе с той ветлой, и никто, возможно, и не вспомнит, что на крутояре когда-то ветла колыхалась... Так и я, так и обо мне... Каждый день одно и то же: подайте то, заверните другое... Как сделать жизнь настоящую?.. Промахнулась я, когда вышла за Гришку, на всю жизнь отметина. Была одна-одинешенька, а теперь — двое нас с дочей... Посмотришь, большинство живет от получки до получки, радуется ей, сердечной, а потом опять ждет ее... И в этом цель жизни? Песня-то есть какая: «Пока я ходить умею, пока глядеть я умею, пока я дышать умею, я буду идти вперед...» А куда это, вперед-то? Ладно, соберу я свои мо-

натки и подамся в Сибирь... Да мне же на первом разъезде красный зажгут: куда ты со своей куклой!.. Да и не то все это, Алексей, не то, честное слово... В общем, я никак себя не пойму. Не пойму, чего мне надо. Только вот так, как теперь, жить не хочется...

Алексей не перебивал. Он догадывался, что такое горькое откровение прорвалось у Инки, возможно, первый раз в жизни. Да и что он мог ей сказать, чем утешить? Он мог бы сказать, что к цели нужно стремиться не только в мечтах, но и огромным, порой каторжным трудом, как, например, сам он. В свои двадцать семь лет он имел уже два авторских свидетельства на изобретения, в настоящее время его установка проходит испытания на здешнем заводе, что он без пяти минут кандидат технических наук... Все это он мог ей сказать, и она восприняла бы его слова правильно, и они, возможно, приподняли бы ее дух, окрылили, если б только у нее была какая-то ясная цель, которую видно, но до которой еще шагать да шагать. А ведь цели-то нет! Есть лишь мечты о чем-то высоком, почерпнутые из книг. На мечтах замок не построишь.

Все это можно хорошо изложить, красиво, да не надо забывать и о том, что его, Алексея, жизнь складывалась благополучнее, ровнее: десятилетка, училище имени Баумана, научная работа, постоянное внимание и забота родителей... А у Инки ведь по-другому: сиротское детство, неудачное замужество. И тут перед ее цепкостью, жизнелюбием — впору шапку снять. И годился ли он после всего этого в советчики? Имел ли право поучать, давать рецепты?

Однако знал, что и отмолчаться ему все равно не удастся, все равно нужно будет отвечать, даже, может быть, советовать. А это не фонариком в темноте посветить и сказать: вот ваш дом, вот ваша цель.

— А об Инессе Арманд ты знаешь?

— Это которой Ленин письма писал? Слышала, но толком ничего...

— У нее и дети были и муж, а она все-таки оставила их, любила, но оставила... Ради служения революции. И любила, наверное, ничуть не меньше, чем ты Леночку...

— Ты советуешь мне оставить кому-то Леночку?!

— Ничуть. Леночка не помеха, если есть цель. Если есть цель, то никакие помехи не страшны. У Ларисы Рейснер, у Инессы Арманд, у Надежды Крупской была величайшая цель, которая не давала им сломиться. А у тебя цели нет. И это главное. Даже, ну вот возьмем твою теперешнюю работу. Разве нельзя ею наполнить жизнь, сделать увлекательной?.. Ты говоришь, что твоя директорша денно и нощно печется о том, чтобы ее магазин был лучшим в городе.

— Только этим и живет.

— Значит, у нее есть цель, четкая, железная...

— Но ведь и наш филиал считается одним из лучших! И мы с напарницей стараемся... Нет, Алеша, ничего ты мне путного не посоветуешь, я это знаю. В таком деле советчики всегда ошибаются, потому что советчик не носит этого и вот здесь, в сердце, и вот тут, в голове. А я ношу, и оттого я всегда мучаюсь, и оттого злая всегда... Мне ж и мой чертов Гришка до свадьбы все мозги забил своими красивыми мечтами о том, как он станет учиться да как он сделает революцию в животноводстве, потому что он, слышь, вырос в деревне, потому что он знает, на какую ногу и почему это животноводство хромает... Я-то, дуреха, и развесила уши, обрадовалась: вот, думаю себе, с кем будет интересно шагать в ногу!.. Я этих проклятых болтунов нигде терпеть не могу с той поры: ни под луной на скамеечке—ухо в ухо, ни на трибуне, ни в газете. Конечно, ты можешь возразить: нет неинтересной, скучной работы, есть скучные, неинтересные люди. Может быть, и так. Но мне кажется, что все это намного сложнее...

Инка поднялась, медленно вошла в воду и окунулась. Выйдя на берег, стала отжимать волосы. С ее оттопыренных локтей стеклянными струями вилась вода. Из-под упавших на глаза прядей лукаво посмотрела на сидящего в задумчивости Алексея:

— А цель я свою найду, Алеша. Вот поступлю на заочное в институт торговый... Я почище Беллы порядки наведу. Она только план видит, а я еще кое-что вижу. Дай только срок мне, дай только время!..

◆

ГЛАВА XIV

Теплоход взял их на борт уже в десятом часу вечера, когда возвращался из последнего рейса.

Они остались на нижней палубе и прошли на нос, где было больше ветра и брызг. Взявшись за руки, молчали. Мимо проплывали тихие, покойные огни бакенов. Желтыми одуванчиками покачивались на лоснящихся волнах первые звезды. А за дальним плесом город, словно на праздничной елке, зажег расточительные гирлянды огней.

Алексея и Инку не влекло к этим огням. Ощущение у обоих было такое, будто их против воли везли на чужой праздник. А огни все ближе, ближе... Уже виднелись очертания домов, заводских труб, уже капитан отдал команду «малый вперед» и «приготовить швартовы...»

Выбирали улицы тихие, окольные. Почти не разговаривали. Часто останавливались, и Алексей целовал ее, целовал в губы, щеки, глаза... Губы болели и, наверное, припухли от этих его ненасытных поцелуев. Инка переводила дыхание, отталкивала:

— Измучил ты меня! — И тихо смеялась. — Неужели все это... серьезно? Алеша... ведь я... нет, не скажу... Ты не верь мне, я такая пустомеля...

Он поднял ее на руки, прижал к себе, пряча лицо в ее волосах, пахнущих речной водой.

— Вот так бы всю жизнь...

Почувствовал, как при этих словах ослабла Инкина рука, обнимавшая его шею. С горьковатой усмешкой Инка сказала, что один вот так же обещал пронести ее через всю жизнь, да только от этого обещания она стала ни вдова, ни мужняя жена... После такого замечания неуместным было бы уверять ее в вечной любви и верности. Да она и не поверила бы: слишком они мало знали друг друга, чтобы давать обещания на года, слишком, видно, многие обманывали Инку. А может быть, она сама достаточно многих обманывала, чтобы подозревать подобное и в других?

Алексей опустил Инку, взял за руки повыше локтей, притянул к себе и долго-долго смотрел в черные от темноты глаза. Что он хотел в них увидеть? Что хотел сказать им? Может, права она, Инка? Может, и он — только на словах? А нет, так что ж мешает — всю жизнь-то? Да и тот ли ты, кто помог бы ей дотянуться до ее высокой звезды, до мечты большой? Она ведь уйдет, убежит из твоей секции с кухней и ванной, ежели ты не тем окажешься... Одной любви твоей ма-а-ло, чтобы удержать Инку, чтобы привязать навечно к себе. Да, возможно, все это у них и не любовь, а так, от золотого песка, от речки с солнцем, от этого вот колобродного, колдовского вечера. Как выпущенные из-под пальца листы календаря, промелькнут дни, месяцы, и с последним листком будет оторвана память об Инке? А ну, полистай свой календарь в обратную сторону, Алексей-Алеша! Было ли у тебя прежде такое? Было? Врешь, не было! Больно ты ученым был, больно ты занятым был, чтобы обращать пристальное внимание на девчонок... А тут — весна, много свободного времени, речной плес, белый теплоход и... синие-синие глаза, такие синие, что на весеннем небе они и зате-

рялись бы. Долго ли они, глаза эти, будут только на него смотреть, только ему светить?

И умный ты, Алексей, и изобретатель, и почти кандидат наук, а дурак все-таки, ничего не смыслишь в таких вопросах!

— Ты какой-то... удивительный, Алеша,— сказала она, думая о чем-то другом. — Удивительный. В жизни много удивительного, только я еще не умею разбираться... Была красивая клеенка, пахла краской и клеем, застилала свадебный стол. А потом обшили ею дверь... Я и сама не знаю, для чего говорю это. Наверное, потому, что в жизни все как-то удивительно складывается... Вот и с тобой. Как будто давным-давно знаю тебя, а вдруг пригляжусь — потемки, не вижу, что у тебя там, в душе. И оттого страшно становится, боюсь обжечься. Я уж и так вся обожженная, до самой себя дотронуться больно. А уж когда чужие грубые руки — то и вовсе...

Нет, Инке, наверное, не двадцать три года, ей вдвое больше. Непонятная, разная! То вроде бы ребенок, по воде бегает, брызгается, в камешки играет, а то вот как сейчас, как тогда, на берегу, — век, ею прожитый, длинным-предлинным кажется. И потому Алексей терялся, втупик становился. А ведь и умный и начитанный... Стало быть, не единственно Инкина красота зацепила за сердце, а и другое, вот это, когда Инка вдруг из девчушки старше тебя, Алексей, почитай вдвое оказывается. Так или не так? Кто его знает, наверное, так! Видишь, какая история получилась в командировке служебной! Весна ли, судьба ли приворотила, а только без Инки уже и жизнь, мнится, не жизнь.

И еще крепче прижимал к себе Инку Алексей, еще больнее целовал ее пухловатые, как у негритянки, губы.

Остановились возле ее домика. Света в окнах не было, наверное, бабка легла спать. Алексей заглянул в Инкины глаза.

— До завтра, значит?

— Нет —Она положила руки на его плечи, пальцы сплелись на затылке. — Нет. Придешь через неделю. Молчи! Молчи, Алексей... Если я, ну, не смогу без тебя, то... будем встречаться Я проверю себя. Пойми, Алеша, я не хочу больше этих случайных...

— Но ведь — целую неделю! С ума можно сойти...

Она прижала ладонь к его губам, странно как-то засмеялась·

— Ни один еще не сошел... Проверим, проверим себя! . Боюсь, что у меня настоящее. — Поднялась на цыпочках, чмокнула в уголок губ. — До свидания, Алеша!..

Ушла.

Зажгла в комнате свет и села к столу, подперев горячую щеку рукой. Проснувшаяся на своей царской постели бабка видела через открытую дверь Инкин склоненный профиль. Инка о чем-то думала, наверное, о хорошем, потому что тихо и светло улыбалась.

— Что-то припозднилась ты ноне, девонька.

Инка непонимающе подняла голову, все еще продолжая улыбаться своим теплым неулетным грезам.

— Вы не спите, бабушка?

— Только ты ушла утром-то, а на порог — мужчина. Моложавый из себя, пригожий да вежливый... Полюбопытствовал об тебе. Я сказала. А потом спросила, кто, мол, вы будете? Я, сказывает, законный супруг Инны Александровны...

Захваченная своими думами, Инка все еще не могла переключить внимание на слова бабки. И вдруг она вскочила:

— Супруг, говорите? Что ему нужно?

— Если, сказывает, не помиримся, то заберу дочку. Не позволю, слышь, портить ребенка...

— Портить ребенка?

Инка повторила эту фразу вполголоса, точно бы для

себя одной. И поняла всю чудовищность задуманного Григорием. Хотела спросить, когда же он еще придет, но в это время в окно тихо и неуверенно постучали. С машинальной поспешностью она приподняла шторку.

За стеклом в неестественной улыбке кривилось лицо Григория. Инка отшатнулась, выронив край шторки. Какое-то мгновение стояла, прижавшись плечом к беленой стенке, потом опять отодвинула шторку.

— Чего тебе?!

Григорий все так же улыбался, криво, одной стороной, и манил пальцем: выйди, мол!

— Кто там? — нетерпеливо ворохнулась бабка.

— Супруг... законный...

Инка никак не могла найти шерстяную кофточку, хотя она висела перед глазами, на спинке стула.

— Так пускай входит, чего же!.. Беседуйте тут, чай, не помешаю.

Ей, конечно, очень хотелось послушать, как будет проистекать разговор между оскорбленным супругом и его неверной женой. Но Инка увидела наконец кофту, накинула ее на плечи и вышла во двор. После яркого света не сразу разглядела Григория. Голос его зазвучал над самым ухом:

— Ну, здравствуй, подруга жизни! Что ж молчишь?

— Пойдем на улицу, в горнице окна открыты...

Она сама удивилась спокойствию, с каким произнесла эти слова. И от этого почувствовала себя увереннее, теперь скособоченное недоброй ухмылкой лицо Григория не вызывало того первого расслабляющего страха, который она испытала, увидев мужа в окно. В конце концов, она ждала его приезда, в конце концов, она знала, что этой встречи и этого разговора не миновать.

— С чем пожаловал? — Инка остановилась на углу улиц, под желтым чахоточным светом одинокого фонаря. От этого света лицо Григория было серым и отталкива-

ющим, как у утопленника. «У меня, наверное, тоже такое»,— подумала она. — С чем пожаловал, спрашиваю?

— Ох и шлюха же ты, ух и шлюха!—Улыбка кривила рот Григория, похоже, помимо его желания. — Четыре года грел такую у...

— Обхохотаться можно, он — грел! — Инка спрятала руки под мышками, прислонилась к столбу. — Ты за тем и ехал, чтобы сказать, кто я? Помнится, после свадебной ночи ты обещал всю жизнь на руках носить. А ведь до свадьбы тебе тоже... что я всякая...

Григорий смешался. Да, было такое, попробовал бы тогда кто-нибудь плохое сказать о его Инке! Но то было давно и не о прошлом речь сейчас. Сейчас речь о сегодняшнем, больном, кровоточащем. Он видел, как они прыгали на палубу отходящего теплохода, как она на мгновение приникла к груди того, белокурого. Он целый день не уходил с пристани, искурил четыре пачки папирос. Он дождался их и, прячась за углами и в темных подворотнях, шел за ними до самого дома. Он все видел, он почти все слышал!..

Инка глубоко засунула руки под мышки, зябко прижала подбородок к груди.

— Ну, и что ты видел? Что слышал? Только то, что сам потерял? Я думала, ты за это время стал лучше, чем был. Из-за углов, из подворотен... — Она брезгливо передернула плечами, у открытой шеи рукой сжала ворот кофты. — Будь я мужчиной, будь я мужем любимого человека, да я бы...

— Что ты?

— Я бы и его и ее прикончила! — Инка провела языком по шершавым сухим губам. — Если я полюблю... — Она споткнулась на слове: разве не полюбила уже? — Я за любимого и в огонь, и в воду, горло тому, кто поперек... А ты! Поджал хвост и... Кошмар! Из подворотни!

— Мне нужно было убедиться. — Непослушными

пальцами Григорий никак не мог выловить в пачке папиросу. Потом так же долго чиркал спичкой по коробку — не тем концом. Когда зажег и начал прикуривать, то лимонный огонек дрожал, как бабочка на ветру. — Теперь я удостоверился... Завтра пойду в суд. Ленку я у тебя отсужу, подруга жизни. Девочку — в круглосуточный, а сама — с кобелями? Отсужу! Свободно даже.

— Пожалуйста. В подпаски к свекрови определишь?.. Сколько свиней держите? Три? Четыре?

Если бы Инка кричала, скандалила, грозилась, Григорию было бы легче. Он сунул папиросу в рот обратным концом, обжег губы, вполголоса выматерился, словно произнес обычные слова присказки, словно подсолнечную шелуху привычно выплюнул.

— Не волнуйся, порядочным человеком выращу...

— Таким, как сам? В начальниках ходишь или... по-прежнему?

Для Григория это было самое жестокое напоминание. По его омертвевшему лицу Инка догадалась, что он все помнил, по дням и часам перебрал. Год назад Кудрявцевы подвалили двух огромных кабанов, сдали мясо и сало в соседнее сельпо, а через два дня представители кооперации устроили грандиозный скандал: вареная свинина отвратно пахла рыбой. Следствие установило: ветфельдшер Григорий Кудрявцев собственным свиньям скармливал рыбий жир, закупаемый колхозом для нужд животноводства. Был товарищеский суд. Григория сняли с работы. И вот теперь — рядовой скотник. В голове среднее специальное образование, в кармане диплом с отличием и — скотник...

Ничего больнее Инка не могла придумать. Григорий жадно затягивался, глуша, притупляя разбереженную боль. Под желтыми скулами вспухали желваки.

— Я знал, что нужен тебе, пока в чести да при должности...

— Ошибаешься! Не в чести ты у меня с той минуточки, как переступила порог твоих родителей. Все думала: вот изменится, вот ума наберется... А ты: «Живем один раз!» Шалишь, голубок, Ленку я тебе не отдам! У Ленки от вас только фамилия останется. И то до замужества.

— Суд рассудит!— Григорий смял выкуренную пачку, бросил в арык.

— Конечно, рассудит! Он разберется, кто из нас праведнее живет...

Григорий вскинул голову, словно ждал удара. Да, да, он правильно понял ее, Инка ни перед чем не остановится, она всю изнанку родительского дома вывернет, она докажет суду. Ведь это же— Инка!.. «Без Леночки не возвращайся!» Хорошо вам, папаша с мамашей, говорить такое, а вот как — не возвращайся? Это же ваша сношенька — Инка! Которую ненавидели вы и которую ненавидел и любил он.

Григорий поискал по карманам — папирос больше не было. Без них он, казалось, терял и злую уверенность, и несворотное упрямство. Будь Инка посговорчивее, помягче, он упал бы сейчас на колени и сказал: «Вернись, Инушка, ради Леночки прости все и вернись... Я же люблю тебя, я как дурной стал... Во сне каждую ночь вижу. Матушка замечает: «Ты чего это плачешь во сне?..»

Но Инка стояла у столба прежняя — холодная и далекая, как вон та луна. Упади он перед ней на колени — расхохочется злым лешачьим смехом...

— Вот и повидались, Инна...

— Да, повидались. И наговорились...

— Может, вернешься?

— И ты будешь с этой самой... жить?

— Да ведь у других... и похуже случается, да живут. Ленка же у нас.

Стоял он перед Инкой жалкий, расслабленный, дышал часто и коротко, словно страдал одышкой. Мысленно Ин-

ка поставила рядом с ним Алексея: «Неужели и тот мог бы вот так и пакостить, и унижаться? Нет, другой он, другой. А может быть... кто их знает! Кажется, с радостью шла за Григория, да боком радость вышла...»

— И не стыдно тебе перед бабой, перед шлюхой, как ты назвал, унижаться? Услышала б тебя твоя маманя!..

Расстались, не попрощавшись. Уже от ворот Инка оглянулась: понурый, жалкий Григорий так и стоял в зыбком неверном свете фонаря и все шарил, похлопывал по карманам, забыв, что папиросы у него давно кончились.

◆

ГЛАВА XV

Экспедитор снял кепку и вытер ею влажную парящую лысину. От лысины по потолку склада скользнул тусклый солнечный зайчик.

У Инки в чуть приметной усмешке шевельнулись губы:

— Вроде бы и нежарко.

— Верно сказываешь, нежарко, — согласился он и вдруг признался: — Никак, смотри, не могу привыкнуть! Покудова везу эти проклятые ящики, душа где-то возле кобчика колотится... Ты возьми-ка, возьми эту десяточку, твоя она, трудовая, кровная, так сказать... Вот теперь я спокоен, душа на середку стала...

Видя в Инке соучастницу, он больше не куражился, не старался говорить на неприятном интеллигентно-блатном жаргоне. Сейчас он мог показаться обыкновенным щербатым мужичонкой, которому свойственны житейские и радости и страхи. Инке трудно было даже представить, глядя на него, что дядя Егор — жулик ловкий, смелый, способный вместе с башмаками слопать ближнего. И к

сердцу, словно после наркоза, подступал тошнотный холодок: как быть дальше? Получалось, что этот тщедушный мужичонка с малиновой нашлепкой лысины брал ее в свои костлявые и ледяные, как у мертвеца, руки. Попробуй из них вырваться!

Возвращаясь после работы домой, Инка все не могла освободиться от ощущения страха. Ей чудилось, что за ней кто-то следит, подсматривает, и она то и дело оглядывалась.

Перед вечером прошумел сочный летний ливень. Инка, отодвинув цветок, сидела у окна и видела, как в луже во дворе вспухали большие пузыри. Казалось, где-то под мутной поверхностью сидели маленькие человечки и через соломинку выдували эти пузыри наружу. А по телеграфным проводам скатывались крупные прозрачные капли. Будто кто-то бусы нанизывал.

Так вот и Инкины мысли нанизывались одна к одной, одна к одной. Думалось разное.

Что сейчас Алексей делает? Может быть, с другой в кино пошел? Вот дура недоверчивая! А может быть, он очень хитрый. Ему — что, он в командировке. Все они... Он так странно взглянул на нее, там, на Урале, когда она на какую-то его реплику с раздражением ответила: «Чтобы честно работать, надо бороться». А после молчания сказал: «Иначе и нельзя, Иннушка. Вот, смотри,— он бросил в воду веточку, — понесет ее и понесет, то ли в море выбросит, то ли где-то в заводи сгниет. А вот он, — Алексей поискал возле себя рукой и кинул камешек, — он будет лежать на дне, жизнь будет проходить мимо него, а ему — все равно. Так и зарастет илом и водорослями... Но погляди хотя бы на тех мальков. Не больше английской булавки, а борются, все время против течения держатся!.. Так и у людей. Только сильные и смелые живут настоящей жизнью...»

Потом засмеялся и прижал к себе: «Извини за полит-

информацию. Но это ведь так и происходит!..» — «А ты... борешься?» — «Еще как!» — воскликнул он с улыбкой и стал вдруг молчаливым, задумчивым. Она погладила его по руке: «Ты о чем?» Опять улыбнулся, вскочил на ноги и подал ей руку: «Искупаемся напоследок? Смотри, солнце заходит, а вода как красное вино. Искупаемся в нем и будем пьяные-пьяные!..»

«Только сильные и смелые живут настоящей жизнью...» Алеша-Алеша! Попала твоя Инка в такой переплет, что ой-ой. Если б ты слышал, каким шепотом сказал в прошлый раз дядюшка Егор: «Глядите, мадам, не вздумайте! Язычок вместе с головой...» А такие не любят шутить, они если теряют, то теряют все, и уж не пощадят какую-то малявку вроде Инки. И у нее уже двадцать рублей лежат в одном месте, из рук дяди Егора получены...

А тебя, Алеша, еще целых четыре дня не будет... Вот ненормальная, сроду что-нибудь да придумает на свою голову. Принципиальная! А сама каждый день мимо гостиницы проходит и только когда скажет себе: «Честное слово, я не посмотрю на его окно», — только тогда поворачивает голову совсем в другую сторону... Рассказать бы сейчас обо всем Алексею, он что-нибудь да посоветовал бы... А не лучше ли плюнуть на все и уехать к Григорию? Может, и он, и его родители другими стали? Другими? Такого не бывает... Алексей и Григорий. Двое. А между ними — третья, она. И Леночка... Почему жизнь так сложна?..

«Безвольных несет течением, равнодушные обрастают плесенью...» А какая она, Инка? И как у нее пойдет дальнейшая жизнь? У Алексея — серьезное это? Или так, для коллекции?..

Дождь на улице перестал, и отовсюду слышалась капель. Она стучала часто и громко, а Инке казалось, что это кровь так громко бьется в висках. Перестали нанизы-

ваться бусинки на провисших проводах, кое-где они еще мерцали, но были уже не прозрачные и на вид прохладные, а шафранные от света фонарей. Атласно блестела мокрая листва деревьев, отражая свет.

Инка, несмотря на поздний час, не могла сидеть дома. Она вышла на улицу и побрела, сама не зная куда. Лужи на асфальте покачивали луну и отражения огней. Инка сначала обходила их, чтобы не замочить ноги, а потом сняла босоножки и пошла босиком, как, бывало, в детстве в деревне. Вода в лужах теплая, нагретая не остывшим еще асфальтом.

Прохожие оглядывались — что за странная девушка шлепает босыми ногами по тротуару? Она не замечала их. Несколько раз на углах встречались телефонные будки. Они, как постовые, не давали сбиваться с пути. Инка сжимала в кулаке двухкопеечную монету и приближалась к ним: «Сейчас позвоню в милицию, расскажу все!..» Но в последнюю минуту решимость покидала ее, и она выходила из автомата.

Встретилась группа орущих бог весть что парней и развязных пестрых девиц. Длинный, в красной рубашке и огромной соломенной шляпе парень рвал пальцами струны гитары и вопил какой-то мотив, взятый, как подумалось Инке, напрокат из джунглей Амазонки. Увидев Инку, гитарист приподнял шляпу:

— Хэлло, мадам! Лунные ванны принимаем?

Эдик? Нет, обозналась... Он что-то сказал спутникам, и те заржали на всю улицу. Оглядывались на Инку — и ржали. Но сразу умолкли, как только заметили дружинников с красными повязками на рукавах. Миновав их, вновь заголосили непонятное, дикарское...

Инка снова почувствовала тоскливое, пугающее одиночество, которое так часто охватывало ее в последнее время. Голова горела, как при болезни... Алексей... Гри-

горий... Милиция... Белла Ивановна... Парень в красной рубашке... «Хэлло, мадам!» Так только экспедитор называл. Теперь не называет — своя... Двадцать рублей, спрятанных в надежном месте... Игорь мечтал о звездолетах, а теперь на бухгалтерских счетах пощелкивает. И она мечтала... А мечту мнут, ломают, душат костлявые пальцы дяди Егора и еще кого-то, таинственного, страшного. А она боится, боится до невозможного. «Чтобы честно работать, надо бороться!» А как? Как бороться?! Поговорить бы с Алексеем — единственный, кто должен понять ее. А может, он очень хитрый?

Когда человек чувствует опасность, он мнителен и подозрителен.

Оказалась на площади перед четырехэтажным зданием гостиницы. Глаза сами из множества черных и желтых окон выхватили то, заветное. Двенадцать часов, а у него свет. Один ли? Заглянуть бы краешком глаза. Влюбилась? Наверное... А может быть — одиночество! Что он делает? Сидит над своими чертежами и рисует профили?.. Милый, странный...

Вышла к пристани. Возле дебаркадера тепло прижался скулой теплоходик — двухэтажный речной трамвай. Огни потушены. Влажно шлепает волна о борт. Все здесь — как недосказанная сказка. Вот придет время, и она, Инка, услышит продолжение. Одна? Нет, с Алешей...

А часы уже показывали два. И у Алексея по-прежнему горел огонь. Ей не спится — понятно, а вот почему он?.. У подъезда — узкая высокая будка телефона-автомата. Словно постовой дежурит. Позвонить?..

Инка набрала номер. Чувствовала, что стиснутая трубка под ладонью вспотела. От мембраны накалилось ухо... Длинно прогудело, и в коробке автомата звякнула монета.

— Алло!— Знакомый спокойный голос, слышно дыхание. — Алло! Кого вам?

Инка будто наяву видела его досадливо сдвинувшиеся широкие брови.

Короткие частые гудки — положил трубку. А Инка все не вешала свою, словно ждала еще хоть одного слова, хоть полслова...

Вышла из автомата.

Ночь пахла свежестью недавнего ливня. Иногда с кленов и крыш срывались крупные вызревшие капли, падали на горячие щеки и голые руки. Из-за Урала, с Бухарской стороны, тянуло предрассветным холодом. В деревне сейчас петухи надрываются, а тут — тишина. И во всей гостинице только одно окно светится, на первом этаже, второе от края.

«А ты — борешься?» — «Еще как!..» — «Это ведь очень трудно». — «Конечно. Очень...» Как это у нее получилось: «Чтобы честно работать, надо бороться». Прямо афоризм!.. А у дяди Егора глаза — как два лезвия. Что, если они с Игорем заодно? Плохо ей будет. Белле все рассказать? Спасибо, уже рассказывала! План сорвала. Мерси!.. А как? Принимать ящики, брать деньги и — молчать? И святыми глазами смотреть на людей, на Алексея?.. Но ведь можно позвонить и не называть своего имени! Просто предупредить. Пусть сами. Она ни при чем. Но ведь дядя Егор не дурак, она грозилась раньше... Если бы смерить сейчас температуру. Наверное, градусов сорок. Давно хочется пить.

Так, наверное, лунатики бродят... Инка оказалась перед домом, где жил Игорь. И вспомнился почему-то не Игорь, а его тихая ласковая мать. Что ей снится в этот полуночный час? Может быть, видит Игоря? Каким она его видит? И не прибавляется ли в эти минуты седины в ее волосах? А ведь ее голова совсем станет белой, если... Нет, Игорь слишком положительная личность, чтобы заодно быть с щербатым экспедитором. И потом — он трусоват. Как она, Инка. Он не решится. И все-таки надо

попытать. Если чист — поможет ей поймать жуликов, тонкости торговли ему известны... Если замешан... Надо испытать, чтобы хоть немного от души отлегло.

Она поднялась по гулкой лестнице. Ей казалось, что кто-то непременно высунется из-за двери и спросит, какой шайтан носит ее по ночам. Инка нажала кнопку, и звонок в глубокой тишине был так оглушителен, что его должны были услышать на всех этажах.

За дверью зашлепали босые ноги.

— Кто? — Игорь приоткрыл дверь, глянул в щель поверх цепочки. Был он без очков, в одних трусах.

— Из милиции! — насмешливо ответила Инка, поймав в его хриплом голосе тревогу. — Оденься, выйди. Я внизу подожду.

Минут через десять они прошли в беседку посреди двора.

— Я всегда подозревал, что ты ненормальная. — Он искал пуговицы у ворота и не находил. — Черт, кажется, рубашку наизнанку надел... Что стряслось?

— Соскучилась. Ну-ну, не заводись!.. Разговор прямой будет. Я предлагаю кончать эту лавочку.

— Какую еще лавочку?!

— Не кипятись, это не в твоем характере. А лавочка тебе известная: дядя Егор, ты, я, кто-то еще... Только насчет меня вы ошиблись.

— Не понимаю!

— Поймешь, как за усы в каталажку поведут. Скажи, Белла входит в эту игру?

— Я все-таки не понимаю. Какая лавочка? При чем тут я? Эдик — сын Беллы Ивановны и мой товарищ. Если ты дружеские отношения считаешь лавочкой...

— Ты не искренен, Игорь... О своей матери ты... не думаешь. О себе — тоже... Да и я — человек же...

Инка вышла из беседки. Она все ожидала, что Игорь окликнет ее. И он действительно окликнул. Когда она

возвратилась, то увидела, что парень сидит на скамье, широко расставив колени и уперев в них локти. Сжатая руками голова почти не видна была в темноте беседки, густо оплетенной вьюнами.

Инка прислонилась плечом к столбику и ждала. Игорь молчал. Он тяжело боролся сам с собой. Полуночный приход Инки углубил раздиравшие его страх и противоречия. После работы он вздумал заглянуть к Эдику домой. Когда вошел в коридор особняка, то ему показалось, что за дверью, как сорока, стрекотала пишущая машинка. Он позвонил — открыл Эдик, он был один дома. Машинка стояла на широком подоконнике, хорошо освещенном еще высоким, по-летнему ярким солнцем. Под валик был заложен бланк областного управления милиции.

Эдик проследил за взглядом Игоря, саркастически усмехнулся: «Можешь прочесть!» Игорь не посмел отказаться. После отъезда Матвея в консерваторию, за которым прямо с гастролей укатила и Зуева-Сперантова, Эдик стал злым и раздражительным, не терпел ни слова поперек.

Прочитав незаконченный текст, Игорь обомлел. На официальном бланке Эдик писал в Министерство культуры такую околесицу на Матвея, что и у более крепкого, чем Игорь, человека уши завяли бы. Игорь хорошо знал: Матвей был скромным парнем, пил редко, по особым случаям, а в письме говорилось, будто Матвей заядлый морфинист, потребитель наркотиков, подделывал рецепты для получения в аптеках таблеток и лекарств, содержащих наркотические средства. Дескать, он состоит на особом учете в милиции. Кроме того к письму, сообщалось далее, прикладывается копия заявления студентов музучилища, в котором они жалуются на недостойное поведение молодого преподавателя.

— Что за дичь, Эдуард?! Это... это... Ты же с ним, ну,

так хорошо простился в аэропорту, даже... поцеловались...

— Это был поцелуй Иуды. Он предал меня. Долг платежом красен, дорогой мой.

— А если проверят те, кому пошлешь?

— Не будь наивным, собиратель наклеек. Пока доберутся до истины, Матвей успеет трижды возвратиться сюда. И потом я же не обычную анонимку или донос пошлю, а официальное уведомление на официальном бланке!

— Ты страшный человек, Эдуард...

Тот польщенно расхохотался. И тут же отчеканил, особенно заметно произнося звуки в нос:

— Страшный, да, страшный! Для врагов и ничтожеств. Надеюсь, ты к ним не относишься. Их только могила спасет от меня...

Почти до самого прихода Инки ворочался Игорь в постели. Он искренне сочувствовал Матвею, который сейчас был счастлив. Строил Игорь и планы, как выручить скрипача, а вместе с ним и Альбину. Но вспоминал сощуренные злые глаза Эдика, его чеканящий ледяной голос — и отказывался от планов.

Теперь он должен был что-то отвечать Инке.

— Я ничего не знаю, Инна, — глухо начал он, не поднимая головы. — Но хочу посоветовать: уйди в другой магазин. Уйди! Так лучше будет.

— Для кого? — Не дождавшись ответа, с досадой добавила: — Да, ты, как всегда, очень любезен! А я-то рассчитывала... — Уже уходя, недобро пообещала: — Из двадцать третьего, лучшего в торге, я — никуда!..

В ночной тишине слышен был необыкновенно громкий стук ее каблуков. А через минуту вернулась. Остановилась над Игорем, все так же, ссутулившись, сидевшем в беседке. Заговорила, но уже иначе, было что-то умоляющее, даже заискивающее в ее быстром, горячем шепоте:

— Ты извини... Я запуталась, я думала, что ты, ну, с ними... Ты всегда был добрым, великодушным, ты мог, умел мечтать, но тебя обстоятельства... Не поверю, что и ты... Но хоть подскажи, помоги, я боюсь. Ну почему ты молчишь, Игорь? Игорь!

Он поднял всклокоченную голову. Молча уставился на Инку, словно она была по другую сторону тюремной решетки, на воле. Инка стояла в светлом проеме беседки, свет со столба освещал ее со спины, и выражения лица нельзя было увидеть в тени. Если бы Игорь не поднял головы, то, наверное, во всем признался бы. Но сейчас он вновь увидел ее великолепную фигурку, овал ее лица, услышал ее дыхание — рядом, совсем близко, — и в нем с новой силой взбурлила обида и неудовлетворенное самолюбие... Она никогда не принадлежала ему! Она могла чуть-чуть приласкать, сказать несколько теплых слов — просто потому, что он привычен, всегда рядом, как кошка в доме, как верный пес...И еще — он часто, очень часто стал нужен ей...

— Я ничего не знаю. Ничего! И больше не буди меня по ночам... А запуталась, влипла — так и расхлебывай, не вмешивай...

Круто повернулась — и снова до боли знакомый постук каблучков, только теперь быстрый, гневный. Игорь вскочил, поняв, что теперь-то Инка навсегда потеряна.

— Инна!..

Ушла.

Игорь на могиле отца плакал. И вот сейчас он почувствовал, что щеки его мокры. Жестоки люди, жестока жизнь...

А Инка, не укорачивая шага, быстро шла по улице. И еще быстрее, еще отчаяннее летели ее мысли. Куда теперь? К кому? И зачем? Там, на берегу, о великих женщинах говорила. Завидовала. А сама?!

Вот и новый постовой — телефонный автомат. Почему она сравнивала их сегодня с милиционерами?

Инка позвонила в справочное бюро, узнала два телефона. Оглянулась на пустынный перекресток, плотнее прикрыла дверь будки. По одному не отвечали. Кончились двухкопеечные монеты. Сунула в щель гривенник.

— Дежурный ОБХСС лейтенант Иванов слушает!

— Это звонит вам... — Сердце, наверное, не само билось, его колотили страх и надежда. Инка теряла голос.— Это один человек звонит... — И разозлилась на себя: конечно же — не два! Заговорила смелее, громче: — Завтра или послезавтра в филиал двадцать третьего магазина привезут лишние ящики водки, их сбывают... ну, налево. В общем, сверьте накладные с наличием. Пóнимаете?

— Понимаю. А кто со мной говорит?

— Знающий человек...

— Возможно, назовете фамилию?

— Когда-нибудь назову... Запомните? Завтра или послезавтра, в филиал двадцать третьего...

— Спасибо, спасибо!..

Инка пришла домой и уснула, едва коснувшись головой подушки. Растормошила ее уборщица из магазина.

— Ну и спать ты, милая! Вот спать! Айда-ка, вставай, на работу зовут...

Инка, сонная, сердитая, поднесла к глазам часы:

Так только одиннадцать! Мне сегодня во вторую смену...

— Ревизия, милая моя, учет назначили... Вставай-ка, айда! Тебя уж с коих пор дожидаются...

◆

ГЛАВА XVI

Белла Ивановна курила. В этот день она, похоже, особенно много курила. В пепельнице на ее столе выросла целая горка окурков с багряными следами от крашеных губ. Инка пыталась сосчитать окурки и все сбивалась. Наверное, потому, что Белла Ивановна решительным жестом стряхивала пепел на эту горку и начинала с фразы, которую Инка и Клава слышали сегодня сто раз:

— Кошмарный позор! Такое — в двадцать третьем, лучшем в торге!.. Вы не конфеты подмочили, вы авторитет и репутацию всего коллектива подмочили! Неужели вы не понимаете этого?!

Они понимали, еще как понимали! Клава комкала в руках мокрый платочек и мокро шмыгала носом. От накрашенных ресниц под ее глазами образовались разводы туши. А Инка не могла сосчитать окурки в пепельнице.

— Если вы не внесете завтра эти несчастные двести сорок рублей, то... Вы понимаете, о чем я говорю! Вам уже пора понять, о чем я могу говорить... А тебе, Кудрявцева, вообще нужно задуматься над своим поведением. Оно мне нравится не очень. Эти пикантные прогулки по Уралу...

Отпустила она их лишь в седьмом часу вечера. Точнее — выгнала! На улице было по-летнему жарко. Пахло разогретым асфальтом, выхлопными газами машин. И лишь арыки, наполненные медлительной водой, напоминали об Урале, о заречных прохладных лугах.

— Ну, ты как? —Клава по-детски, прерывисто вздохнула, посмотрела на Инку сырыми покрасневшими глазами.

— Пусть по суду удерживают из зарплаты... Вот только трудовую книжку замарают. Нигде не примут с такой записью...

— А я не знаю, что дома говорить... Володя не сове-

товал мне, он мне так не советовал после декретного снова в магазин идти...

— Мне, конечно, легче: не перед кем ответ держать... До завтра?

— До завтра. Что я теперь Володе скажу?.. Мы с Володей говорили о тебе, ты правильно упрекала... Мы с Володей решили учиться. Я вечером в медучилище, а Володя заочно в техникуме.

Инка не понимала, при чем тут учеба, когда беда на голову свалилась. Но Клава, шмыгая носом и прижимая к нему платочек, развила свою мысль:

— Каждый день в газете объявления печатаются: требуются продавцы, требуются завмаги, требуются ученики продавцов... Думаешь, от хорошей жизни нас не хватает?.. Мы с Володей будем учиться... Только что я скажу Володе теперь? Он так не советовал в магазин идти...

Как же все это было?

Три дня назад их магазин внезапно закрыли на учет. Этого следовало ожидать, но ревизия все-таки была внезапной. А членами комиссии оказались та самая женщина-ревизор, которая жаловалась директору на Инку, и молодой мужчина с розовыми щеками и учтиво приподнятыми уголками губ. Инка и Клава были спокойны, они частенько сами проверяли себя. Все сходилось.

Инка и женщина делали вид, что никогда не встречали друг друга. Мужчина, наоборот, представлялся свойским парнем-рубахой. В складике, за ящиками, он даже попытался ущипнуть Инку, но получил в ответ хорошего тумака. После этого потускнел, у него пропал интерес к ревизии: скорее бы закончилась! А его коллега не торопилась, все проверяла и сверяла, обстоятельно, дотошно.

Продавщицы не заискивали, и все шло своим нормальным чередом.

А в самом конце женщина попросила отодвинуть в складе от стены ящики и вскрыть их. Ящики были с шоко-

ладными конфетами, не пользовавшимися большим спросом. А над ящиками проходила труба водяного отопления, и зимой, когда начинали топить, она подтекала в стыке. Продавцы не заметили этого. Ящики промокли, конфеты раскисли и заплесневели...

Если б они заискивали, если б Инка не оттолкнула розовощекого... Даже если б она не нагрубила когда-то этой женщине — председателю теперешней комиссии...

Сожалеть было бесполезно — акта не перепишешь заново. А в нем: по вине продавщиц таких-то допущена порча такого-то количества конфет на сумму двести сорок рублей. Если б не все это, комиссия, глядишь, нашла бы другую причину, сумела бы списать. Так и предлагал сделать мужчина. А женщина заупрямилась: дескать, они не имеют права покрывать халатность, а о его поведении она поставит в известность администрацию торга. «Ох, уж эти мне дипломированные перестарки!» — выругался он и добавил еще что-то, более крепкое, чего Инка с Клавой не расслышали. Они поняли: он намекал на то, что женщина лишь к пятидесяти с трудом одолела торговый техникум и вместе с дипломом получила в торге должность, о которой давно мечтала. Бывший счетовод стала невыносимо ревностным, «въедливым» ревизором. Правда, общего мнения не было: одни утверждали что она «испортилась» после получения диплома и важной должности, другие в вину ставили то, что ее оставил муж... Во всяком случае, все продавцы горпищеторга ее недолюбливали и боялись.

Все это Инка перебирала в голове.

Уж оно как не повезет, так не повезет! Надо было быть более предусмотрительной... Впрочем, поздно сожалеть. И бесполезно — только себя растравлять. И откуда Белле известно о прогулке по Уралу? Возможно, Григорий заходил к ней? Ах да, Эдик!

Инка шла в скверик имени Фурманова. Там они усло-

вились встретиться — впервые после поездки на теплоходе. Хотя, конечно, не впервые: он несколько раз приходил к магазину и видел на дверях — «учет!»... А она! Каждый вечер по два-три раза звонила ему из автомата. Он поднимет трубку· «Алло! Алло!..» А она нажмет на рычаг и улыбается от счастья, как дурочка: значит, дома, значит, никуда не ушел!..

А вчера дождался у магазина. Но она принципиально не смотрела на него: пусть знает ее! Ведь сказала — через неделю. Неделя истекает послезавтра. Наконец снизошла до улыбки:

— Завтра в восемь вечера. В том же месте...

— Что за карантин?

— Завтра в восемь!

Показала ему рукой — всего хорошего! — и вошла в автобус.

Еще вчера эта неделя казалась мучительной только потому, что Инка не могла дождаться ее конца. А вот сейчас она шла к Алексею, а радости не было... Есть же счастливые люди, для которых ее доля — сто двадцать рублей — плевое дело. Счастливчики покупают шикарные машины, ездят в Крым, ходят по ресторанам... А она не может заплатить эти паршивые сто двадцать рублей, чтобы остаться на работе, чтобы имя ее осталось чистым... Вся жизнь — это деньги, деньги! Из-за них экспедитор ворует водку. Из-за них она позвонила в ОБХСС. Из-за них, в конце концов, она ушла из дома свекрови... А не права ли свекровь: «Деньги, милочка, это все». Как дрожали ее пальцы, когда она пересчитывала залапанные тысячами рук трешницы и пятерки, полученные за тех свиней. А какие немые, завороженные глаза были у свекра и у Григория... Брала бы у экспедитора с самого начала, сейчас не пришлось бы...

Деньги, деньги... Сколько чудовищных преступлений

творится на земле из-за денег. Из-за них она завтра лишается всего!

Алексей шел навстречу, светлый и возбужденный, как жених, локтем прижимал к груди кулек и помахивал букетом цветов. Вложил его в руки Инке:

— В честь окончания карантина!..

Вероятно, в благополучном исходе ревизии Алексей не сомневался, потому что спросил о нем мимоходом, он был поглощен своим счастьем.

Они сели на скамейку под остриженной, как новобранец, акацией. Алексей открыл кулек с шоколадными конфетами:

— Угощайся, Иннушка...

Ее всю передернуло:

— Убери!

— Что с тобой, Инна?

— Убери сейчас же!..

Инкины губы ломало, подбородок дрожал. Казалось, она вот-вот разревется. Поднялась и, сунув ладони под мышки, пошла по аллейке.

Алексей с досадой завернул конфеты и швырнул их в кусты. Он догнал ее и взял под локоть, ожидая, что она вырвет его. Но Инка не отстранилась, не вырвала локтя. Шла, опустив голову, сосредоточенно смотрела на песчаную дорожку, будто хотела найти что-то сокровенное. На щеках горели пятна.

Он ни о чем не спрашивал. Человеческая душа — это такой инструмент, к которому не всегда и не всякому дозволено касаться. Если Инка сочтет нужным, она сама откроется.

Но Инка не открылась.

— Алеша... Эта неделя... В общем, все правильно, всерьез. Поэтому нам лучше расстаться... Такая, как я, тебе не нужна. Со временем, думаю, все пройдет.

Они были в глухом конце аллеи. Инка говорила спокойно и смотрела в сторону.

Алексея обожгла догадка:

— Приезжал муж?

— Да. И все знает. Но не в этом дело... В общем, я тебе позвоню завтра. Ладно? У меня голова болит. Ты уж извини, Алеша.

И она оставила его одного.

«Но не в этом дело. Не в этом дело...» А в чем же? Что ты за человек, Инка?..

Алексей ходил по аллеям до тех пор, пока вспыхнули на чугунных витневатых столбах матовые шары, а на «пятачке» танцплощадки начал сыгрываться оркестр. Тогда он зашагал к Инкиному магазину.

Два замка на дверях. Оконные витрины, освещенные неоновыми лампами. Какой от них неуютный мертвый свет! А за углом, на стопке кирпичей, сторож зажал меж коленей берданку. И косит, косит недоверчивым оком на белокурого типа, который уж третий раз проходит мимо него.

— Папаша, магазин давно закрыт?

— А тебе на что? — в голосе неприкрытая враждебность.

— Видите ли, у меня здесь сестра работает, — соврал Алексей. — Почему-то домой не пришла.

— Это Инка, что ль? — старик подобрел.

— Она самая.

— У них, золотой человек, такая тут катавасия получилась! — он весело мотнул рукой, словно эта «катавасия» несказанно радовала его. — Страшная история, скажу тебе...

От бдительного стража, выслуживающего у магазина недостающий трудовой стаж, Алексей узнал почти все. Он поблагодарил его.

— Стал быть, не пришла? — с запоздалым сочувствием спросил тот.

— Не пришла... Но не в том дело. То есть, — Алексей, повторив слова Инки, торопился поправиться, — я хотел сказать, это очень беспокоит меня...

— Знамо, забеспокоишься! Сто двадцать рублей, это по нонешним временам — сумма! Мне, почитай, четыре месяца сидеть вот тут, чтоб схлопотать ее... Это — сумма!..

«Да, это, конечно, сумма, — мысленно повторил Алексей. — Но не в этом дело. Теперь-то уж ясно, что дело не в этом!..»

Он зашел в какую-то незнакомую столовую и попросил стакан сухого вина. Официантка принесла шампанского. Выпил залпом. Во рту и в груди ощутил холодное покалывание, будто наглотался крошеного льду. И казалось, что этот холод передался мозгу: мыслилось плохо, скованно.

Он направился в гостиницу. Номер показался необычайно казенным и захламленным. Из него хотелось бежать, немедленно, сейчас же, а куда — неизвестно. Алексей уселся за стол, заставлял свой мозг работать. Но вместо технических расчетов и формул в голове вертелась одна-единственная цифра «120», а рука рисовала на листах Инкин профиль.

Отшвыривал лист и карандаш, прохаживался по комнате. Наконец достал из пиджака бумажник, пересчитал деньги. Сто сорок пять рублей... А на что самому жить? Э, как говаривал знакомый профессор, господь не выдаст, свинья не съест!..

Алексей знал, что Инка ни за что не возьмет у него денег. Поэтому ровно в девять утра он пришел в контору магазина. Женщине, главному бухгалтеру, сказал, что хочет внести недостачу, обнаруженную ревизией у Кудрявцевой. Та пожала плечами:

— Пожалуйста! — И начала выписывать приходный ордер на сто двадцать рублей. — А вы кто ей будете?

Алексей поколебался мгновение и твердо ответил: «Муж!» Бухгалтер недоверчиво поглядела на него и передала ордер кассиру. С товароведом заговорила о чем-то постороннем. Но когда Алексей, получив квитанцию, вышел, негромко сказала, будто самой себе:

— Денежного прибрала любовника... Тот самый, в апреле приходил к Белле Ивановне выгораживать Кудрявцеву...

◆

ГЛАВА XVII

А часом позже пришла в контору и Инка. Бухгалтер, не поднимая глаз от бумаг и пощелкивая арифмометром, поздравила ее с благополучным исходом ревизии.

— Муж приходил. Уплатил все до копеечки.

— Муж?

— Муж. Только неизвестно чей. Симпатичный, однако. И денежный.

Инка взяла себя в руки. Она поняла, кто побывал здесь.

— Он холост. И не надо смеяться над чужой бедой. женщины.

— Никто не смеется, мы рады за тебя...

Инка затравленно огляделась: все были заняты своим делом, словно и не слушали слов главного бухгалтера

— Спасибо за сочувствие... Белла Ивановна у себя?

— У себя. Тебя ждет...

Инка постучала в обитую черным дерматином дверь.

— Что за формальности! Входите, Кудрявцева!

В молодых крепких зубах ее дымилась неизменная

длинная папироса. Щуря глаз от дыма, Белла Ивановна что-то писала своим стремительным мужским почерком. Кивнула на стул возле стола: садись, Кудрявцева! Вложила исписанный лист в конверт, лизнула кончиком языка по краю конверта и заклеила.

— Ответ в редакцию... Почему сахару нет? Миленькое дело — почему? Это я хотела бы их спросить — почему? У меня нет сахарного завода. Ты мне хочешь показать квитанцию, Кудрявцева? Ты уплатила деньги? — Белла Ивановна, отставив левую руку, между указательным и средним пальцами держала папиросу, а правой, ногтями, легонько пощелкивала по настольному стеклу. Не спускала с Инки пристрастного изучающего взгляда. — Значит, ты нашла деньги? Я взволнована и потрясена, Кудрявцева, но...

Инка поджала ноги под стул, напряглась: сейчас Белла скажет, что оставлять ее, Кудрявцеву, она не может. У Инки высохли губы, а та долго, слишком долго затягивалась дымом и все жгла, поджаривала ее взглядом.

— Но оставлять тебя, Кудрявцева... Ты понимаешь, какими это мне неприятностями грозит? Ты должна понимать, Кудрявцева. И все же... и все же я решила оставить тебя. В последний раз. Надеюсь, ты понимаешь меня?

— Понимаю.

— Мне до пенсии два года. Не могу же я, Кудрявцева, мое чистое имя и мою чистую репутацию марать. Ты меня понимаешь, конечно?

— Понимаю, Белла Ивановна.

Директор встала, словно давала понять, что их разговор окончен. Инка тоже поднялась.

— И твоя напарница вносит... Так что работайте, но... в последний раз мое сердце такое мягкое, Кудрявцева.

— Спасибо, Белла Ивановна! Вы очень много для меня сделали, я не забуду...

Нужно было уходить, но Инка медлила. Переполненная чувством теплоты и доверия к этой крупной полной женщине с черными усиками под орлиным носом, она порывалась рассказать ей и об экспедиторе, и о его последних проделках, и о том, что позвонила в ОБХСС. Белла Ивановна должна была помочь, потребовать от следственных органов конкретных мер...

Инка удержалась: в другой раз! И без того надоела своими происшествиями. И потом — многое пока неясно, многое...

— Ты имеешь мне что-то сказать? — Белла Ивановна положила ей на плечо мягкую, пахнущую дорогими духами руку. Прямо перед лицом своим Инка увидела ее глаза. Сейчас в них не было обычного темпераментного огня, они были бархатистыми, с грустной дымкой. — Бедное дитя... Ну, иди, иди!..

После обеда магазин открыли, и первой заступила на смену Клава, бледная, заплаканная. Инка ушла с тяжелым сердцем: все-таки она больше Клавы виновата во всем. Не оскорби она в апреле ту женщину, не подчеркни свою неприязнь к ней во время ревизии... Выходит, нужно было идти против совести? Давно ли похвалялась, что никогда не лицемерит!..

Впереди целых полдня свободного времени. Инка сходила в детсад, проведала Леночку. Дочка заметно подросла, загорела и в компании сверстников, видно, не очень скучала по мамке. А Инка подумала, что, будь у нее возможность, никогда бы не отдала ее в детсад, сроду не рассталась даже на один день. А Григорий намеревался вообще отнять ее! Плохо знал свою бывшую жену?..

Позвонила в гостиницу. Номер Алексея не отвечал. Наверное, Алексей на заводе... Алеша... Как все-таки много хороших людей на свете... А из ОБХСС так никто и не приходил. Не поверили? А кто ты, чтобы тебе верить?!

Телефон-автомат поглощал монеты, как прожорливый галчонок. Инка разыскивала лейтенанта Иванова, но не могла застать его там, где ей подсказывали. Казалось, он нарочно бегал из кабинета в кабинет, увиливая от разговора. Наконец круг замкнулся, Инка позвонила по тому номеру, с которого начинала. Лейтенант Иванов поднял трубку, и Инка сказала, что беспокоит все тот же человек, который несколько дней назад предупреждал насчет филиала двадцать третьего магазина.

— А вы не могли бы найти себе другое занятие, девушка? — с заметным раздражением ответил лейтенант.— Вы нас предупреждали, а в филиале шел учет... Не советую вам такими шуточками шутить!

Он положил трубку.

Инка побежала к соседнему киоску, разменяла двугривенный и опять набрала номер рассерженного оперативника. Сказала, что это опять она и что товарищ лейтенант обязан чутко относиться к сигналам трудящихся, а не глушить их инициативу.

— Знаете что, инициативная гражданка? — лейтенант, чувствовалось, улыбался. — Вы зайдите сюда, а? Второй этаж, комната двадцать семь...

— Я подумаю...

Инка тут же набрала номер Алексея. Нет, не отвечал Алексей. Попыталась представить, как бы происходил их разговор.

«Пойти или не пойти, Алеша?» — «Я бы пошел». — «Но ведь этот экспедитор!.. Он и его шатия сразу сообразят, что это я сообщила». — «Ну и что?» — «Отомстят». Алексей молчит, думает, его широкие брови шевелятся. С улыбкой поднимает на нее глаза: «Думаешь, убьют? На это у них пороху не хватит... А остальное... Остального не следует бояться, если не знаешь за собой грехов». — «У меня двадцать рублей...» — «Возьми их и отнеси лейтенанту». — «Все у тебя очень просто получается, Але-

ша!» — «Ты ищешь сложностей? Медлить нельзя, иначе они могут прикрыть лавочку». — «Я все-таки боюсь». — «Но ты же решилась позвонить?» — «Иванов не поверил». — «Что ж, тут рецепты трудно предлагать... Завтра экспедитор привезет два ящика, а потом — три, пять. Аппетит, как известно, приходит во время еды... — Ты не задумывалась, почему он именно тебя выбрал?» — «Нет». — «А причины, наверное, были». — «По-видимому, были»...

Представив в уме весь этот отрывистый сухой диалог, Инка вдруг попробовала со стороны посмотреть на себя. Что она представляет из себя для постороннего взгляда? Почему экспедитор так откровенно предложил сделку именно ей? И почему его нисколько, казалось, не испугали ее угрозы? Ну да, он же сказал: ты первая и попадешь за решетку. Он уверен, что она будет молчать. У него есть основания. Она побоится потерять работу, побоится и впрямь попасть в тюрьму и, таким образом, разлучиться с ребенком. Не на последнем счету, вероятно, и ее материальная стесненность. Плешивый мужичонка прежде взвесил все и оценил, а уж потом попытался вовлечь ее.

«Чем каждый день и час дрожать... Пойду! Второй этаж, комната двадцать семь...»

В прохладном длинном коридоре она с трудом нашла нужную дверь, толстую, как и у Беллы Ивановны, обшитую дерматином. Постучала. Ей ответили: «Войдите». И дверь открыл молоденький лейтенант с новенькими погонами и скрипящей портупеей через плечо. У него было юное румяное лицо.

— Я пришла...

— Вы... девушка-инкогнито? — Иванов, казалось, еще больше зарумянился, а Инка подумала, зачем таких стеснительных, как он, берут на серьезную работу. — Садитесь! Будьте как дома, пожалуйста.

— Как дома?

Иванов понял ее иронию:

— Простите! Вообще за все извините. Видите ли, меня иногда разыгрывают наши сотрудницы, вот я и вам не поверил. Так, я вас слушаю...

Инка смотрела на тонкую полоску его безукоризненно белого подворотничка, охватившего крепкую, но еще по-мальчишески округлую загорелую шею. Он хочет слушать, этот лейтенант. Он даже сделал серьезное внимательное лицо и скрестил руки на груди, под университетским ромбическим значком. Впрочем, значок, наверное, не университетский, какой-то другой, с красным кантом...

— У вас найдется бумага?

— Вы хотите изложить в письменной форме?

— Совершенно верно, товарищ лейтенант.

— Это — самое лучшее для нас.

Иванов с подчеркнутой неторопливостью достал из стола стопку чистой бумаги, положил перед Инкой. Чтобы не мешать Инке, откинулся на спинку стула и раскрыл перед собой скоросшиватель с бумагами. Иногда поверх него взглядывал на склоненную Инку: «Красивая!» И, словно уличенный, быстро упирался глазами в бумаги.

Инка подала исписанный лист и поднялась:

— Можно надеяться?

— Вполне, — снова с подчеркнутой официальностью сказал он. — Доложу начальству и... приступим к операции!

◆

ГЛАВА XVIII

С той поры как познакомился Игорь Силаев с Эдиком, а потом и с дядей Егором, он пугался каждого звонка в квартиру, каждого встречного милиционера. А после

ночного визита Инки он, казалось, тени своей начал бояться. Был он в эти дни тих и молчалив. И когда к нему обращались, часто отвечал невпопад. Сотрудники бухгалтерии недоумевали: что случилось с их главным? Наверное, думали, опять с матерью плохо. Понять можно: человек недавно отца похоронил, а тут родительница на ладан дышит...

Вечером матери не было дома, и он сидел один. Когда чуть стемнело, зажег свет во всех комнатах, даже в туалете и ванной. Злясь на себя за свой страх, заглянул в каждый угол. Он теперь понимал, что Инка не случайно приходила, что она что-то замыслила. И она хотела уберечь его, предупредить. А он... Овечкой прикинулся! Лучше это или хуже? Чем все кончится? Над чьей головой петля повисла? Над Инкиной? Наверное, над его. Встал бы отец из могилы: как ты дошел до жизни такой, сынок?!

Звонок в прихожей был так внезапен и резок, что у вздрогнувшего Игоря свалились очки с переносицы. Он стал искать на полу и наступил на них. Они сухо хрупнули под подошвой. «Все!— обреченно выдохнул он и сухим языком облизнул сухие шершавые губы. — Не отвечать? Спрятаться? Бежать из города?..» — И знал, что на это он не способен, не хватит мужества.

Нашел в ящике стола запасные очки, побежал открывать дверь. Прижался к ней, прислушался. Тихо. Ох и тихо! И будто хлыстом ожег новый требовательный звонок...

Это оказались Эдик с Владиславом. Посвистывая, Владислав крутил на пальце цепочку с ключом от «москвича». Из кармана выставил на стол бутылку коньяку:

— У Инны достал. Югославский!

Эдик пояснил:

— Владислав выставляет первый презент. По случаю покупки собственного лимузина. Бешеные деньги у человека!

— Чумные,— уточнил тот, продолжая вертеть цепочку. — Мне не наливайте, я — за рулем.

Он то и дело выглядывал в окно — внизу, на улице, стоял его «москвич». Сказал, оправдываясь:

— Не столько боюсь, что машину украдут, сколько — боковое зеркало. Оно и стоит-то рубля три, да в магазинах не купишь. У знакомого шофера с корнем выломали...

— Вот так и начинается перерождение индивидуума. Сегодня он коммунар, пронизан духом коллективизма. Завтра — собственник, владелец автомобиля. И сразу забывает, чему его учили в пионерах и в комсомоле.

Эдик был в духе и говорил много. Видя, как Игорь расставляет тарелки с колбасой и сыром, ухмыльнулся:

— Что это у тебя, продукт времени, руки дрожат? Кур воровал?

— Хуже... Совесть...

— Ха-ха! Совесть у тебя действительно... Чернее голенища сапога. — Склонив шишковатую голову с темной родинкой на темени, Эдик прислушивался, как из бутылки булькало в граненые стаканчики. Поднял свой, посмотрел на свет люстры: — Марочный! Ну, Слава, чтоб колеса вертелись! Чтоб тормоза держали!

— Тяните на здоровье... Вы здесь быстрее закругляйтесь, а я в машине посижу. Я за зеркало четвертную отвалил одному гаду...

Когда за ним закрылась дверь, Эдик медленно выпил, пощелкал языком и только после этого положил в рот ломтик лимона, посыпанного сахарным песком. Игорь тоже приложился к стаканчику и поперхнулся, облил коньяком белую рубашку, час назад наглаженную матерью.

Эдик снова нехорошо усмехнулся:

— Белая сорочка, белые штаны... Раньше приговоренные к смерти в белое обряжались. — Он еще налил, чокнулся с Игорем: — За наше счастливое детство! Оно

ведь было у нас, было... Ну, а теперь — за благополучное возвращение Матвея!..

— Вернулся?!

— Говорит, по конкурсу не прошел. — Эдик тонко улыбнулся.— Улавливаешь, как бает наш незабвенный дядя Егор? Между прочим, вчера он первую сотню принес. Наша с тобой доля. Инка твоя неплохо начала. Хотя — не твоя она. На теплоходе видел с красавчиком. Командированный из Ленинграда. Так-то, сердцеед провинциальный.

Игорь быстро пьянел. Точнее, пьянели ноги и руки, они не подчинялись его воле. А голова была ясна, до того ясна, что казалась пустой и звенящей, как перезрелый арбуз. Тряхни ею и услышишь, как там семечки тарахтят.

— Она под другого стелется, а ты... Волынил, время терял... Съезжу на месячишко в совхоз со студентами, а потом... — Эдик прищелкнул языком и пальцами:—В общем, презренный металл увезет нас с Альбиной в далекую Чехословакию. Я без пережитков, Игорь. Я простил Альбине. Женщины созданы для украшения жизни. Им все прощается. Прости и ты Инке, как уедет командированный...

Болтлив был Эдик, коньяк делал свое дело.

— Тварь ты, Эдуард... Тварь!

Глухо и как-то уж очень буднично, бесцветно сказал это Игорь, сквозь толстые стекла очков глядя на лицо Эдика, от удивления вытянувшееся еще больше. Таких слов, такого обращения к себе Эдик не слышал от Игоря за все годы знакомства.

— Я всегда говорил, что тебе вредно влюбляться и пить. Ишь, глаза налились, красные, как у кролика. А кролик и трус — синонимы. Тебе это известно? — Тон у Эдика был будто миролюбивый, тонкие губы растягивались в улыбке, но глаза вдруг стали узкими, злыми, а на щеках и у крыльев носа проступила синюшная бледность.

Он всем телом, рывком подался через столик к Игорю. — Заткнись, падло! Забыл, с кем?.. Я тебе быстро мозги освежую...

С минуту они глядели один другому в глаза. И Эдик поборол, сломал взгляд Игоря, тот отвел его, снял очки, снова надел. Покрутил в руках пустую бутылку, отставил. Ни слова не говоря, поднялся и неверными шагами пошел в кухню, хлопнул там дверцей холодильника. Возвратился с поллитровкой водки.

— Давай, холодненькой... Остудимся... Пропивать так пропивать Инку!

— Истеричный, как баба. Далась тебе эта потаскушка. — Эдик, видимо, поостыл, опять его сухощавое некрасивое лицо кривила усмешка. — А пить я больше не буду. — Он пощурился на циферблат настенных часов. — Мне — в институт. В двадцать один ноль-ноль заседание редколлегии стенгазеты... Владислав доставит. Удобно, когда у друга есть авто.

— Прошу... По одной.

Эдик, прикидывая время, еще раз взглянул на острые усики стрелок.

— Ладно, плесни полста граммов. Для впечатления. Мускатным орехом зажую, запах снимает...

Выпили, не чокаясь. И Игорь, сидевший ссутулясь, почти касаясь подбородком стола, дрогнул вдруг, затрясся в смехе. Он не откидывался назад, как обычно при смехе, а трясся и трясся, сутулясь все больше и больше, словно собирался под стол залезть. Эдик насторожился.

— Свихнулся? — сжатые губы и сощуренные злые глаза образовали на его лице как бы две поперечные тонкие морщины.

А Игорь налил себе, выпил одним глотком и заколыхался в новом неудержимом смехе. Казалось, кто-то под столом ему щекочет подошвы и поэтому он не может удержаться. Наконец откинулся на спинку стула, снял

очки и стал протирать заслезившиеся глаза. Заговорил, все еще всхлипывая от смеха.

— Подумать только: он — редактор стенгазеты курса... Подумать только!.. И он будет моих детей учить... И Инкиных будет учить... Подумать только! Убивать таких надо... Публично!..

Эдик встал, длинной крепкой рукой цапнул Игоря за грудь — треснула тонкая нейлоновая рубашка.

— Встань, подонок. Встань, тебе говорю!

Игорь тяжело приподнялся. Очевидно, была еще в Эдике та сила, которая ломала чужую волю.

— Сними окуляры!

Игорь скорее машинально, неосознанно, чем по приказанию, снял очки. В то же мгновение Эдик коротким, умелым тычком в подбородок сшиб его с ног. Редко, глубоко дыша, опустился на прежнее место. Косясь на часы, ждал, когда придет в себя Игорь... Тот не скоро очухался. Сел на полу, раскорячив ноги, поелозил вокруг ладонью, ища очки.

— На столе они, продукт времени! Это тебе для профилактики...

Игорь встал на четвереньки, с трудом оторвался руками от пола, распрямился. Добрел до стола, непослушными пальцами приладил на переносице очки. И вдруг ловко сцапал початую бутылку и, размахнувшись, хватил ею по шишкастой голове. Как неполный мешок с опилками, Эдик медленно сполз на пол. Голова глухо стукнулась о доски.

Игорь застыл в напряженной позе, словно ждал нападения. Пришел в себя от непонятных булькающих звуков. Опустил глаза — из горлышка бутылки, которую он все еще сжимал, выливалась водка. Крепкой оказалась бутылка! Он осторожно поставил ее на стол. Обошел Эдика, посмотрел, как из раны над ухом, пузырясь, вытекает на желтые половицы черная кровь. Затем взглянул

на свою грудь: на белой нейлоновой сорочке темнели пятна от потной пятерни. На цыпочках удалился в кухню и под краном долго мыл руки. После этого зачем-то выключил верхний свет и включил торшер, но тут же вновь зажег люстру. Подошел к большому зеркалу, вделанному в дверцу шифоньера, и так же долго, старательно причесывал свои седеющие волосы.

Еще раз косо, со злорадством взглянул на неподвижного Эдика, бесшумно пробалансировал на носках к двери. На улице он подкрался к «москвичу» Владислава, который безмятежно слушал музыку, и прошептал:

— Позвони в милицию... Я убил Эдика...

◆

ГЛАВА XIX

В чугунной арматуре и пролетах моста гудел ветер. Инка ловила подол платья и, пригибаясь, натягивала его на коленки. Со страхом поглядывала за решетчатые перила: далеко внизу о бетонные опоры разбивались волны и по течению тянулись кружевные полосы пены. От большой высоты слегка кружилась голова.

Алексей, шедший впереди, оглянулся:

— Страшновато?! Высота и ветер! Не надо бояться высоты!..

— А я и не боюсь, — жалобно отозвалась Инка.

Алексей засмеялся, нагнувшись, подхватил ее на руки. «Так будет лучше», — шепнул ей. Она сказала, что кругом же люди, стыдно, а он только засмеялся опять и прибавил шагу. Вдыхал лесной запах ее густых каштановых волос и смотрел в лицо, уютно прижавшееся щекой к его плечу.

— Устал?

— Нет.

— Пусти. Мост давно кончился...

Мост действительно кончился. Слева густо дымила высокая и толстая труба ТЭЦ, начинался пригород. В воздухе исчезли пресные запахи реки и леса, теперь в нем господствовала царапающая горло гарь отработанных газов и угольного дыма.

Доехали на автобусе до центра. Было еще не поздно. Взяли билеты на шесть вечера.

Смотрели кинокартину о двух влюбленных, которым все время мешали производственные проблемы. Инка толкала локтем:

— Здорово на нас с тобой похоже! Видишь?

Алексей видел, но он плохо вникал в смысл фильма. Инка часто поводила на него глазами и замечала, что он занят какими-то другими мыслями. Сегодня Алексей вообще был странным каким-то. Смеется, шутит, а потом вдруг будто забудет и об Инке, и обо всем окружающем. «О чем ты?!» — начнет она тормошить его, а он вроде как проснется: «Да так, идейка одна». И виновато улыбнется.

Такие перемены расстраивали Инку, она пыталась выспросить об их причине, но Алексей отделывался шуточками и переводил разговор на другое. Инка обижалась. Один раз, за Уралом, даже не выдержала: «Ты, может, из-за денег? — это ее, пожалуй, больше всего мучило. — Я тебе расписку напишу...»

Алексей рассмеялся и прислонил ладонь к ее выпуклому лбу:

— Пересядь в тень, Инка!..

Рядом с кинотеатром работала по-ярмарочному пестрая, нарядная карусель. Оградка ее была улеплена малышней и взрослыми, ждущими очереди покататься на сказочных лошадках и в расписных санях. Где-то в глубине шатра магнитофон проигрывал старинные вальсы и танго.

В быстроте кружения карусели, в ее экзотическом

убранстве, в музыке и смехе, во всем-всем этом было что-то от давнего, полузабытого, от цыганских троек, проносящихся через родное село на раннем-раннем рассвете...

— Давай покатаемся, Алеша? — Инка взглянула на него с мольбой, словно боялась, что он не согласится. — Давай, а? У меня сегодня такое настроение... Как никогда!

Они катались дотемна. У Инки, когда вышли из остановившихся санок, кружилась голова, и Инка не смогла бы объяснить — отчего. То ли от карусели, то ли от счастья, бродившего в ней весь этот долгий летний день.

Алексей обнял ее за плечи, и она доверчиво прижалась к нему.

— Алеша...

Он чуть замедлил шаги, ждал. А может быть, и не ждал, может быть, он догадывался, о чем она хотела говорить.

Над ними шелестели тополя и клены. Они будто полоскали свои ветви в лунном свете. От арыков тянуло апрельской свежестью молодой травы и сырой земли. Голова кружилась от тяжкого, сладкого запаха ночных фиалок.

— Ты еще долго будешь здесь?

— Не знаю, Инночка. Не от меня зависит...

— Алеша... Идем к тебе в гостиницу, Алеша? Идем, а?..

У Инки был просящий, даже умоляющий вид, и Алексей не сумел правильно понять, чем вызвана ее просьба. Ему немного неловко стало за Инку.

— Ты меня никогда не приглашал к себе. Идем? Я буду смотреть, как ты работаешь. Я буду тихо-тихо смотреть... Я буду тебе карандаши точить, буду чертить, если попросишь. В школе я всегда пятерки по черчению получала... Я вижу, ты не совсем понимаешь меня. А тебе не кажется странным то, Алеша, что ты никогда ничего о своей работе не рассказываешь? Почему? Может быть,

потому, что кажусь я простушкой, с которой ни о чем серьезном нельзя говорить? Может, потому, что сама я чересчур откровенна?

Инка стояла перед ним и вопрошающе и с обидой заглядывала в его глаза. И Алексей не без удивления согласился с тем, что он действительно не говорил с ней о своих делах, считая, что они для нее не представляют интереса. А ведь он, кажется, всерьез собирался строить жизнь с Инкой. Как же ее можно строить, если твое дело, твои главные заботы не увлекают, не затрагивают самого близкого человека? Почему он ни разу не задумывался над этим?

— Понимаешь, — смущенно помялся Алексей, — мне казалось, тебе станет скучно, если я о своих железках буду рассказывать...

— А мои разговоры о магазине, о плане, о товарообороте... Разве это очень захватывающая тема? Но ты же слушаешь, тебе не безразличны, если не ошибаюсь, мои дела!

Они с полквартала прошли молча.

— Понимаешь... На здешнем заводе монтируется автоматическая сборочная линия, конвейер. В конструировании этой линии принял и я участие. Точнее, в систему конвейера входит мой агрегат...

— Ты изобрел его?

— Моей конструкции... Против обычных он вдвое экономичнее, более компактный... Пока идет монтаж и настройка линии, я продолжаю работать над улучшением своего агрегата... Правда, не все получается, как хотелось бы...

—Получится, Алеша. Я верю.

Они вошли в вестибюль гостиницы, Алексей взял у дежурной ключ от номера. Дежурная посмотрела на них таким пристальным взглядом, что Алексей невпопад сказал ей «до свидания» вместо «спасибо», а Инка покра-

снела, но глянула на нее сверху вниз с вызовом и насмешкой.

В номере Алексей немного пришел в себя и даже демонстративно хлопнул дверью, щелкнул замком.

— Назло ей! Не переношу этих платных блюстителей нравственности. Я принесу из буфета молока...

Он снова щелкнул дверным замком. Вернулся вскоре, неся две бутылки молока меж растопыренных пальцев и две калорийных булочки.

Отхлебывая из бутылки, он на небольшую чертежную доску стал прикалывать кнопками лист миллиметровки, потом поставил перед Инкой пузырек туши, положил раскрытую готовальню, линейку, лекало.

— Вот этот испорченный мною чертеж надо перенести на эту бумагу, — говорил он с хорошо разыгранным назиданием. Инка кивала и с аппетитом жевала булку, глаза ее следили за его приготовлениями. Алексей улыбнулся:—Бутылку молока и сайку ты мне сполна отработаешь! А я тем временем над этой вот схемой потружусь...

За открытым окном жила вечерняя улица: проносились автомашины, смеялись девушки, проплелся пьяный, пытаясь запеть песню, только дальше «Тополя-а, тополя-а-а!» он, похоже, не знал слов. Из сквера, с танцплощадки, то штраусовский вальс долетал и нежно вливался в комнату вместе с прохладой, то басшабашно-отчаянный «шейк» раздирал, как материю, вечерний воздух и темное небо.

Инка макала перо в пузырек, а уж с перышка, по-школьному, заправляла тушью расщелину рейсфедера. чертила старательно, стягивая губы в тугой узелок. Боясь ошибиться, волновалась, часто взглядывала на Алексея. Он сидел на кровати и, положив на колени большой блокнот, что-то черкал в нем, движением головы то и дело отбрасывал с бровей светлый чуб. Казалось, он совсем забыл об Инке. Нет, он делал вид, что забыл, не хотел

смущать ее! Ведь она столько лет не держала в руках чертежной линейки и рейсфедера...

Оба вздрогнули от раздражительно-громкого звонка телефона. И Инка с досадой на себя подумала о том, как, наверное, выводила Алексея из равновесия вот такими звонками, причем в более позднее время.

Алексей, потянувшийся к трубке, поймал Инкин быстрый взгляд. Инка тут же опустила глаза к доске, но ему подумалось, что все ее внимание сейчас не у чертежа, а у телефона: кто звонит? почему? не женщина ли?

— Я слушаю!

—Товарищ клиент, вас беспокоит дежурная по этажу. Уже двенадцатый час, пора провожать гостей...

— Вы очень внимательны! — Алексей с раздражением бросил трубку. На Инкин вопросительный взгляд ответил: — Дежурная заботится о нашей нравственности! И почти во всех гостиницах так: чуть задержался у тебя в номере человек, сейчас звонок — пора провожать гостей! Чего здесь больше, дикости или ханжества? Не пойму. Не пойму, в чем больше пошлости и бестактности: в том, что человек задержится у жильца после одиннадцати или двенадцати, или вот в таком бесцеремонном звонке тому, кто считает гостиничный номер своим временным жилищем, домом, за который оплачено наличными...

— Успокойся, Алеша. В этом не дежурная виновата...

— Да я понимаю. Иннушка, но... кто-то же должен за воспитанием людей следить! Не через замочную скважину, конечно...

Он сложил инструменты, бумаги. Склонив голову к плечу, долго всматривался в Инкину работу.

— А ты и правда хорошо чертишь. И точно, и чисто.

— Ладно, ладно, не смейся, Алешка! — польщенно отозвалась Инка и, обхватив его руку, прижалась к ней щекой.

Они вышли из номера, и сердитый Алексей не оставил дежурной ключа. На улице Инка рассмеялась:

— А ты, оказывается, злой бываешь! Не знала! Вот так из-за чего-нибудь разозлишься и бросишь меня...

— Глупости!

— Ой ли!

— Мы не расстанемся...

— А Ленка?

— Как ты можешь?!.

Он сказал это и впервые с облегчением почувствовал, что никаких сомнений и недомолвок в душе не осталось. Он понял, что это — серьезно и окончательно.

А Инка была рядом, живая, теплая, пропахшая летним солнцем и лесными травами!

Она остановилась и как-то странно, незнакомо взглянула на него. Стиснула ему руку:

—Тебе трудно со мной будет, трудно, Алеша... Но тебе никогда не будет скучно. И мы будем учиться, я хочу много-много знать... Нет-нет, я никогда тебя не обижу, никогда, ничем! Тебе не будет со мной плохо, потому что я стану другой, с тобой я обязательно другая буду...

— Мне не нужна ни лучшая, ни другая... Будь такой же — несносной, необыкновенной... Другую... Зачем мне другая Инка?!

Так и шли они, шли, шептали друг другу горячее, бессвязное, бесконечное...

Умолкли, заметив возле бабкиного дома человека, сидящего на скамеечке. «Не Григорий ли?» — встревожилась Инка, немного трезвея и крепче сжимая руку Алексея. Через листву клена просочился ручеек лунного света — на плече человека сверкнули галуны погона.

— Извините, товарищи! — Человек поднялся и приложил ладонь к козырьку милицейской фуражки. — Мне нужна гражданка Кудрявцева... Вы Кудрявцева? Мне поручено проводить вас в городское отделение...

— В милицию?

— Что за шутки, товарищ? — подступил к милиционеру Алексей.

— Попрошу вас, гражданин, не повышать голоса и не вмешиваться! Я выполняю приказание... Идемте, гражданка!

— Что за безобразие... Среди ночи! Я тоже с вами!

— Можете идти, но...

Что следовало за этим «но», спутники милиционера могли лишь догадываться. И теперь листья над их головами не просто шелестели, а укоризненно перешептывались, словно кумушки у ворот.

За всю дорогу Инка не произнесла ни слова. Ей казалось, что это не она идет рядом с пожилым сержантом, а кто-то чужой, чувства и переживания которого она никак не могла понять. Она шла оглушенная и безвольная, голоса Алексея и милиционера доходили до нее так, как если бы она слышала их под водой.

Потом, когда оцепенение несколько сошло с нее, она поняла, что Алексей успокаивал ее, говорил, что вызывают, очевидно, просто как свидетеля, что через полчаса ее отпустят и они вместе вернутся домой... Да-да, так оно и должно было быть, она же ни в чем не виновата, наоборот, она, как говорят, сигнализировала. Тех, кто был в шайке дяди Егора, позавчера арестовали, а ее до сих пор даже не вызывали... Да-да, Алеша прав, у нее хотят получить какие-то дополнительные сведения... Но почему ночью? Почему в сопровождении милиционера... Это было непонятно и страшно.

Вот и приземистое двухэтажное здание городской милиции. Странно, она же совсем не сюда ходила тогда!.. Ах, ведь то — областная милиция, областной отдел БХСС! Значит, все передано в городскую...

Алексей остался внизу, возле дежурного милиционера, — наверх не пустили. Он ободряюще кивнул Инке.

Вслед за грузноватым сержантом она поднялась по крутой деревянной лестнице на второй этаж. Все двери походили одна на другую — узкие, обитые черным дерматином. Точно такие же она видела в областной милиции.

Сержант остановился перед одной и, сурово, неподкупно глядя на Инку, быстро поправил галстук, фуражку. Только после этого согнутым указательным пальцем постучал по дверной, наполированной ладонями ручке.

За двухтумбовым коричневым столом сидел мужчина в гражданском костюме, было ему лет сорок, но на вид он выглядел старше — на темени почти не было волос. Сержант доложил ему, что гражданка такая-то доставлена. Тот кивнул: очень хорошо, мол, и попросил ввести Силаева.

Силаева? Постойте, постойте, так это Игорь Силаев? Или однофамилец?

Инка с тревогой смотрела на дверь. А хозяин кабинета из-под припухлых век внимательно следил за Инкой.

Вошел Игорь, весь какой-то опустившийся, помятый после сна. На щеках и подбородке чернела щетина. Сел на предложенный следователем стул и, сложив руки, спрятал их между коленей. С необыкновенной заинтересованностью разглядывал Инкины босоножки из кожзаменителя.

— Кудрявцева, вам знаком этот молодой человек?

— Игорь, ты как попал сюда? — Инка начала догадываться, что или произошла какая-то страшная ошибка, или ее, Инку, действительно впутали в историю с хищением водки. — Как ты попал, Игорь?

Губы Игоря смяла усмешка:

— Наверное, так же, как и ты: под конвоем.

— Вы не знали, что Силаев арестован? — голос у следователя бесстрастный.

— Нет, не знала. — Инка с удивлением посмотрела на следователя. — А почему я должна была знать?

— В каких отношениях вы были друг с другом? Давно ли знакомы?

— Знакомы? Лет пят-шесть, наверное... Просто знакомы... Знакомы и все. Я еще не замужем была, ну, на танцах...

— И только? А вы вспомните получше. Только ли?

— Только.

— И вы не ночевали у Силаева? И он не устраивал вас в двадцать третий магазин? И не сбывал через вас похищенную водку? Вспомните. Хорошо вспомните.

Инка вскочила. Вот теперь ей все было ясно. Остекленевшими глазами она уставилась на Игоря, а он все изучал ее босоножки, сучил между коленей руками и непрестанно покачивался: взад-вперед, взад-вперед, как маятник.

— Игорь! Ты... Неужели ты...

— Я устал страшно, Инна.— Он поправил очки и снова спрятал ладони промеж сжатых коленей. — Я все правильно рассказал...

— Хватит, Силаев!

— Игорь, это чудовищно!

— И за тебя отомстил. Сполна...

— Силаев, я вам запрещаю!

— Игорь...

— Сядьте, Кудрявцева, выпейте воды. — Следователь налил из графина в стакан и пододвинул ей. Сержанту кивнул на Игоря: — Уведите!

Инка, не садясь, выпила всю воду. Вода была ледяная (странно, откуда они такую берут?!), даже зубы ломило. Почувствовала облегчение. Опустилась на стул и с натянутой улыбкой посмотрела на следователя:

— Вы разыграли меня? Это так нужно?

— Почему — разыграли? Все данные за то, что вы соучастница...

— Но я же заявила! Я писала лейтенанту Иванову!.. Я ему деньги отдала...

— Все это правильно, за это спасибо вам. Но вот, — он достал из стола толстую папку, полистал, расправил листы ладонью, — вот послушайте показания экспедитора: «Кудрявцева потребовала, чтобы мы отдавали ей тридцать рублей с каждого ящика. Мы не пошли на это, и тогда она пригрозила: вы, мол, еще пожалеете! Водку она продолжала принимать, очевидно, она еще надеялась, что мы одумаемся, так как уже начали платить ей не по десять рублей, как прежде, а по пятнадцать. И еще она надеялась, что Силаев женится на ней, он обещал ей это, но когда она увидела его с другой девушкой, то опять устроила сцену... Через неделю после этого нас арестовали...»

Следователь поднял голову. Инка сидела бледная и неподвижная, как манекен в витрине универмага.

— А вот показания Силаева, — следователь снова полистал дело и расправил на нужной странице. — Он заявляет... Читать? Может быть, теперь вы чистосердечно признаетесь во всем? — Он подался к ней с участливым и выжидающим видом.

— Это чудовищно, товарищ следователь... Я ни в чем не виновата, это клевета, меня хотят... мне отомстить хотят... Это чудовищно...

Следователь придвинул к себе стопку чистой бумаги, посмотрел на свет перо авторучки — нет ли волоска. Мельком взглянул на вошедшего майора в милицейской форме. Тот молча опустился на стул в сторонке. Пристально смотрел на Инку через узкие стеклышки очков. Он кого-то напоминал Инке, но ей не до него было, и она не узнала в нем отца Эдика — видела один раз, да и то в ночное время, был он тогда в элегантном черном костюме.

Следователь приготовился писать.

— Я запишу ваши показания... Рассказывайте, Кудрявцева, только правду рассказывайте...

Инка несколько раз просила налить воды, пила, стуча зубами о край стакана, и рассказывала. Терла пальцами немеющие скулы, молчала и снова рассказывала. О знакомстве с Игорем. О своем замужестве. О возвращении в город. О случайной встрече с Игорем. О том, как попала на вечеринку и в квартиру Игоря, как он потом помог ей устроиться на работу. Все это так, да, так. Но она совершенно не знала, что он связан с шайкой жуликов... И лишние ящики с водкой она приняла всего четыре раза, после того, как экспедитор обманул ее... И деньги за те ящики она отнесла Иванову...

— А что вы знаете, Кудрявцева, об Эдуарде Окаеве?

— Только то, что он студент и сын нашей директорши... Простите, он, кажется, был приятелем Силаева.

— Какое отношение имел Окаев к хищению водки?

— Я знала только экспедитора.

— Он никогда не заходил к вам в магазин, вы никогда не видели его с экспедитором?

— Нет. Все, что знала, я написала товарищу Иванову...

Следователь отложил авторучку и задумчиво поглядел в темное окно.

— Все это похоже на правду, Кудрявцева. Очень похоже... Я готов вам поверить, совершенно готов... Но, — он почесал пальцем свой массивный лоб, — но вас обличают документы и показания... Вот, видите, ваша подпись...

Акт! Составленный тем парнем. И ее подпись внизу!

— Это ваша подпись?

— Моя.

Ответила не Инка, а кто-то другой, очень похожий на нее, но с иным, охрипшим, голосом. Алексей не узнал бы

этого голоса. Наверное, и ее, Инку, не узнал, если бы не внизу был, а здесь, рядом. Но он ждал внизу...

— А что у вас произошло с шоколадными конфетами?.. Вот вы говорите, что деньги за водку откладывали, возвратили государству. А где вы взяли вдруг такую сумму, чтобы в один день погасить задолженность за испорченные конфеты?

— Заняла.

— У кого?

Алексей ждал внизу. Он ждал, чтобы проводить ее домой. Нет, она не могла впутывать его... А кончики пальцев покалывало, будто они были на холоде. И скулы точно холодом стягивало, они немели.

— У кого вы взяли эти деньги?

— У родственников...

— Вы сказали, что из родственников у вас только брат. Вот его заявление: денег он вам не давал... Может быть, вы перестанете запираться? Только без истерики, пожалуйста...

Инка встала, прямая и тонкая. Сквозь слезы глаза ее с ненавистью смотрели на следователя:

— Не волнуйтесь, в обморок не упаду!..

Следователь нажал кнопку звонка. Холодно показал сержанту на Инку: — Уведите! А вы, Кудрявцева, подумайте обо всем хорошенько...

Дверь бесшумно закрылась, и следователь повернулся к молчаливому майору:

— По-моему, не во всем искренна. Как считаешь? Выгораживает этого командированного... Но за Эдуарда рад! Против него только Силаев показывает. Экспедитор отрицает его причастность к хищениям.

Окаев разжал тонкие бледные губы:

— Этого следовало ожидать, Еремин. Суди логически: мог ли парень, успешно изучающий иностранные языки, работающий летом в студенческих отрядах, любящий

искусство, литературу, материально вполне обеспеченный, мог ли он спутаться с жуликами?

— Пожалуй, ты прав. Но Силаев, ох, этот мне Силаев! Уперся, как бык, на своем стоит: Окаев-де глава группы... Кстати, как себя Эдик чувствует?

— Врачи обещают полное выздоровление, но пока... Ты знаешь французский или английский?

— Немецкий изучал. На фронте.

— Эдя не приходит в сознание, бредит. И все — не по-русски. Ребята-студенты приходили — тоже не понимают... Будто что-то просит.— Окаев встал, глянул мельком в окно, прошелся по кабинету, заложив руки за спину.— Особенно вот это часто повторяет: квиа номинор лео...

Еремин улыбнулся:

— Эта иностранщина именуется латынью. В переводе обозначает: ибо я называюсь лев...

Окаев недоуменно поднял над золочеными дужками очков белесые брови:

— Странно! А ты, стало быть, почитываешь латынь? В аптекари готовишься?.. Извини, шучу. Хотя и не до шуток мне. Будь здоров!..

Еремин проводил майора досадливым взглядом. «Пойдешь и в аптекари, если нарушишь законность. Руки и совесть у нас с тобой, Окаев, должны быть чище, чем у фармацевтов...» Еремину не нравилось, что Окаев словно бы шефство над ним взял — обязательно присутствует при допросах. Об Окаеве шла молва как о работнике честном и бескомпромиссном. А вот коснулось родного сына, и вроде бы подменили человека. Еремин попытался представить, как он сам вел бы себя, если б его сын или дочь очутились в положении Эдика. Неужели тоже оказался бы таким, как майор Окаев? Для родителей даже преступивший закон сын остается сыном, им всегда хочется облегчить его участь...

Перечитал показания Инки, начал читать ответы и объяснения Игоря. И в который раз остановился на его заявлении о том, что Эдуард Окаев послал в Министерство культуры клеветническое письмо на преподавателя музыкального училища. Письмо было отпечатано на официальном милицейском бланке. В результате этого скрипач не был взят в консерваторию. Официально же ему сказали, что он якобы по конкурсу не прошел.

Еремин указывал Окаеву-отцу на эту часть показаний Игоря, тот вначале протянул: «Да-а, серьезную штуку он Эдуарду шьет! — А потом отмахнулся: — Чепуха! Эдя на это не способен... Да и не отделу борьбы с хищениями в этом разбираться, не его компетенция...» Но ведь тут тоже хищение, товарищ майор! Похищена человеческая репутация, человеческое достоинство!..

Как быть? Неужели Игорь Силаев все лжет? Не похоже!

Еремин не мог решить, как ему быть. Поставить вопрос перед начальством о расследовании заявления — значит, бросить тень на майора Окаева. Не с неба же попал к его сыну бланк милиции! Оставить заявление без внимания — совесть мучила.

Он решил отложить на время этот вопрос, пока не разберется в главном: кто и какое участие принимал в хищениях и продаже похищенного.

...Они спустились по той же крутой лестнице, и возле барьерчика дежурного офицера Инка сразу же увидела Алексея. Он радостно шагнул ей навстречу:

— Все?

— Сейчас расскажу...

Инка направилась к выходу, но сержант тронул ее за рукав:

— Не туда...

— Как — не туда? — непонимающе взглянула она на него и Алексея.

— Вам туда велено, — большим изогнутым пальцем милиционер показал через собственное плечо. — В КПЗ, временно, до выяснения...

Инка остолбенела:

— Леша.. Как же это?..

— Вы ошиблись, наверное, товарищ милиционер...

— Не задерживайтесь, гражданка, идемте...

— Но я не виновна... Я не пойду в камеру...

— Это недоразумение, товарищ милиционер... Я сейчас прокурору позвоню...

Алексей и Инка горячо говорили и не двигались с места, только потрясенно смотрели друг на друга, словно им предстояло расстаться навсегда, навечно. Алексей, как заведенный, как испорченная пластинка, повторял одно и то же: «Это недоразумение... Это недоразумение...»

Видать, милиционеру надоела вся эта проволочка, он повелительно взял Инку за локоть:

— Идемте! Некогда мне с вами тут... Не положено!

— Что же это... Алеша!

Алексей рванулся следом, но дежурный офицер встал перед ним.

— Нельзя, — сказал он дружелюбно. — Не положено. Все выяснится, все станет на место... Успокойтесь, товарищ.

— Позвонить-то хотя можно от вас?

Уходя по длинному мрачному коридору, Инка слышала, как Алексей все еще пытался позвонить, а офицер упрямо пояснял ему, что телефон служебный и частные разговоры здесь воспрещены.

Сержант вытащил из кармана связку ключей, отыскал нужный и начал отпирать большой замок на окованной железом двери.

◆

ГЛАВА XX

Состояние Эдика улучшилось, и ему разрешили не только разговаривать, но и садиться на койке. И хотя отец уверял, что до выхода из больницы его никто не будет беспокоить, Эдик каждый день ждал прихода следователя. Он никогда не боялся людей в милицейской форме, потому что с детства представлял милицию в облике отца. А отец был человеком щепетильно честным, справедливым и очень добрым. Слушая его рассказы о разоблачении хитрейших махинаций, Эдик порой сомневался, что это мог сделать его добрейший родитель.

Отцовские подробные, красочные рассказы будили в Эдике не только простое мальчишеское любопытство. Со временем в нем разгорелось желание попытать удачи, померяться силами и хитростью с отцом и его товарищами по работе. Вначале это была захватывающая романтика, а потом — страсть к деньгам, которые давали доступ к красивым женщинам, к поездкам на Черноморье и за границу.

Более трех лет все шло о'кей, как говаривал он Игорю и дяде Егору. И вот... Словно яхта на подводный риф, налетели они на Инку, и она в щепы разнесла их благополучную посудину. Первым шел ко дну Игорь. И топил других, хватаясь за их руки и ноги. У Эдика пока что был спасательный круг: больница, родители и — молчание экспедитора и заведующего складами.

Но порастерял Эдик свое былое самообладание препорядочно. Выглянет из-под больничного белого халата рукав или воротник отцовского темно-синего кителя — и Эдика словно электротоком вдруг ударит. Обессиленно откидывался он на подушку, на лбу выступала холодная липкая испарина. Отец и мать, навещавшие сына всегда вместе, спешили уйти: Эдик утомился, ему нужно отдохнуть...

Когда за ними прикрывалась дверь палаты, он долго смотрел в беленый потолок, на матовый круглый плафон, в котором вот уже несколько дней, изнемогая, билась муха, и ругал себя за излишнюю нервозность. Ведь, в сущности, ему еще ничто не угрожало! Дядя Егор — железный орешек, он не «расколется». А без него никто другой не мог подтвердить показаний Игоря. Стало быть, одному Игорю не поверят. Или сделают вид, что не верят. Ради уважаемых в городе отца и матери...

И все же, все же... Страшно было от одной мысли, что его, Эдуарда Окаева, могут посадить в тюрьму. Это будет катастрофа! Эдик пытался думать о чем-либо другом, но глаза исподволь сторожили дверь. Скрипнет она, и у него холодеет все внутри, дыхание пропадает: не следователь ли? Входили няня, или медсестра, или мать с отцом, и он с облегчением выдыхал воздух, в освобожденной груди звонче и ровнее начинало биться сердце. С завистью вспоминал, какие были раньше нервы, и полагал, что виной теперешней слабости была больница, больничная обстановка. Даже себе не хотелось признаваться, что главная все-таки причина — постоянное ожидание ареста. Отлично знал: однокурсники не ходят потому, что уехали на студенческие стройки в совхозы, но казалось, будто они уже прослышали о его скандальном падении и с презрением отвернулись от него. Знал, Владислав из противочумной станции где-то в степи пропадает, ища среди грызунов и блох возможные очаги черной болезни, но тоже порой думал, что и бывший друг от него теперь открещивается: дескать, чур-чур меня!.. Не приходил Матвей. Альбина вообще исчезла с поля зрения. Приди она в эту скучную стерильную палату, обними его ласково и нежно, как прежде, и, наверное, сразу встал бы на ноги, поправился. Может быть, это и к лучшему, что ее не было в городе. Вдруг не выдержит дядя Егор, выдаст его, Эдика.. Что она тогда подумает о нем!

После обеда Эдик задремал, но вздрагивал и поднимал голову при каждом стуке. Около семи вечера вошли отец с матерью. Мать, покосившись на соседние койки с больными, шепотом справилась о самочувствии, из сумки выложила на тумбочку всякую всячину, даже красноцеких тугих яблок где-то раздобыла. Закончив эту процедуру, большими влажноватыми глазами преданно уставилась на бескровное узкое лицо сына, на белую чалму бинта, обмотавшего его голову. Подглазья ее были темны, налились мешочками. Подряблела кожа под широким подбородком, набиралась гармошкой, когда мать опускала голову. Знать, нелегко дались ей минувшие денечки...

— Да! — воскликнула она вдруг громким шепотом, хлопнув себя по расставленным, туго обтянутым яркоцветастым платьем коленям. — Матвея сегодня встретила. Представь себе, сынуля, он ровным счетом, он совершенно ничего не знал и не ведал! Уж он так сокрушался, так сочувствовал! Просто жалко было на него смотреть. Такой славный парень. И только этому дураку Игорю могло прийти в голову, что вы с ним в ссоре, что ты...

— Белла!

— Господи! — проворно повернулась она к мужу. — Ну почему я не могу этого сказать?! Ну почему я обязана скрываться от родного ребенка?

— Но я прошу тебя...

— Ты лучше не проси меня, ибо ты никогда не рожал своего собственного ребенка!.. Тот глупый Игорь заявляет, будто ты, сынок, ты, — она с пафосом подчеркнула это «ты», тем самым отметая всякие сомнения в порядочности сына, — ты якобы оклеветал Матвея!..

Будь Белла Ивановна повнимательнее, она заметила бы, как посерело и словно бы еще более удлинилось лицо сына, как худые пальцы стиснули край простыни, прикрывавшей его по грудь. А Окаев-старший заметил и все понял.

— Ладно, мать, пойдем! — тяжело поднялся он, чтобы за порогом больницы сказать ей: «Да, мать, проворонили мы с тобой сына!..» Он торопил ее: — Идем-идем, ты ведь и здорового заговоришь, не только больного. Пусть отдыхает...

Они ушли, а Эдик спохватился: почему ничего не спросил, о какой клевете шла речь? Надо было дать понять, что никакого представления не имеет о ней. Его молчаливое замешательство родители могли истолковать не так, как надо.

Неожиданно в палату вернулась мать. Она держала в руке распечатанный конверт.

— Я такая рассеянная стала, я просто ужасно рассеянная... Письмо тебе, от друзей... Они там строят будущее, а ты вот... Чуть жив остался... Кто бы мог подумать, что этот Игорь такая дрянь, такая дрянь...— Белла Ивановна подала письмо, прижала надушенный платочек к одной щеке, к другой, промокая случайную слезу. — Поправляйся, милый, завтра придем... Все поправляйтесь, товарищи! — откланялась она палате.

Писали сокурсники. Строили они кошары и жилые дома на ферме дальнего совхоза, что на самом юге области — триста километров от города. Письмо дышало студенческим оптимизмом, но Эдик-то знал, каково приходится парням и девчатам на той адовой ферме, где жара достигает в полдень пятидесяти градусов и от нее бесятся собаки, где воду привозят в цистернах за десятки километров и она чуть ли не кипит, когда ее сливают в бочки и ведра.

«...Все отлично, дружище! Закон прежний: «Не пищать! Бери больше, кидай дальше, пока летит — отдыхай!..» И если нам чего не хватает, так это тебя. Наша боевая «Верблюжья колючка» засыхает без твоего остроумно-ядовитого редакторского пера. Выздоравливай скорее и — приезжай!

Девчонки лобзают тебя, а хлопцы тайком смахивают скупую мужскую слезу...»

— Что хоть пишут? — поинтересовался старик с ногой в гипсе, задранной вверх. — Строят, поди?

Строят, — нехотя отозвался Эдик, пряча письмо в конверт. Муторно было у него на душе. В конце своего строительного семестра ребята получат по четыреста-пятьсот рублей, а он это время пролежит с дырой в башке. Дыра в башке, дыра — в кармане. По милости «лучшего» друга. Еще хорошо, если этим все кончится, если не пригласят на скамью подсудимых. И будет тогда все потеряно. Все!..

И тут еще Матвей. Эдик с тревогой поглядывал на дверь. Мать сказала, что Матвей обещал обязательно наведаться сегодня. Знает он о доносе или нет?..

Матвей вошел, когда Эдик уж и ждать перестал. В снежно-белой накидке он казался еще красивее со своей черной круглой бородкой и серыми спокойными глазами. Он сдержанно поздоровался со всеми, присел на краешек стула.

— Да-а, как же это вы?.. А еще львом назывался...

Эдик в улыбке скривил тонкие лезвия губ. Глаза оставались глубоко спрятанными в ямах-провалах, поблескивали оттуда, как настуженные осколки стекла.

— Бутылкой и настоящему льву можно проломить коробку... Как там, на воле?

А глаза мерцали, бегали: знает или не знает Матвей о письме в Министерство? По выражению лица — вроде бы не знает.

Матвей знал. Он добился свидания с Игорем, и тот рассказал ему о выходке Эдика.

— На воле как? На воле птички поют, Владислав на «москвиче» катается...

— Он в городе?

— Полчаса назад видел его..

— Что ж... не заходит?

Матвей усмехнулся:

— Он ведь со странностями. Он и к Игорю не идет. Говорит, с подонками и знаться не хочу.

— Я-то при чем?— Эдик представил, как Владислав сказал это смачно, выразительно. Повторил: — Я-то при чем?

— Не знаю, не знаю, право, — снова как-то непонятно усмехнулся Матвей, еще больше настораживая Эдика.— Со странностями человек.

— Альбина где?

— Право, не знаю.

И опять выражение его лица показалось Эдику загадочным. Он повернул голову в сторону от Матвея, закрыл глаза. И сразу же ему представилась Альбина, обнимающая Матвея. Ему стало жарко, и он сбросил с себя простыню, обнажив свое длинное костлявое тело в зеленой майке и черных трусах. Хрипло, словно при неутоленной жажде, проговорил:

— Получилось, и сам не гам, и другому не дам. Я-то думал, смежность профессий. Искусство сблизило. А вы...

— Да, мы, — с театральным вздохом согласился Матвей. — Мы не то, что вы... Вы бутылками колотитесь. За что он тебя?

«Наверное, все знает, собака! — нервничал Эдик и возле острого колена комкал край простыни. — Неужели знает?.. Н-ну, Игорь, н-ну, кретин! Ты у меня еще потанцуешь на горячей сковородке.. Я тебе не прощу всего этого...»

— Что слышно об Игоре?

— У тебя ведь, кажется, папаша в милиции работает? Тебе больше знать о компаньоне...

— Ты пришел пакости говорить?

— Не-ет, я против пакостей. Владислав вот советует писать куда следует насчет того...

— Насчет чего? — вскинулся Эдик, чувствуя, как кровь ударила в лицо и застучала в виски.

— Да насчет моих недостатков... А я не хочу писать. Все равно теперь в консерватории место занято.

Эдик долго лежал с закрытыми глазами, дыхание его было частым, неглубоким, пальцы рук судорожно переплетались, будто спички ломали. Наконец разомкнул тонкую линию рта:

— С Игорем меня не смешивай. Я умел честно зарабатывать... А насчет письма... я ведь любил Альбину. И люблю... Я никогда тебя ни о чем не просил. Сейчас прошу. Не говори никому...

— И даже Альбине? — Матвей вынужден был склониться почти к самому лицу Эдика, чтобы слышать, что тот горячечно шепчет, покашиваясь на соседские койки.— Она ведь моя жена. Опять зачислена в труппу нашего театра... Малость непутевая, но что поделаешь — люблю!

Эдик приподнялся на локте, с ненавистью смотрел в красивые серые глаза Матвея, словно хотел сломить чужой спокойный, чуточку насмешливый взгляд.

— Платон мой друг, но истина дороже, — утверждающе качнул головой скрипач. — Не считаю нужным что-то скрывать... А это вот от Альбины. — Он положил на тумбочку небольшой пакет. — Просила передать...

Эдик отвернулся к стене, положив руку на забинтованную голову, ссутулив костлявые плечи. Матвею стало даже немного жаль его.

— Прости, Окаев, я был жесток, но — истина дороже. Я не хотел тебе зла... Поправляйся. Надеюсь, не последний раз видимся.

Матвей давно ушел, а Эдик все лежал, отвернувшись к стенке, закрыв глаза. Болезненно пульсировала кровь в подживающей ране. Ломило в висках от неистово стис-

нутых челюстей. Он не хотел разворачивать пакет Альбины, он догадывался, что в нем. Эдик достаточно хорошо знал актрису. В пакете — перстень и янтарное ожерелье.

◆

ГЛАВА XXI

Следователь капитан Еремин сидел в своем кабинете и бесцельно листал распухший том уголовного дела о хищениях на ликеро-водочном заводе. Первоначально, когда Еремину поручили заняться им, оно показалось ему чрезвычайно легким. Ведь достаточно было задержать машину экспедитора и сверить наличие водки с накладной, чтобы схватить жулика за руку. Но уже после ареста дяди Егора он увидел, насколько все сложней, чем думалось. Экспедитор от всего отпирался, говорил, что лишние ящики оказались в машине по какому-то недоразумению, видимо, ему нарочно подсунули их, чтобы опорочить его, «подвести под монастырь». И дядя Егор плакал искренными обильными слезами: «Сроду я, товарищ следователь, никому зла не делал, сроду врагов не имел... Кто ж это меня решил со свету изжить?!»

Пришлось привлечь целую группу оперативных работников, пригласить опытных ревизоров. И только после этого да после ареста Силаева клубок начал мало-помалу распутываться. Прижатые фактами, изъятыми поддельными документами, обвиняемые стали признаваться и валить все один на другого с торопливостью, которая объяснялась немудреной формулой: своя рубашка ближе к телу. Чистосердечными были две продавщицы, вахтер, бухгалтер. Путали, темнили лишь экспедитор и рыжий, с охальными глазами заведующий складами Пичугин, но потом и они признали свою вину. Однако Эдика Окае-

ва Пичугин, по его словам, совсем не знал, а экспедитор лишь головой осуждающе качал: зачем же клеветать на честного человека?!.. И все же Еремин намеревался сходить в больницу, хотя Окаев-отец категорически возражал против посещения: «Парень болен, а ты к нему с такими вопросами... Говорю же, не пойдет он на преступные связи...» — «А клеветническое письмо на скрипача?..» «И на это не пойдет, — сказал Окаев, но не с такой уверенностью. — Та клевета оборачивается против него клеветой...» Еремин искренне посочувствовал майору, но деликатно попросил больше не вмешиваться в следствие по делу о хищениях с ликеро-водочного. «Вы становитесь необъективными, товарищ майор,— сказал он ему.— Я вас прекрасно понимаю, но... прошу: не мешайте следствию!..» Окаев вспыхнул: «Не много ли на себя берете, Еремин?» И после этого при встречах здоровался сухо, холодно, а чаще — вообще словно бы не замечал сослуживца.

Узнав у лечащего врача о состоянии Эдика, Еремин сходил к нему в больницу. Эдик лежал белый и холодный, как снег. «Вы слишком плохого обо мне мнения, товарищ следователь! — вполголоса цедил он в ответ на вопросы Еремина. — Может быть, вы что-то с папой не поделили?.. Да, я написал на скрипача, написал на бланке, забытом папой. Написал, ибо люблю эту женщину. Но насчет того — нет, к жуликам вы меня не шейте! Не надо, товарищ следователь, вы же коммунист!..»

Да, против Эдика действительно не было веских улик. Но Еремину не верилось, чтобы мешковатый, опустившийся Силаев так искусно оговаривал прежнего дружка. Еще большее сомнение в чистоте Окаева-младшего вызывала клевета на скрипача. К сожалению, ответа на запрос в Алма-Ату еще не было. Впрочем, Эдик ведь и не отвергал собственного авторства, совершенно справед-

ливо полагая, что это не приобщишь к хищениям винно-водочных изделий.

Разоблачение Эдика мало что добавило бы к делу, которое вел Еремин, и можно бы, отмахнувшись от Окаева-младшего, поставить точку. Однако Еремин не торопился ее ставить. В своей работе он больше всего любил эту маленькую точку, после которой на душе было ясно и покойно. Лишь после такой точки он был уверен, что дело не возвратят на доследование. В данном случае точкой должны были стать Эдик и Кудрявцева. Еремин, поразмыслив, понял, что, хотя ее и оговаривают все, кроме Силаева, она не виновна в преступлениях. Но его смущал акт, составленный на Кудрявцеву. Интуиция следователя подсказывала: здесь что-то не так! До сих пор не установлено, кто составил этот акт. Похоже, актом хотели сначала припугнуть Кудрявцеву, а уж затем приручить, вовлечь в компанию. Но кто писал его? Значит, не все преступники взяты...

С другой стороны, вполне возможно, что акт составлен порядочным, честным человеком. Тогда не так чиста и невинна Кудрявцева? Возможно, она поторопилась заявить в органы, чтобы уйти сухой из воды? Нет-нет, он не мог ошибиться! Да и свидетели за нее. Заступников у нее оказалось вдруг много, хотя и работает лишь полгода...

Пришел работник противочумной станции и положил перед ним письменное заявление, в котором рассказывал, как он вместе с Кудрявцевой разыскивал экспедитора, похитившего ящик водки. Он полагал, что Кудрявцеву опутали ловкие мошенники. Еремин спросил, откуда тому известно о деле мошенников и Кудрявцевой, тот с готовностью пояснил, что тогда же обещал заехать к ней за коньяком и хорошими папиросами. Заехал, а Кудрявцевой нет. Сменщица и рассказала все подробно.

И здесь эта напарница, эта тихоня! Ее он тоже при-

глашал. Не вошла, а робко протиснулась в щель между косяком и дверью. Так же робко и тихо опустилась на предложенный стул, ладошки положила на плотно сдвинутые, прямо поставленные коленки. Суровее, чем, может быть, следовало бы, повторил привычное: о правдивости свидетеля, о судебной ответственности за ложные показания, о том, что следствие опирается на силу и помощь общественности. Клава кивала, напуганно кивала. Так, по крайней мере, казалось Еремину. Часто шмыгала носом. У нее на кончиках ресниц, думалось, всегда дрожали слезы... Спрашивать стал более мягко. Она не отводила глаз от его лица, хотя, наверное, видела его сквозь поволоку.

— Что вам объяснять... Вы и сами знаете, что напрасно... Инна — правильный человек, а вы ее... Вы,— Клава взглянула на его голое темя, — вы пожилой человек, а разбираться в народе ни капли не умеете.

Еремин вдруг рассмеялся и отошел к окну. Его рассмешило то, что назван был пожилым человеком. Ох уж эта лысина! В сорок лет старцем сделала.

Перестав смеяться, повернулся к неподвижной Клаве. Глаза у нее были совершенно сухи, а щеки горели от малиновых пятен. Еремин пожалел, что так некстати засмеялся.

— Очень защищаете... Подозрительно защищаете, словно пополам делили выручку.

— Вы бы делили, да? Нет, товарищ следователь, не делили, нам нечего было делить. Этот преподобный экспедитор и мне предлагал, да я отказалась... Только жаль, струсила вам заявить, а Инка не струсила, вот вы ее и взяли... Ох и шустрые, прямо не знаю, как сказать вам еще!..

Вспоминая, Еремин улыбнулся: вот тебе и тихоня!

Но не одна такая ярая защитница нашлась. Вчера явилась к Еремину бабка, у которой жила Кудрявцева.

И такой тарарам учинила! Какая-то полусумасшедшая старуха, ей-ей. По ее уверениям, Кудрявцева — самый святой человек на земле. Дескать, не там воров, ищете, добры молодцы, не тех ловите, у девчонки всего-то богатства — дитё, а вы ее в каталажку... Еще вы, мол, тут ей сто двадцать рублей приписываете, так это она, хозяйка квартиры, одолжила на время, чтобы та рассчиталась. Еремин только головой покачал: до чего можно дойти, бабуля! Ведь те деньги из других рук получены, от другого человека... Врала бабка, выгораживала с чистехоньким сердцем.

Неожиданной стороной поворачивались перед Ереминым люди. Они и радовали его, и удивляли, и нередко злили. Ну вот эта старуха. Зачем она говорила то, чего не было?! А если б Кудрявцева в самом деле была крупно замешана? Тогда как? Ведь многие факты против нее! Показания соучастников. Обвешивание. Халатность. Грубость. Но в то же время — лично заявила о жуликах. Полученные от экспедитора деньги принесла...

Прокурор звонил: не перегните! Иванов из областного отдела тоже: не перегните! Все это — работа ленинградца. Никому покоя не дает. Ну молодец! Не тряпка какая-нибудь. Раз пять приходил. Злой. Перекаленный. И только однажды разошлись черные, будто сажей намазанные брови, даже улыбнулся. Это когда узнал, что Инке в вину ставятся сто двадцать рублей, внесенные в кассу за испорченные конфеты. «Разве она не сказала, что я дал? Ну и чудная же... Узнаю Инку!..»

Еремин решительно захлопнул «дело», которое листал, и позвонил дежурному:

— Приведите, пожалуйста, арестованную Кудрявцеву!..

Инка вошла и остановилась у порога. Еремин из-под припухлых век всматривался в нее и пытался вспомнить, какой она была, когда впервые переступила порог его

кабинета. И не мог вспомнить. Он видел ее ежедневно, и перемены в ней были незаметны для него. Вот у бухгалтера мешки под глазами налились, он с неимоверной быстротой обрастает щетиной. Видны перемены у экспедитора — глаза постоянно слезятся, как у больной собаки. Перестал умываться. А у этой — все прежнее, вся она та же: неприступный заносчивый вид, презрение во взгляде, завидное самообладание...

— Подойдите к столу, Кудрявцева... Распишитесь вот здесь... Нет, тут вот...

— Вы меня освобождаете?

— Да.

— Значит, верите? — Инка расписалась и положила ручку. — И надолго?

— До суда. Суд решит.

— А вы так и не решили?

— Если б не решил, то не отпустил бы. Так нужно было, товарищ Кудрявцева. Но будьте осторожны. Я полагаю, мы не всех взяли. Сомнение вызывает личность, составившая акт. Вы опознаете того человека, если встретите?

— И через сто лет узнаю!

— Ну и отлично. Помогите нам с ним познакомиться... А меня, — Еремин неловко улыбнулся, — извините меня за пристрастность. Такая работа. Лучше перепроверить лишний раз, чем выпустить преступника на волю... Спасибо вам за огромную помощь. Желаю вам всего наилучшего!

Он подал ей руку. Она тоже протянула свою, а сама думала о том, что говорил следователь длинно. Наверное, никогда не бывал в ее положении, иначе в минуту бы окончил все эти формальности, и она давно бы вышла из этой мрачноватой комнаты с зарешеченным окном.

Инка ушла, не выдавая ни волнения, ни радости.

А следователь с высоты второго этажа смотрел на

жаркую солнечную улицу. Он видел, как переходила улицу Инка. И теперь вдруг заметил, что продавщица крепко изменилась. Недорогое штапельное платье, сильно помятое пребыванием в КПЗ, свободно болталось на ней, словно купили его на взрослого, а надели на подростка. Под ним шевелились худые лопатки, а в глубоком разрезе ворота, когда оглянулась и поглядела на здание, виднелись выпуклые тонкие ключицы и ложбинка между маленькими грудями. В руке ее покачивалась связка книг. Дежурные говорили, что она все время сидела в углу и читала с темна до темна. Приносил их ленинградец... Немного странный подбор литературы...

Еремин отошел от окна со смешанным чувством досады и неудовлетворения:

— Лучше перепроверить лишний раз, чем лишать человека свободы хотя бы на один час!.. А подбор книг странный... «Манон Леско»... Надо прочитать как-нибудь...

Не знал Еремин, что эта книга о замечательной любви. А ведь Инка была влюблена, впервые по-настоящему. И потому читала сейчас книги о любви. Они ее поддерживали.

◆

ГЛАВА XXII

Инка с отвращением бросила платье в угол. Ей казалось, что оно пахнет дустом и всем тем устойчивым, тяжелым, чем насыщен воздух камеры предварительного заключения. Раздевшись, она ступила босыми ногами в большой эмалированный таз и, черпая из ведра кружкой, начала лить на себя горячую воду.

Бабка сидела возле кухонного стола и сокрушенно покачивала головой:

— Ох и костлявая ж ты стала, чисто кляча заморен-

ная! Ай вас там не кормили?.. Теперь как же? Будешь работать иль вовсе уволят?

— Если не посадят...

— Ай посадить грозятся?!

— Запросто...

— Так уж и запросто! Руки коротки... Коли что — живи и без денег, не обеднею.

— Спасибо. В долгу не останусь...

Инка торопилась. Ей многое предстояло сделать. В первую очередь — к Леночке, к доче милой. Потом в контору магазина. И — к Алексею, к Алеше! Может быть, ему уже сообщили, что она на свободе. А какая свобода? С крючком...

Мимо окон кто-то прошел. Всполошившаяся бабка заторопилась в сенцы:

— А мы и не заперлись! Накинься чем ни то!..

Инка шагнула из таза и, взяв мохнатое полотенце, прошла в горницу. Обтиралась перед старинным, в пятнах трюмо и напрягала слух: кто там? Не милиционер ли опять? А может, Алеша?.. И видела себя в зеркале. Действительно, одни мослы остались! Да глаза. Синие, холодные, как тень на снегу. Точно такие были у Николая, когда она приехала в город, тогда, в марте... А сердце, сердце! Неужели из милиции пришли?! Почему никто не входит? Ненормальной можно стать!..

И услышала топоток детских ножек.

— Мама! Мамочка!..

Метнулась навстречу, подхватила свою дочу, прижала к себе. Леночка обвила ее шею и целовала, целовала, повторяя одно и то же:

— Мама, мамочка... Миленькая мамочка... Я не отдам тебя, мамочка... Ты самая хорошая, и ты не воровка, мамуленька миленькая... Я никому-никому не отдам тебя... Он про тебя обманывал, мамочка. Он хотел увезти меня, он сказал, ты воровка и тебя в тюрьму посадят...

— Я не оставлю тебя, доча, не оставлю, успокойся... Мы всегда-всегда будем вместе...

Инка подняла глаза и увидела на пороге горницы Григория. Лицо мужа выражало самые разнородные чувства: смятение, досаду, восхищение... Рядом были его жена и дочь, а он не мог сделать ни шагу. Наверное, его плохо держали ноги, он прислонился к дверному крашеному косяку. Из-за его плеча выглядывала сгорающая от любопытства бабка.

— Выйди! — резко сказала Инка. — А то растаешь...

Григорий послушно повернулся и вышел во двор.

Инка кое-как уговорила Леночку сойти с маминых ручек. Набросила на себя ситцевый халат и быстро вытерла полы в задней комнате. Понесла выплескивать воду из таза. Леночка не отставала, держась за ее халат и семеня рядом полными ножками.

— Может, подвинешься?..

Сидевший на пороге сенцев Григорий поспешно отодвинулся, пропуская их во двор. Где-то за домом Инка выплеснула, поставила таз к стенке и, сняв с плеча влажное полотенце, бросила его на бельевую веревку, натянутую между двумя молодыми кленами.

— Значит, за старое?

— Я ж не думал, что тебя отпустят... На работе сказали... Что ж, в чужие руки ребенка, по-твоему?

Инка опять прошла мимо него, держа Лену за ручку. Минут через пять она появилась уже в том, еще девичьем, из черного бархата платье с открытым воротом. На улице было жарко, и Григория удивило, что Инка надела именно это платье. Но тут же вспомнилось: насчет одежды у жены всегда было негусто, мать всегда поднимала бучу, если Инка покупала что-нибудь для себя. Только что он намеревался снова просить ее вернуться домой, но вспомнил вот это и понял: говорить о возвращении нет смысла... А ее, выходит, выпустили? Выходит, она не виновата?

Или глазки следователю построила? Она ведь все может!..

Скрипнула высокая, в полтора человеческих роста калитка из прозеленевшего теса, отвела свою короткую тень к стене.

— Иннушка!

— Алеша...

Она застыла, сжав руку дочки, а он почти бежал к ним. Григорий узнал его. Высокий, белокурый — это он тогда подал с теплохода руку Инке. Он шел с ней по глухим улицам, обнимал и целовал. Он и сейчас поцеловал ее в губы и пристально, долго глядел в глаза. Только потом, кажется, увидел Леночку, присел на корточки: «А ты уж совсем большая, Ленуша!»

В это мгновение он встретился взглядом с Григорием. Поднялся, с черно-бурачного от гнева лица Григория перевел вопросительный взгляд на Инку.

— Познакомьтесь, это мой бывший муж...

— Алексей...

Но протянутая Алексеем рука повисла в воздухе. Григорий, кажется, и не заметил ее. Он по-прежнему сидел на порожке и снизу вверх смотрел на растерянного Алексея. И если б он видел сейчас со стороны свое лицо, то не нашел бы на нем ни губ, ни носа. Это была белая маска, на которой боль и ненависть стерли и омертвили черты.

— Н-ну... я бывший... А ты кем будешь?

— Я? Вам, должно быть, известно уже...

— А ей? — Григорий кивнул на Леночку, испуганно прижавшуюся к Инке.

В открытом окне горницы, за геранью и столетником маячило лицо бабки. Алексей догадался, что она с великим нетерпением ждала скандала. Это же подумала и Инка. Она подняла Леночку на руки и встала между мужчинами:

— Хватит вам людей смешить!

Григорий не слышал ее. Он раз за разом тянул папиросу, жадно глотал дым:

— Небось, жена и детки есть? Есть, да?.. Детки папку выглядывают, а мамка носки папкины постирывает, супчик разогревает... Угадал? А папка вокруг чужих мам крылом чертит... — Григорий поднялся и поверх Инки уставился на Алексея, не говорил, а будто откусывал слова: — Вешать таких надо... Стрелять на высоком яру!

— Мамочка!

— Ну-ну, доча... Идемте со двора. Я и не думала, Кудрявцев, что ты так ужасно ревновать можешь. Я думала, ты только из подворотни...

Вчетвером вышли за калитку.

От августовского послеобеденного зноя деревья стояли над высыхающими арыками квелые, неподвижные, кое-где листва на них тронулась желтизной. На нижних ветках тополя сидела разомлевшая молчаливая стайка воробьев. Они распустили крылышки и учащенно дышали полуоткрытыми клювами.

То ли воздух звенел от зноя, то ли у Инки в голове звенело. Будет ли у нее когда-нибудь спокойная человеческая жизнь? А что такое — спокойная, человеческая? Жарко — опусти крылышки, как вон те воробьи, морозно — ищи гнездышко потеплее... Так? Алексей однажды сказал: «Человек должен быть как туго натянутая тетива. Только тугая тетива способна послать стрелу к цели. Слабая — мертва...» Порой он выражался несколько высокопарно.

На углу Инка остановилась и, пересадив Леночку на другую руку, насмешливо посмотрела на спутников:

— Ну, что? В ресторан? Или рукава будете засучивать?

— Пожалуй, ты оставь нас, Иннушка. У нас мужской разговор будет. Да и Леночка... не следует ей... Верно, Григорий?

Григорий, разминая папиросу, отвернулся. Не находил нужным отвечать.

— Да, мы уйдем с дочей...

Инка остановила на Алексее долгий, многое, очень многое говорящий взгляд. Она хотела, чтобы Алексей понял ее. Но понял не только он: у Григория под смуглыми, обшелушившимися скулами выдавились желваки, а в потемневших глазах застыла дремучая безысходная тоска, как у обреченного животного.

— Мы пошли, — сказала Инка и не трогалась с места.

Мужчины молчали. Если б мог кто-нибудь заглянуть в их души!

— Ну, мы пошли, — опять сказала Инка. — В контору пойдем... Вы здесь без глупостей...

На этот раз она действительно пошла, медленно и нерешительно.

По-разному провожали ее глазами мужчины, но одинаково думали о ее последних словах: «В контору пойдем...» Они сказаны лишь для одного.

Алексей мельком взглянул на Григория: зубы стиснуты, а лицо красное, словно Григорий только что вымучил себя тупой бритвой. Прислонился к дереву и перевел глаза на удаляющуюся Инку.

Инка дошла до конца квартала и свернула за угол. Она так ни разу и не оглянулась. Ее давно не было на углу, а в глазах Алексея она все еще шла с Леночкой, как запечатленная на пленке...

Он не сразу понял, что Григорий обращается к нему. А тот протягивал пачку папирос:

— Закуривай, пижон, полегчает!

— Спасибо, спасибо! — автоматически поблагодарил

Алексей, неумело прикуривая от папиросы Григория. Затянулся и раскашлялся. — Крепкие!

— Не по ноздре? — Григорий помолчал. — Вижу, любишь ты ее... А только не отдам я тебе Инку, пижон. Хватка у меня крестьянская. Говорят, кулацкая хватка... Пускай говорят, но из моих рук не вырвешь. Это я, ишак, поначалу сопли распустил... Лучше, пижон, не становись поперек. Она мне законная жена, и у нас с ней девчонка общая. Понял, пижон?!.

У Алексея от курева кружилась голова, но Григория он видел и слышал отлично. И удивлялся его спокойствию, его жесткой рассудительности.

— Я решил начисто перебазироваться в город. С родителями полный конфликт получился... Ничего, перемиримся! На то они, пижон, и родители. А у нас тоже девчонка, дочка общая, понимать это надо...

Алексей бросил недокуренную папиросу — во рту было сухо и горько, будто сухой полыни пожевал. А Григорий тянул и тянул свою папиросу, с такой яростью тянул, что искры сыпались. Глаза в одну узкую линию смеживались, немигающе смотрели в пространство перед собой, в котором недавно была Инка. И Алексей подумал о том, что Григорий так и не понял, не узнал характера своей бывшей жены.

◆

ГЛАВА XXIII

На Углу Инке очень хотелось оглянуться. Оглянуться и махнуть Алексею. Но если б он стоял там один! Инка непроизвольно стиснула Леночкину руку, та даже вскрикнула. Инка вскинула ее на руки и свернула за угол. И жалела, что ни разу не обернулась: как они ведут себя? О чем говорят сейчас? Как говорят? Григорий, если взбесится, он ведь что угодно сделает... Но Алеша придет

к конторе, ее слова к нему относились, это всем троим было понятно.

Инка то несла Леночку на руках, то опускала на тротуар и счастливо и горько любовалась ее раскрасневшимся личиком, ее бесконечным лепетом. Она покупала ей газированную воду, сласти, мороженое. А Леночка говорила, что папка тоже покупал ей сегодня и конфеты и мороженое, но что он все равно плохой, потому что он обманщик, он неправду о маме сказывал...

Инка грустно и задумчиво улыбалась.

Рядом с дочкой как-то затушевывалось и минувшее, и будущее. И лишь иногда подкатывала боль: а вдруг все-таки посадят, а? Да нет же, нет! Следователь извинился даже... Нет!

Чем ближе она подходила к конторе магазина, тем больше робела: как встретят? Никто, наверное, и руки не подаст: воровка, с шайкой связалась, гнать в три шеи!.. Совсем отпустили?.. Возможно... М-м! П-понятно... И глаза — в сторону, в сторону! Неприятно все же встречатьс взглядом с человеком, которого по простоте душевно считал и передовиком, и честным...

Как на грех, народу в конторе — полным-располно. Забыла Инка, что сегодня день получки. Все свободные от работы продавцы пришли, вся бухгалтерия здесь. Легче сквозь землю провалиться, чем перенести через порог отяжелевшую ногу!

И Инка, открыв дверь, остановилась. На нее никто не обратил внимания. Вокруг огромного стола главного бухгалтера возбужденно толпились и шумели знакомые продавщицы. Похоже, они наперебой что-то подсказывали Клаве, которая, низко склонив голову, сидела за столом и старательно писала.

Инка вслушалась и, сначала с ужасом, а потом с подкашивающей радостью, поняла, что это — о ней.

— Пиши, Клавка: за месяцы совместной работы мы узнали Кудрявцеву как честного...

— Принципиального!

— Очень культурного работника прилавка...

— Девочки, еще можно так: Кудрявцева творчески относилась к своему делу...

— Суд должен объективно...

— Ты еще суд поучи!

— Девочки! — Инка шагнула в комнату, держа за руку оробевшую Леночку. — Здравствуйте, девчонки...

Наступила тишина, какая бывает перед дождем в степи. У Клавы лицо стало плаксивым, она беспомощно оглянулась на подругу:

— Миленькие, да это же Инка! — кинулась к Инке.— Родненькая, а мы ж тут... Легка на помине...

Инка плохо видела перед собой лица. Видела только влажные, торжествующие, сияющие глаза. И еще — поцелуи. Поцелуи и тысячи восклицаний. Затормошили, завертели, оглядывая ее со всех сторон. Из рук в руки покочевала Леночка, заласканная и присмиревшая.

А у Инки ушли все силы. Она опустилась на стул, глядела на радостные смеющиеся лица и не видела их. По щекам ее текли и текли слезы, она обтирала их ладонями, а они все текли.

Клава нагнулась, обняла Инку за худые обострившиеся плечи:

— Зачем же ты, ну зачем? Выходи на работу. Все хорошо, все же хорошо будет. Коллектив тебя на поруки берет. Ну перестань ты! — Она сунула ей зеркальце. — Ты посмотри на себя!

Инка вытерла глаза и глянула в солнечный квадратик: испятнанные губной помадой щеки, лоб, подбородок. Продавщицы смеялись: их работа!

Инка полезла в сумочку за платком.

— Я и не плачу... Просто не ожидала.—И вдруг насто-

роженно, недоверчиво подняла лицо: — На поруки? Почему — на поруки? Разве я... Спасибо вам, но такое... Не подходит мне такое. Я не крала и не присваивала.

В комнате стало тихо. Потом кто-то нерешительно промолвил:

— Ну, на всякий случай, знаешь...

«На всякий случай»! — Инка передернула плечами. На всякий случай ее уже продержали неделю в КПЗ. Нет! Никаких случайностей! Все должно быть ясно и справедливо.

Наверное, все в конторе заметили, как осунулось ее лицо, еще минуту назад веселое и зарумяненное. И глаза, синие, весенние, наполнились стужей, потемнели. Но заговорила она сдержанно, почти не изменившимся голосом:

— Тут вы не все продумали, девчонки... На поруки — значит, пятно на мне. Нет, девочки, нет!

— Ну, господи, о чем спорить! — Клава с преувеличенной беззаботностью шмыгнула носом. — Тебя ж совсем отпустили?

— А вы как думаете?

— Да так и думаем! Ну и никаких порук, все ж ясно-преясно. Заступай завтра в первую смену, нет, во вторую. Ты еще, поди, не очухалась?

— Очухалась, Клавдюша, очухалась! — Инка облегченно засмеялась и приткнулась к Клавиному плечу. — Я устала от безделья... А Белла Ивановна не против?

Она постучала в дверь кабинета, потянула за пластмассовую ручку.

— Можно?

— Что за вопрос, Кудрявцева! В любое время! — Белла Ивановна поднялась и, держа дымящуюся сигарету между кончиками указательного и среднего пальцев, взяла Инку за плечи, повернула перед собой. — Ничего, были бы кости, а остальное нарастет... Очень я рада за

тебя... Ведь я так и знала, я совершенно точно знала, что ты непорочна, как и мой сын. Вы с ним слишком чисты, чтобы лезть в эту поганую яму. Садись, милая, обязательно садись, и я погляжу и непременно порадуюсь на тебя!

Теперь Беллу Ивановну было трудно остановить, и Инка молча смотрела на нее. Директор сдала, что было заметно. Инка вспомнила, какую Белла Ивановна характеристику написала для следователя. Получилось, что она, Инна Кудрявцева, чуть ли не самый образованный и талантливый работник двадцать третьего магазина! А сколько Белла Ивановна вообще сделала для нее: прописка, устройство на работу, устройство Леночки в круглосуточный детсад... Пусть по просьбе Игоря, но сделала же, помогла! И сколько раз оберегала ее, не давала в обиду... А вот сына не уберегла. Конечно, Эдик на свободе, но лучше ли это для него — неизвестно. То, что она узнала о нем, ошеломило ее. Подобного Инка не могла и думать раньше. И ей было досадно от того, что ошиблась в нем.

Но мать, по-видимому, и сейчас продолжала ошибаться, потому что об Эдике говорила и говорила, почти без умолку. И выходило, по ее словам, что он самый примерный сын. Очень часто материнская любовь к детям слепа. И еще чаще — дети кощунственно обманывают эту любовь и предают ради личных, порой очень ничтожных побуждений и прихотей.

Так получилось в семье Окаевых, так получилось и у Силаевых. Вспомнилась мать Игоря: «Слегла, наверное... Обязательно зайду к ней... Нет, Игорь все-таки лучше, чем Эдик. Бедная старушка. Сколько горя людям через меня... Через меня? Больно ловко, если через меня! Не я учила Игоря воровать, подделывать документы. И Эдику не я подсказывала, когда он писал на Матвея... Хороши, нечего сказать!..»

Слушала Инка Беллу Ивановну, и хотелось ей ска-

зать: «Дорогая Белла Ивановна, откройте пошире глаза, прислушайтесь не к сердцу, а к разуму — и вы увидите, что сын ваш не стоит и сотой доли восторгов, которыми вы одариваете его!..»

А может быть, Белла Ивановна и сама все это знала, да, утишая собственную боль, старалась обмануть и себя и других?

Наконец она вспомнила о том, зачем Инка пришла. Решительно воткнула подрозовленный губной помадой окурок в пепельницу.

— Работай, Кудрявцева! Работай так же красиво и очень честно, как и до этой противной истории, которая такое огромное пятно положила на чистую репутацию двадцать третьего магазина... Как кончится все и суд скажет свое справедливое слово, так я переведу тебя в центральный, на отдел поставлю. Будем снова, в боях и труде, завоевывать нашу славу...

Она проводила Инку на улицу. Крепко, по-мужски, тряхнула ей на прощанье руку.

Алексей ждал возле газетного киоска. В руках у него были газеты и свежий номер «Крокодила». Журнал он сразу же уступил Леночке, которая, хмуря Инкины прямые бровки, стала листать его со взрослым интересом. А мать ее с тревогой ждала, что скажет Алексей.

А что он мог сказать?! Расстались они с Григорием быстро. Быстрее, чем думалось. На душе остался неприятнейший осадок. Григория будто вдруг подменили: «Отдай Инку! — с хрипом, удушливо припадал он к Алексею и заглядывал в глаза. — Отдай! Хочешь, на колени стану? Хочешь?!» Словно только от них двоих зависело, с кем быть Инке.

Не мог всего этого рассказать Алексей. Слишком не мужским оказался разговор. Ясно было лишь то, что Григорий любил Инку, что ради нее он готов был пойти даже на такое вот унижение. Всю дорогу, пока шел Алексей к

конторе магазина, в ушах стояли отчаянные, молящие, глухие выкрики: «Отдай! Моя она, моя!.. Хочешь, на колени стану?..»

— Не думай о нем, Алеша...

Он взял из Инкиных рук Леночку, и та приняла это как должное, начала тыкать пальчиком в карикатуры и спрашивать: «А это кто? А это? А зачем он плачет? Он же большой, зачем плачет?..» Такие вопросы! Зачем плачут большие мужчины? Действительно, зачем?

◆

ГЛАВА XXIV

А Еремин все не мог успокоиться. Он сходил в буфет, выпил стакан кофе с молоком, потом решил подстричься, но по дороге в парикмахерскую передумал и вернулся в свой кабинет с окном на север. Никогда сюда не заглядывало солнце, и даже в летний полдень тут стоял прохладный полумрак. Это еще и оттого, что верх окна закрывался густыми ветвями старого клена. Сегодня резные листья клена напоминали Еремину детские ладошки, прижатые к стеклу.

Он, как и тогда, когда ушла Инка, подошел к окну и стал смотреть на раскаленную мостовую, словно хотел опять увидеть там молодую женщину в помятом платье, которое стало ей просторным. Пытался представить, что сейчас делает Инка: с кем встретилась, как передает о своем пребывании в милиции — не получалось, он никак не мог увидеть ее лица, видел лишь худые лопатки, шевелящиеся под просторным платьем выпуклые тонкие ключицы да медленный поворот ее головы, когда оглянулась на здание милиции...

Еремин, пожалуй, давно не ощущал такого острого

неудовлетворения выполненной работой, как сегодня. Не выходила из головы Инка. Ему думалось, что она никогда не простит ему позора, которому он подверг ее, продержав столько времени под арестом. Да еще оправдался самим придуманной формулировкой: «Лучше перепроверить лишний раз, чем выпустить преступника на волю!..» Не выходила из головы вообще вся эта история с хищением винно-водочных изделий. Который раз за день в подсознании словно бы красная электролампочка вспыхивала — как в светофоре: «Стоп, Еремин! Не спеши! Езда на красный свет ведет к аварии!..» Он трижды брал следственное дело о жуликах в руки, чтобы отправить его в прокуратуру, а как только вспыхивала эта вот сигнальная лампочка, клал на место. Капитан вновь листал его, пытаясь доискаться до причины той невнятной душевной смуты, которая не давала покоя.

«Видимо, все-таки Окаев-младший! — решал он для себя. — Арестовать бы его на свой страх и риск, а уж до «кондиции», до полной развязки пусть прокуратура и суд доводят... Но — доказательства, где неопровержимые доказательства его вины? — И Еремин отступал: — Лучше перепроверить лишний раз, чем лишать невинного человека свободы хотя бы на один час!..»

Опять бесцельно листал разноцветные листы толстых папок, в коих была заключена вся история преступления. И когда перед глазами развернулась страничка с подшитым милицейским бланком, Еремина вдруг словно что-то толкнуло: здесь ищи, тут! А на бланке было отпечатано всего три строчки:

«Областное управление охраны общественного порядка убедительно просит трудоустроить Пичугина С. С. на имеющееся у вас вакантное место заведующего складами.

Зам. начальника УООП
полковник И. Сухачев».

Полковник Сухачев уже два года, как вышел в отставку и работал в одной из автобаз инспектором по кадрам. Вначале Еремин хотел съездить к нему, переговорить о Пичугине, а потом передумал, считая, что это ничего к делу не добавит. Но сейчас неудовлетворенный собой капитан слишком обостренно воспринимал все, что касалось незаконченного, как он считал, дела. Насторожило его это отношение на официальном бланке: не здесь ли начинается ниточка, ведущая к Окаеву-младшему?

Он разыскал в справочнике номер телефона Сухачева и позвонил ему. После общих фраз о здоровье и житье-бытье Еремин, извинившись перед своим бывшим прямым начальством за беспокойство, попросил его приехать в милицию. А тем временем вызвал в кабинет Пичугина.

Тот вошел высокий, с круглой остриженной головой, в расстегнутой до последней пуговицы клетчатой ковбойке, вошел смело, с веселым вызовом в рыжих глазах. Как и положено, руки держал за спиной. Но Еремин уже знал, что Пичугин только строил из себя бесстрашного балагура, а на самом деле нервничал, а когда нервничал, то на жилистых, оголенных по локоть руках дергал рыжий волос, будто птицу ощипывал.

— Соскучились, гражданин начальник? — громко, с насмешкой спросил Пичугин, опускаясь на стул.

— Как ваше здоровье, Пичугин, как самочувствие?

— Что — здоровье?! Все со мной, ничего дома не осталось. Только вот оскомина на зубах — хлеб кисловатый приносят.

— Ну, это не страшно. А вообще-то, значит, ничего?

— Ничего, живу! Двадцать лет до пенсии осталось. Чего ж не жить! Вы, гражданин следователь, хотите все убытки завода на мне выверстать! — Пичугин, сам не замечая того, стал выщипывать на руках рыжие волоски. — Получается, взял лыко — отдай ремешок. Но — не вдруг в гору, гражданин следователь, а то гужи лопнут. Вы хо-

тите меня, как яичко, облупить и скушать. А ведь я круто сварен, не всмяточку, можно и поперхнуться!

— В том, что вы круто сварены, убедились ваши компаньоны. Им рубли да копейки перепадали, а вам — червонцы да сотенные. Но отвечать придется одинаково...

Еремин с улыбкой, искоса следил за Пичугиным, который тоже улыбался, но, слегка морщась, продолжал ощипывать свои сильные мускулистые руки. «Нервничаете, любезный? Это хорошо. Значит, не совсем уверены в себе!» Еремин решил воспользоваться уловкой:

— Эдуард Окаев говорит, если б знал, что Пичугин так надувает нас, своими руками прикончил бы!

В рыжих круглых глазах Пичугина на долю секунды скользнула тень, но он тут же рассмеялся:

— Вы ж не желторотый какой-нибудь, гражданин капитан! Зачем темнить? Слышал я, что есть какой-то Окаев, но оговаривать человека не стану. Воры — народ честный!

— Да-да, мы в этом тоже убедились, — с усмешкой кивнул Еремин, всматриваясь в бумагу, подписанную Сухачевым, и думая, почему тот так долго не приезжает. — А Иван Игнатьевич Сухачев и не знает, что вы его подвели. Он так и считает, что вы работаете на ликеро-водочном. Видите, как нехорошо получается.

— Соблазн, гражданин следователь! В море быть и ног не замочить?

— Вы репутацию замочили! Не свою, разумеется. А вот у Ивана Игнатьевича, да и у Эдуарда... Такого парня впутали, загубили. Жалко!

И опять в золотистых глазах Пичугина тень проскочила. Вероятно, он не был уверен, что Эдик не арестован. Его смущало, что следователь говорит об Эдике словно бы мимоходом, словно его уже больше ничего не интересует, а Пичугина он вызвал ради каких-нибудь незначительных формальностей и не завершает эти формальности

только потому, что никак не найдет какую-то нужную бумажку: то ящики стола выдвигает и заглядывает в них, то в папках роется... И Пичугин нервничал.

В дверь постучали, и вошел мужчина лет пятидесяти, сухощавый, с орлиным профилем. Был он в белой сорочке и поношенных синих галифе с красным кантом.

— Можно?

— Да-да, проходите, пожалуйста, садитесь! — вскочил Еремин, протягивая ему руку.

— Здравствуйте, Иван Игнатьевич! — тоже встал и заискивающе поклонился Пичугин. От Еремина не ускользнуло, что красное от сплошных веснушек лицо Пичугина на мгновение покрылось белыми пятнами.— Очень мне приятно вас видеть, Иван Игнатьевич.

Сухачев ответил ему сдержанным кивком и прошел к свободному стулу у распахнутого окна.

— Как вам нравится Пичугин, Иван Игнатьевич? Вы ему — рекомендацию, вы его в порядочные люди прочили, а он у государства полтора миллиончика старыми хапнул да и вновь паинькой рядится.

— Простите, товарищ Еремин, но я что-то этого человека не припоминаю. — У Сухачева седые брови изогнулись над светлыми пристальными глазами, лоб наморщился, он напрягал память. — Ей-богу, не помню!

— Как же, Иван Игнатьевич! — с неподдельным удивлением подался к нему Пичугин и зачастил, заторопился: — Вы же меня рекомендовали, когда я по амнистии вернулся! Мне так хотелось оправдать ваше высокое доверие, и я так раскаиваюсь. Я вам такую блоху подпустил, Иван Игнатьевич, будь я на вашем месте, то задал бы Пичугину такую баню, чтоб до новых веников помнил!..

— Честное слово, не видел я вас сроду, — пожимал плечами Сухачев, взглядывая на Еремина, у которого пересохшие губы растягивала непроизвольная улыбка, а на

лысом темени проступила испарина. — Ты меня разыгрываешь, Еремин?

— Почему же? Нет! С этим человеком вы знакомы. Читайте. Вы его рекомендовали. — Еремин подсунул Сухачеву раскрытое дело.

Светлые глаза Сухачева быстро пробежали написанное, метнулись на Еремина, на Пичугина, опять на Еремина. В них было недоумение.

— Подпись моя. Но таких рекомендаций я отродясь не подписывал.

— Ваша подпись подделана, Иван Игнатьевич! — сказал Еремин, сдерживаясь, чтобы не выдать своего торжества.

Следователь еще не отдавал подпись на графическую экспертизу, но уже был уверен в том, что она поддельная. Это он видел по бледному, точно замороженному лицу Пичугина, безмолвно смотревшего за окно, на клочок голубого неба. Голубизна просвечивала сквозь кленовую листву, которая приставила зеленые ладошки к верхнему стеклу.

Еремин пожал руку Сухачеву и вновь извинился за беспокойство. Сказал, что его, Еремина, лишь это свидетельское заявление и вынуждало пригласить Ивана Игнатьевича сюда. Для протокола. Для приобщения к делу.

— Я уже как-то отвык от этого всего! — засмеялся Сухачев и, остро, холодно взглянув на неподвижного Пичугина, вышел.

Еремин — руки за спиной — легко прошелся по кабинету, легко развернулся на носках ботинок.

— Ну, Пичугин?..

Арестованный оторвал глаза от голубого островка в окне и со злой ухмылкой уставился на Еремина:

— Ладно, капитан, твоя взяла! Записывай...

Еремин подошел к маленькому столику в углу комнаты и открыл крышку портативного магнитофона.

...Через два часа Еремин позвонил майору Окаеву:

— Если можете, товарищ майор, зайдите на несколько минут! — И когда Окаев вошел, добавил: — Я далек от мысли сделать вам больно, но вы должны знать истину.

Он включил магнитофон. В полусумраке кабинета зазвучал хрипловатый, с долгими паузами голос Пичугина.

— С Егором мы давно знакомы. Очень давно... Когда я вышел по амнистии, Егорушка молвил: хорошо бы, голуба, на ликеро-водочный, там, слышь, вакансия есть... Начали думать: как попасть на должность? Егорушка об Эдике вспомнил. Он уж на мелочишке его зацепил: перстенек к дню ангела преподнес... Встретился с ним сызна, слезу пустил: помоги хорошего человека к делу пристроить, для тебя это пустяк!.. Эдуард и сотворил рекомендательное письмо... Начали, как вам уже известно, с малого. Но, взяв перстом, стали задевать и горстью. И нарвались на капкан. Нашему Ванюшке везде камушки: в церковь пошел — обедня отошла, домой воротился — пообедали. Так и у нас вышло. Бог шельму метит, одним словом...

Некоторое время было тихо, лишь чуть слышно шелестели движущаяся пленка да вращающиеся кассеты магнитофона. Думалось, Пичугин закончил свою исповедь. Но неожиданно раздался его глухой дробный смех:

— А пожил же я, капитан! Есть что вспомнить... А Эдика хотелось спасти. Он бы нам со своими папой и мамой мог еще пригодиться! Ну да черт с ним! За одну эту продавщицу нет ему, псу, прощения... Передавал ведь сто раз через Егора: проверяй и проверяй кадры!..

Еремин щелкнул выключателем — диски магнитофона замерли. Сочувственно смотрел на ссутуленного Окаева, сидевшего рядом с его столом.

— Проглядели вы, товарищ майор, мальчишку... Скажите, чем я смогу вам помочь?

Окаев встал, одернул китель и блеснул стеклышками очков на Еремина:

— Не надо притворяться, капитан... А вообще-то, скверно все получилось. Прости, что несправедлив был к тебе...

И он ушел, сутуля плечи и спину.

◆

ГЛАВА XXV

Третью неделю ходила Инка на работу. Ходила, отпускала товар, улыбалась покупателям, но делала все как-то автоматически. Она жила ожиданием: вот зайдет в магазин посыльная и протянет ей повестку. И всем сразу станет ясно, что это за повестка, куда ее, Кудрявцеву, вызывают. И никто не скажет — вернется ли она из суда в магазин. Только Алексей убежден, что она и вернется, и будет работать.

Но ведь это Алексей! Ему на роду написано успокаивать да утешать ее.

Написано ли? В последнее время она почти не видит его. Забежит на пять-десять минут и — извини! — мчится дальше, на завод мчится. В последнее время завод ему стал дороже ее. По вечерам окно его номера в гостинице — черное, телефон не отвечает. Выходит, ночами он тоже на заводе? — «Да, работы много, Иннушка, очень много. Я почти не бываю в гостинице». И она верит, что он действительно на этом чертовом заводе сутками пропадает, потому что раза два видела, как он выходил из проходной в третьем часу ночи. Хотелось приблизиться, прижаться к нему, ощутить запах машинного масла от

его одежды... Не приближалась. Кто его знает, как он на это посмотрит: «Следишь? Не доверяешь?» И вообще ему могло прийти в голову бог весть что!

А без него ей так плохо! Ей очень плохо без Алексея.

И позавчера они поссорились. Он зашел к ней, когда она сдавала смену. Из магазина вышли вместе. Он говорил, а сам смотрел куда-то поверх домов, поверх деревьев. Чужим было его лицо, чужим был взгляд.

— Тебе уже скучно со мной. А ты еще собирался жениться.

— И сейчас собираюсь.

— В другую влюбился?

— Глупости, Инна.

А у самого было такое выражение, словно сказанное ею совершенно не коснулось его сознания. Инка злилась:

— У тебя что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось. Работы много. Устал.

— Если любишь... Если... Мог бы чаще бывать. И дольше. Мог бы, мог! А то — подачки, одолжение...

— Иннушка, опробование агрегата, неполадки...

— То агрегат, то с чертежами сидит, то... — У Инки накипали слезы. — Я уже не нужна, я лишняя. Не приходи больше! И я не приду! Все! Одинаковые вы...

Он взял ее за руки, привлек к себе, близко-близко заглянул в рассерженное лицо:

— Инка, родная моя, зачем ты так?

— Надоела я тебе, надоела! Не нужен мне твой адвокат, и деньги я тебе отдам. У брата возьму. И ты не нужен!..

Она вырвала руки и ушла. А потом всю ночь не могла уснуть. И ругала, ругала себя! У него, может быть, на самом деле очень много работы. Эгоистка. Бездушная...

И вот только что снова забегал к ней Алексей, Алеша. Она делала вид, что не замечает его, улыбалась мужчинам, строила глазки парням, заводила пустой разговор с

наскучавшими дома бабками. А он в тысячный раз изучал содержимое застекленной витрины, и его широкие брови то сходились к переносице, то разглаживались, когда словоохотливый покупатель отходил наконец от прилавка. Алексей страдал, это Инка видела. Она тоже страдала, но выдерживала характер: пусть не очень носится со своим заводом, со своим агрегатом! Подумаешь!

Алексей дождался, пока она немного освободилась. Привычно шагнул к концу прилавочной витрины, упиравшейся в боковую стену магазина. Инка подошла с наигранной невозмутимостью, легкая и грациозная в накрахмаленном высоком колпаке и в хрустящем белом халате.

— Я же сказала, Алеша!..

— Я и не зашел бы... Приди после работы. Уезжаю. Срочный вызов.

Инка заметно побледнела.

— Когда уезжаешь?

— Сегодня. Не знаю, на какой самолет билет возьмут... Извини, Иннушка, мне еще на завод нужно...

— Завод, завод! Ну и иди на свой завод! — Повернулась к нетерпеливо поджидавшей покупательнице: — Вам сахару? Пожалуйста.

Алексей ушел. Опять она обидела его. Ушел он, как-то старчески приподняв плечи. А она не могла дождаться смены. Не дай бог, если у Клавы ребенок заболеет или еще что-то случится! Дурной, неужели он и правда думает, что она равнодушна и к его заводу, и к его агрегату?! Ей все-все дорого, что связано с ним, с ее Алешей! Просто у нее состояние сейчас такое...

Деловито перешагнула порог женщина с небольшой дерматиновой сумкой, какие бывают у разносчиц телеграмм. Оглядела покупателей и отозвала Инку в сторону, к тому месту, где всего несколько минут назад говорили они с Алексеем.

— Вы Кудрявцева?

— Да, я. — У Инки пропало сердце, оно совсем не посылало крови к рукам, и немеющие пальцы не держали карандаша, который подала ей женщина.

— Распишитесь. Завтра, в десять утра. В повестке написано...

Завтра. В десять. А Алексей сегодня улетает... И Клава не идет. Она уже на целых пятнадцать минут опаздывает!

Клава влетела запыхавшаяся. Она опоздала на час.

— Знаешь, в Центральном такие кофточки дают — чудо! Девчонки обещали оставить. Тебе нужна?.. Инка, на тебе лица нет! Обсчитали?

Инка протянула повестку. Клава испуганно прижала пальцы к губам, казалось, она боялась обронить какое-нибудь неосторожное слово. Смотрела на подругу сочувственно и со страхом. Можно было понять по ее лицу: не доведись мне оказаться в твоем положении, подруженька!

Инка сбросила колпак и халат, надела прозрачный синтетический плащ с капюшоном.

На улице шел мелкий осенний дождь. Небо почти касалось заводских труб. Верба над арыком роняла и роняла желтые листья: любит-не-любит. И даже мокрый ветер пахнул разлукой.

А навстречу — Григорий! Прыгнуть через арык, спрятаться за облетающими кустами акации... Но он уже увидал ее, радостно приподнял руку: приветик, подруга жизни, ты здесь не подженилась?

— Ну, чего тебе, чего нужно от меня?! — Инка готова была разреветься с досады. — Как банный лист...

Он сразу потускнел, сразу полез за папиросами.

— Да перестань ты курить! Без твоего дыма тошно... Ну, чего тебе?

Григорий смял в пальцах папиросу, бросил в арык.

— Станем под навес... Дождь.

— Не ситцевые, не слиняем. Говори, чего тебе еще, мне некогда!

— Зачем ты платье прислала, Инна? Я от души...

— А мне не нужны твои подачки! Раньше надо было заботиться...

В прошлый его приезд, когда они встретились во дворе с Алексеем, он купил ей дорогое платье и оставил на квартире у бабки. Инка пришла и тут же отнесла его на почту. Бабка лишь головой качала: «Ох, горькая у тебя жизнь будет, доченька!..»

Они стояли на тротуаре под бесконечным нудным дождем, прохожие задевали их, толкали и, не извиняясь, торопились дальше. Все торопились под крышу, к теплу. Инка тоже торопилась. К Алексею. А Григорий смотрел на нее покорными преданными глазами и просил постоять еще пять минут, еще минутку. Никогда она не видела у него таких глаз.

— Знаешь, подруга жизни, — он только для собственной храбрости старался говорить несколько фамильярно и даже развязно,— знаешь, я ведь совсем сюда... Уехал от предков... Будем налаживать жизнь. Верно говорю, а?

— Ты? Уехал? — Инке показалось, что она ослышалась. Она сбросила с головы свой синтетический капюшон, по которому дождь стучал, как сыплющееся пшено. — И ты решился?

— Конечно! Ты плохо меня знаешь. Помнишь, все на тебя всякое, а я... Родители против были, а я на своем — женился. Помнишь, Инка? Я ведь если захочу, то...

— Но тебя никто не ждал здесь. — Голос у Инки стал ледяным. —Разбитый горшок как ни склеивай... Ты же знаешь, я с Алексеем...

— У других и похуже бывает... У нас Леночка...

— Как у тебя все просто, Кудрявцев! И потом, — Инка показала повестку в суд. — Видишь? Может быть, зря с мамашей ссорился, вернуться придется.

— Тебя не посадят, — буркнул он, нащупывая в кармане папиросную пачку.

— А если посадят? Молчишь? — Сейчас Инка была совершенно уверена, что никто ее и не вздумает сажать, и все прежние страхи показались смешными. Будто именно эта встреча с Григорием придала ей уверенности в себе, в своей правоте. Она нетерпеливо сдвинула прямые брови, поблескивающие капельками дождя: — Прошу прощения, Кудрявцев, но мне очень некогда...

Инка заправила каштановую мокрую прядь под штапельный платочек, надвинула капюшон и побежала к вздохнувшему на остановке автобусу.

◆

ГЛАВА XXVI

Алексей стряхнул в вестибюле намокшую кепку и подошел к дежурной по этажу:

— Меня никто не спрашивал?

— Нет, никто.

Он взял ключ и направился к себе. Остановился:

— Да, я забыл... Пришлите, пусть примут у меня номер...

— Вы уезжаете?

Алексей глянул на часы.

— Через час.

В номере он сложил вещи и бумаги в большой желтый чемодан и остановился у окна. Показалось, что в помещении душно. Щелкнул шпингалетами, открыл одну створку. Дохнуло дождевой сыростью, грустным запахом опадающей листвы.

Инка не появлялась. Мимо по тротуару шли и шли люди, но никто не сворачивал к подъезду гостиницы. Тускло поблескивала лаком дежурная «Волга», привез-

шая Алексея. Через сорок минут она отвезет его в аэропорт. Шофер включил приемник и углубился в толстую книгу. Алексей видел ее, когда ехали сюда. «Декамерон». Хорошее чтиво при такой вот дрянной погоде. Может быть, рейс отменят? Видимость не очень-то...

В кармане хрустнула бумажка. Ну да, телеграмма! Срочно отзываетесь, окончание работы поручите такому-то...

А Инка не шла.

Топорщились на часах стрелки и двигались, торопились, будто не могли добраться до той минуты, когда поднимется в воздух самолет. Их пора бы перевести на московское время. Два часа разницы со здешним.

А Инки все не было.

Через тридцать шесть минут — отправление самолета.

Неужели она всерьез обиделась на него? Но ведь у него столько дел было в последние полмесяца. Пускали его агрегат, его детище.

Вошла горничная. Собирала простыни, снимала наволочки. На правах давнего знакомства вела не нужные ему разговоры.

— Вот вы, Алексей Петрович, говорите, что обожаете кильку и ливерную колбасу. А мне их и на дух не надо, меня просто воротит от такой несерьезной пищи... И както удивительно даже, что вы, интеллигентный образованный человек, а любите ливер и кильку... Они мне вот просто поперек горла...

— И мне тоже. — Алексей набрал номер. — Это вы, Илья Соломонович? Что новенького? Завтра суд?.. Понимаете, я сегодня улетаю... Да я не беспокоюсь, но все-таки... Верю, что все будет хорошо, но, Илья Соломонович, вы же... Я вам позвоню завтра из Ленинграда... Очень вам благодарен за все! Будьте здоровы и счастливы, Илья Соломонович!..

А Инка не шла и не шла.

И горничная допытывалась, почему вдруг и ему ливер стал поперек? Пришлось сказать, что оговорился, что сегодня он как никогда влюблен в ливер, особенно в пирожки с ливером. И в кильку!

— Вашей супруге подвезло, Алексей Петрович! Ведь килька — самый дешевый продукт по нынешним временам. Ей-пра, подвезло!

— Поэтому я и люблю ее.

— А как же она, жена ваша. Вот прилетите, она вас встретит... А как же! Любовь — она самая заглавная штука...

До отправления самолета оставалось двадцать девять минут. А он, пассажир, все еще выжидал у окна. Будто ему страсть как хотелось слушать шелест дождя и монотонную, тоску навевающую речь горничной, которая не очень-то спешила сменить белье и убраться из номера.

Алексей выдернул из кармана блокнот, положил на стол. Стремительно летело перо:

«Инка! Инна! Милая Иннушка!

Я не дождался. Что тебя задержало? Сейчас заскочу к тебе в магазин и домой. Если не застану — оставлю эту записку... Родная Инка, не умели мы ценить наше время. Нам так мало его отпускалось, а мы так небрежно относились к нему... Я люблю тебя, люблю, люблю... Прости, если когда-нибудь обидел... Этот вызов — очень неожидан для меня... В суде — все будет хорошо. Главное, держись. Верю, ты станешь после всего перенесенного крепче, сильнее... Так тяжело, что не увижу тебя перед отъездом! Не думай, что я камень... До встречи, Инна, до скорой встречи. Мы встретимся навсегда. Написал сумбурно, извини, очень тороплюсь.

А тебя все нет и нет!

Целую. Твой Алешка».

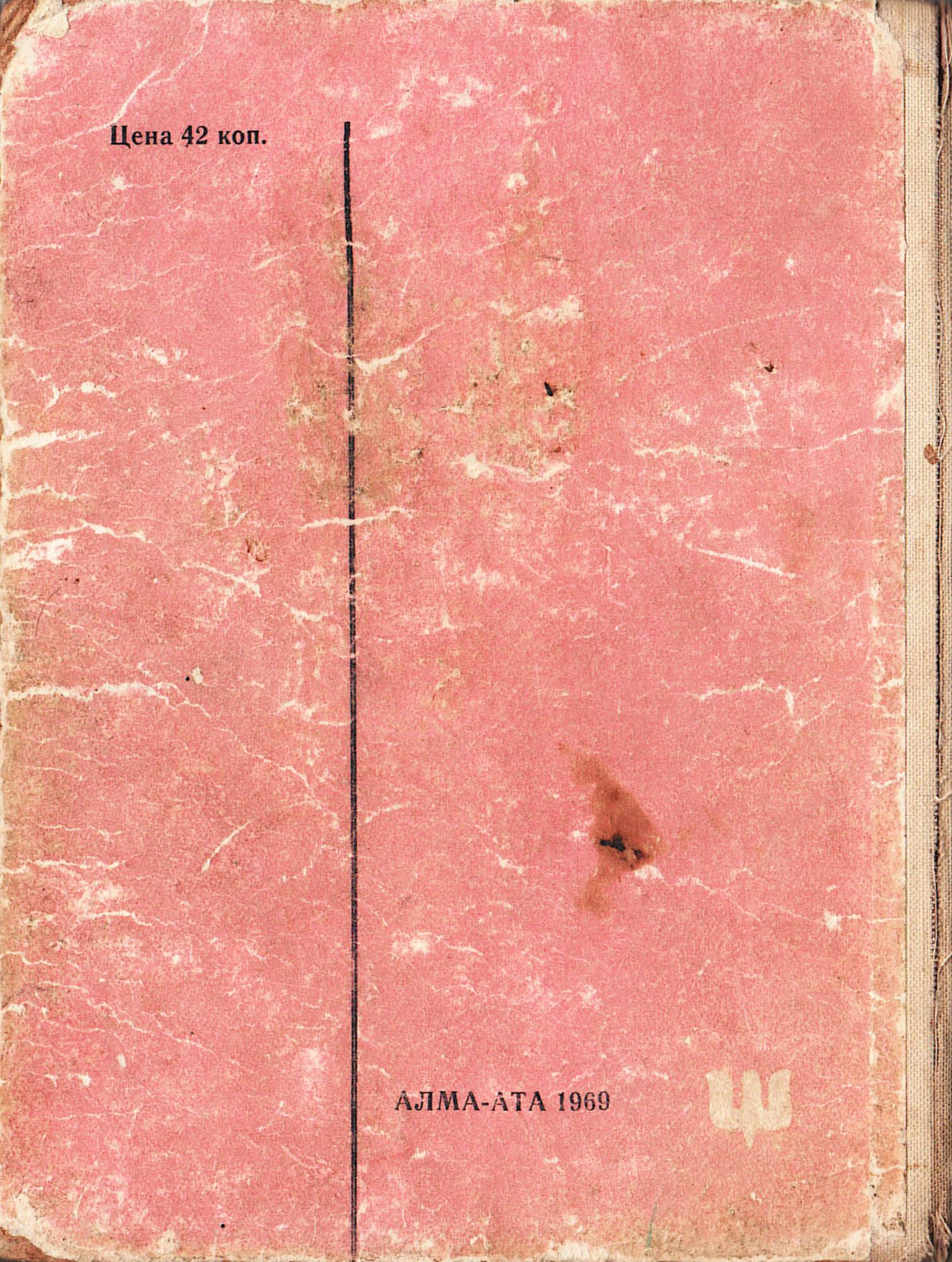
Он спрятал записку в карман пиджака и торопливо схватился за ручку чемодана. Прощально окинул взглядом казенную комнату, столько месяцев служившую ему прибежищем. И в следующую секунду увидел за окном Инку. Откинув с головы капюшон расстегнутого плаща, она взбегала по ступеням в вестибюль гостиницы. Из-под штапельного платочка на раскрасневшуюся влажную щеку выбились каштановые волосы...

Г. Уральск. 1968 г.

Редактор **М. Джумагулов.**
Художник **К. Турскулов.**
Худож. редактор **А. Бейсембинов.**
Технич. редактор **С. Лепесова.**
Корректоры **Р. Островская** и **Сокульская.**

Сдано в набор 21/IV-69 г. Изд. № 215. Подписано к печати 15/VII-69 г. УГ03985 Бум. тип. № 2. 70×108$^{1}/_{32}$=6,75 п. л.=9,46 усл. п. л.=(Уч.-изд. л. 9,83). Тираж 100 000 экз[redacted]п. Зак. 3193. **Цена 42 коп.**

Набрано в типографии № 18. Отпечатано в Полиграфкомбинате Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по печати. Алма-Ата, Пастера, 39.

Цена 42 коп.

АЛМА-АТА 1969